

ЭРИХ ХАНКЕ

**ВОСПОМИНАНИЯ
ПОДПОЛЬЩИКА**

ERICH HANKE

ERINNERUNGEN
EINES ILLEGALEN

MILITÄRVERLAG
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN
REPUBLIK

ЭРИХ ХАНКЕ
ВОСПОМИНАНИЯ
ПОДПОЛЬЩИКА

Перевод с немецкого
В. Г. Чернявского

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1976

9(М)72
Х19

Ханке Э.

Х19 Воспоминания подпольщика. Пер. с нем.
В. Г. Чернявского. М., Воениздат, 1976.

192 с.

В этой книге автор рассказывает о нелегальной деятельности берлинской организации Коммунистической партии Германии после прихода к власти нацистов. На богатом фактическом материале он показывает борьбу немецких патриотов против фашизма.

Мужество, несгибаемая воля и высокая идейная убежденность коммунистов служили примером для всех немецких патриотов, подъявшихся против нацистской тирании.

Книга представит интерес для широкого круга читателей.

Х $\frac{10605-198}{068(02)-76}$ БЗВ-16-75

9(М)72

© Перевод на русский язык, Воениздат, 1976

*Сыновьям моим Гейнцу и
Дитеру посвящаю.*

ЭРИХ ХАНКЕ

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Вряд ли человек будет чувствовать себя хорошо, если его поздно вечером доставят в полицей-президум Берлина и предъявят обвинение: принадлежность к Союзу красных фронтовиков, контрабанда оружия, организация склада оружия.

9 ноября 1932 года трое служащих уголовной полиции схватили меня в доме моих родителей, когда я пришел с работы. За несколько дней до этого был арестован наш районный инструктор, а теперь вот наступила моя очередь. Часов в пять дня меня допрашивали в окружном управлении Фредерсдорф под Берлином.

На меня посыпался град вопросов:

— С каких пор вы состоите членом Союза красных фронтовиков? Кто входит в вашу группу? От кого получаете оружие? Где вы его прячете?..

И так продолжалось часа три.

Я все категорически отрицал, потому что и в самом деле не был членом Союза красных фронтовиков. Правда, я командовал отрядом самообороны антифашистского комитета действия в местечках Петерсхаген-Норд и Петерсхаген-Зюд. Такие комитеты были созданы по призыву коммунистической партии во многих городах и в сельской местности для организации противодействия политике фашизации страны и террору нацистских банд. Ведь еще за много месяцев до установления фашистской диктатуры многие классово сознательные рабочие становились жертвами штурмовиков и эсэсовцев. Так, во второй половине июня 1932 года от рук штурмовиков погибло 17 антифашистов, а в июле еще 86. С 8 по 25 января 1933 года гитлеровцы совершили 78 нападений на антифашистов, на их собрания и народные дома.

Растущий террор, прежде всего со стороны вооруженных банд штурмовиков, диктовал партии необходимость

подготовиться к вооруженной обороне и разгрому фашистских сил в интересах защиты рабочего класса и его союзников. А для этого нужно было в первую очередь организовать сбор оружия. В 1932 году экономический кризис в Германии достиг своего апогея. Выборы в ноябре показали, что широкие слои народа, положение которых с каждым днем становится все невыносимее, готовы пойти по пути, указанному коммунистами. Тогда финансовый капитал взял курс на установление открытой диктатуры.

Вопрос теперь заключался в следующем: удастся ли создать единый фронт рабочих партий, объединить всех антифашистов, восстановить и укрепить демократические права, или же победит фашизм, который свергнет Германию в новую войну?

После предварительного допроса сотрудники уголовной полиции объявили, что я арестован и должен следовать за ними на Александерплац, где находился полицейский президиум.

— У вас есть ордер на арест? — спросил я.

— Нет! Но мы его получим.

— Тогда сначала принесите ордер, я подожду.

Сыщики зло взглянули на меня. Хотя в Веймарской республике буржуазно-демократические свободы уже были урезаны, все же при аресте обязательно требовалось предъявить надлежащим образом оформленный ордер. Этим я и воспользовался. Один из сыщиков нехотя поднялся и пошел к автомашине.

— Из-за вас я приду домой позже по крайней мере на два часа. Этого я вам не забуду! — пригрозил один из оставшихся полицейских.

— А я вам никогда не забуду своего ареста! И потом, для меня потеря двух часов вашего времени означает сокращение на два часа моего пребывания в камере.

— Вы думаете, нам доставляет удовольствие отвозить людей в тюрьму? — спросил другой. — И вообще, чего вы, коммунисты, добиваетесь? Все равно по-вашему не будет.

— А как будет? По-вашему, да? Фашисты не вызовят парод из нужды. Они только на обещания горазды! Никаким национальным социализмом у них и не пахнет. Они защищают интересы меньшинства. Кто убивает рабочих и громит профсоюзы, тот служит финансовому капиталу.

Оба полицейских молчали, задумчиво глядя на меня.

Наконец вернулся третий, с ордером на арест, и сыщики доставили меня в полицей-президиум, отвели к дежурному и исчезли.

Дежурное помещение пересекал барьер. Я стоял по одну сторону его, а с другой стороны за обшарпанным канцелярским столом сидел полицейский вахмистр.

— Опорожните ваши карманы и выложите их содержимое на стол! И без фокусов: я проверю, все ли вы достали.

Я сунул руку в левый карман своей кожаной куртки и нащупал листок бумаги. Меня словно током ударило: ведь это расписка районного инструктора за доставленные пистолеты! Я совсем забыл о ней. Мысленно крепко обругал себя за легкомыслие. Просто повезло, что сыщики во время длительного допроса не обшарили мои карманы. Видимо, поленились.

Полицейский пересел за другой стол, стоявший примерно метрах в трех от барьера, и начал оформлять на меня бумаги. Воспользовавшись этим, я, держа левую руку в кармане, скатал записку и зажал ее между пальцами. Одновременно правой полез в левый внутренний карман куртки и вытащил бумажник.

Вахмистр принялся заполнять на меня опросный лист.

— Как зовут?

— Эрих Ханке.

Не ожидая, когда он поднимет голову от бумаг, я без передышки продолжал:

— Родился тринадцатого января тысяча девятьсот одиннадцатого года в Берлине.

Он записывал. Я снова что-то вынул из кармана. Все мое внимание было сосредоточено на одном: незаметно скрутить расписку. Наконец это мне удалось — между пальцами лежал малюсенький бумажный шарик. Я перевел дыхание.

Вахмистр громко спросил:

— Место жительства?

— Петерсхаген, Эберешенштрассе, двадцать четыре «а».

Я взглянул на пол. Он был грязный, на нем валялись обрывки бумаги. «Только бы сыщик не заявился сейчас сюда», — подумал я.

Вахмистр старательно скрипел пером. Тогда я тихонько разжал пальцы, и бумажный шарик упал на пол. Я на-

ступил на него ногой. Тяжкий камень свалился с моего сердца. На этот раз, кажется, сошло!

Между тем я опорожнил все свои карманы. Вахмистр встал. В барьере был проход, закрывающийся доской. Полицейский откинул ее и очутился рядом со мной. Собственноручно обыскал мои карманы. Носовой платок я получил обратно, все остальное исчезло в большом бумажном пакете, на котором была выведена моя фамилия. И тут распахнулась дверь.

— Готово? — спросил один из тех трех сыщиков, которые доставили меня сюда.

— Сейчас, — ответил полицейский.

После того как я расписался в сдаче своих вещей, меня передали вахмистру, который находился в тюремном корпусе. Он отвел меня в камеру.

Не могу вспомнить, как прошла моя первая ночь в тюрьме. Кажется, я настолько устал после тяжелого рабочего дня и допроса, что тотчас же крепко заснул. И это не удивительно: после всего пережитого отдых был для меня необходим.

В последние месяцы спать мне приходилось не более четырех-пяти часов в сутки. После работы дважды в неделю я занимался спортом, а другие вечера до отказа были заполнены партийной работой. Даже воскресенье не было исключением: обострившаяся политическая обстановка требовала полной отдачи сил. Я возвращался домой часов в десять-одиннадцать вечера и еще час-другой занимался чтением коммунистической литературы.

Меня волновали тогда десятки проблем: причины страданий, нищеты, несправедливости, эксплуатации и угнетения, экономических кризисов, войн и способы их искоренения. Я искал ответы на эти вопросы и находил их в гениальных трудах классиков марксизма-ленинизма.

Мой организм справлялся с такой нагрузкой. Этому, вероятно, способствовал скромный и разумный образ жизни: получив хорошую закалку в рабочем спортивном движении, я не курил и очень редко употреблял спиртное.

На следующее утро, сидя в тесной камере, я обдумывал свое положение. Видимо, арестовали только районного инструктора и меня. Я был уверен, что он не сказал ничего такого, что могло бы повредить мне. Надо полагать, на допросе, который мне сейчас предстоит, многое

прояснится. Кроме того, в ближайшие три дня станет известно, возбудят ли против меня дело. По закону любого арестованного через три дня должны или освободить или перевести в следственную тюрьму. Это законоположение не изменилось и при «веймарской демократии», хотя, конечно, в Веймарской республике судопроизводство носило классовый характер: оно было направлено против рабочего класса и защищало политическую и экономическую власть крупного капитала и юнкерства.

Наступил второй день заключения. Утром при раздаче пищи я обратился к вахмистру с просьбой разрешить мне читать, и после обеда в мою камеру принесли несколько книг. Не помню сейчас их названий, но содержание оказалось интересным и увлекательным. Я читал запоем всю вторую половину дня, весь вечер и следующий день, делая перерыв только на время еды. Мой расчет на то, что меня скоро допросят, не оправдался. Я продолжал читать. Глаза начали болеть от напряжения, но я не хотел отказываться от такого приятного занятия, тем более что оно помогло забыть о печальной действительности. И все же полностью забыть о ней я не мог. Не представляю, что было бы, если бы у меня не было возможности читать. Тогда я не смог ответить на этот вопрос. Я чувствовал себя несчастным, потому что не знал, как можно вынести длительное заключение. Год тюрьмы казался мне целой вечностью.

Я ненавидел общественный порядок, который лишал свободы людей, если они выступали за права и счастье народа. Но не стану скрывать: в душу мою закрадывались и сомнения. Что даст тебе политическая деятельность, спрашивал я себя. Ведь никто не заставляет тебя заниматься политикой. Ты имеешь работу, приличный домик с садом и мог бы жить спокойно и без забот... К тому же политическая работа — дело трудное, требующее жертв. До сих пор ты только читал о жестокости классового врага или видел это на примере других. Ты возмущался и негодовал. Сейчас же ты впервые в жизни сам столкнулся с этим. Так принимай решение! Как ты поступишь, если тебе повезет и тебя отпустят?

А может ли вообще жизнь человека не зависеть от общества, к которому он принадлежит? Можно ли жить в обществе, как Робинзон на необитаемом острове? Конечно нет! Политика правящего класса направлена и против

тебя. Ты не входишь в число шести миллионов безработных, но снижение зарплаты с 1,56 марки до 1,03 марки за рабочий час чувствительно затронуло и тебя. И монополия богачей на образование — тоже: у тебя отняли возможность получить его. Агрессивная политика империализма неизбежно ведет к войне, в которой погибнут миллионы людей, и ты, возможно, будешь в их числе. Так неужели ты согласишься с тем, чтобы тебя, как барана, погнали на бойню? Нет! А раз так, то ты не должен сидеть сложа руки. Ты должен еще лучше, еще активнее вести партийную работу, чем до сих пор.

В первой половине третьего дня заключения меня наконец повели на допрос. После проверки моих демографических данных следователь сказал:

— Итак, записаться бессмысленно. Ваш районный инструктор признался во всем. Вы — член запрещенного Союза красных фронтовиков, вы доставали оружие и принимали участие в организации его склада.

Я понял, что напрасно надеялся на скорое возвращение домой, но тем не менее решительно возразил:

— Это не соответствует истине. Ваши обвинения ни на чем не основаны.

Следователь в упор посмотрел на меня, но я выдержал его взгляд. И вдруг он обратился к присутствующему в кабинете надзирателю:

— Этого парня нужно освободить.

Такой неожиданный поворот совершенно сбил меня с толку. Допрос продолжался не более десяти минут.

Товарищи сердечно приветствовали меня после возвращения. Но я вернулся из тюрьмы один: нашего районного инструктора не выпустили. Его приговорили к трем годам тюремного заключения.

20 ноября 1932 года Всеармейский комитет безработных и Всегерманский комитет единства антифашистского действия призвали трудящихся города и деревни к борьбе за спасение населения от голода и холода.

Конференция инструкторов нашего района, в который входили Петерсхаген-Норд, Петерсхаген-Зюд, Эггерсдорф, Фредерсдорф и Фогельсдорф, занялась подготовкой и проведением акции протеста против фашизации страны. На конференции меня избрали районным инструктором.

В последующие недели политическая обстановка обострилась. Массовое движение трудящихся против сниже-

ния заработной платы, сокращения пособий по безработице, растущей дороговизны и коричневого террора ширилось и набирало силу.

Монополистическая буржуазия стремилась установить диктатуру, поэтому Гинденбург 30 января 1933 года поручил Гитлеру сформировать правительство.

Товарищи в нашем районном комитете понимали опасность создавшегося положения. Мы немедленно собрали членов партии и антифашистских отрядов самообороны. В нашем распоряжении оказалось около ста двадцати человек. Мы рассчитывали на то, что к нам присоединятся другие антифашисты, если партия и отряды самообороны выступят открыто и тем самым окажут влияние на население. Одновременно я послал двух товарищей в подокружной комитет в Штраусберге, чтобы установить с ним связь. Там тоже приступили к действиям, но, к сожалению, с некоторым запозданием.

Вместе с одним из моих товарищей мы отправились на велосипедах в Рюдерсдорф и Хеннингсдорф, которые не входили в наш подокруг. Местами на шоссе был такой гололед, что мы были вынуждены идти пешком. Когда мы добрались до места назначения, там уже собралось около восьмисот антифашистов.

Хорошая организованность и решительность товарищей в этом районе произвели на меня большое впечатление. Они ждали сигнала, когда можно будет начать марш на Берлин, чтобы воспрепятствовать установлению фашистской диктатуры. Кроме того, предусматривалось проведение демонстраций протеста. Члены партии, которые по возрасту или состоянию здоровья не могли участвовать в этих боевых мероприятиях, должны были проводить беседы среди населения по месту жительства, чтобы поднять людей на активные действия против фашистов.

Центральный Комитет КПГ 30 января 1933 года призвал ко всеобщей политической забастовке против правительства Гитлера — Гинденбурга — Папена. Однако силы коммунистов и социал-демократов, подготовленных к решительной борьбе против фашистов, оказались недостаточными. Руководство СДПГ и профсоюзов отклонило новые предложения КПГ о создании единого фронта. Оно препятствовало объединению всех антифашистов и проведению всеобщей забастовки, что могло бы заставить гитлеровское правительство уйти в отставку. Если бы наибо-

лее сознательная часть рабочего класса — его авангард — поднялась, выступила без поддержки широких масс, противнику была бы предоставлена великолепная возможность одним ударом физически уничтожить лучшие кадры партии.

Нам не удалось помешать установлению фашистской диктатуры. Германский рабочий класс потерпел поражение. Штурмовики, эсэсовцы, весь государственный аппарат, который захватили в свои руки фашисты, установили чудовищный террористический режим. Началась подготовка к самой кровавой в истории войне.

Первый удар был направлен против коммунистической партии. Только 28 февраля 1933 года было арестовано более десяти тысяч коммунистов, и среди них — значительная часть депутатов, кадровых работников окружных и подокружных комитетов КПГ и Коммунистического союза молодежи. В последующие дни волна арестов распространилась на функционеров низовых организаций и рядовых членов партии.

Были отменены все демократические права — неприкосновенность личности, свобода мнений, свобода собраний и организаций, свобода печати, тайна почтовой переписки. 2 мая 1933 года штурмовики заняли помещения профсоюзов, конфисковали их собственность и отправили многих профсоюзных работников в концлагеря. 22 июня 1933 года последовало запрещение социал-демократической партии. Депутатские мандаты социал-демократов были аннулированы, около трех тысяч функционеров СДПГ подверглись аресту.

Вина за все это лежит на правых социал-демократических лидерах. Они сделали все для того, чтобы сорвать усилия коммунистической партии по созданию единого антифашистского фронта. С помощью демагогических маневров и репрессий, таких, например, как исключение из партии тех, кто выступал за единые действия с коммунистами, они удерживали своих сторонников от совместной с КПГ борьбы против фашизма.

Нацисты свирепствовали всюду. Десятки тысяч людей были зверски замучены в тюрьмах и концлагерях. Гитлеровцы старались подавить любое сопротивление их политике.

Когда начались массовые аресты, я, подчинившись указанию партийного руководства, спрятался у знакомых,

а через три недели вернулся к своим родителям. Многих моих товарищей схватили штурмовики. Руководители партийной организации подокруга Штраусберг были арестованы, связь между низовыми организациями, можно сказать, почти полностью нарушилась.

В мое отсутствие в нашем доме было проведено несколько обысков, но я решил, что смогу продолжать политическую работу, нужно только действовать осторожнее. В конце марта 1933 года мне удалось установить контакт с берлинским окружным руководством. Один товарищ из отдела, ведущего работу в пригородах Берлина, поручил мне воссоздать партийную организацию в Штраусберге.

Бывший руководитель организации был арестован и находился в городской тюрьме Альтландсберга. Через его невесту, которой было разрешено посещать арестованного в тюрьме, я получил от него адреса членов низовых ячеек партии. Вечерами после напряженного рабочего дня я исколесил на велосипеде десятки километров, чтобы восстановить контакты с местными партийными организациями. Мой подокруг простирался от Нойенхагена близ Берлина до Букова. Поэтому пришлось приложить немало усилий, чтобы связаться с местными товарищами. Со многими товарищами я был знаком лишь поверхностно, по участию в подокружных конференциях. А что я делал теперь, они не знали. Ведь уже много недель в Германии свирепствовал коричневый террор. Некоторые из наших рядов не выдержали преследований и, страшась репрессий, перешли на сторону фашистов, вступили в отряды штурмовиков. Поэтому недоверие какой-то части коммунистов было вполне понятным. И чтобы его преодолеть, требовались дополнительные усилия и время. К концу мая я сумел, как мне казалось, справиться с главными трудностями. Мне удалось восстановить связи между местными ячейками, в каждой из них было создано работоспособное руководство.

Но вот наступил вечер 3 июня 1933 года. Около девяти часов вечера я возвращался домой после встречи с Артуром Гофманом, кассиром штраусбергской подокружной организации. Радость по поводу того, что нам удалось снова наладить работу в подокруге, сменилась у меня заботами и тревогами о ближайшем будущем.

Большая часть пути осталась позади, я уже свернул на нашу улицу, и вдруг мои размышления прервались:

в каких-нибудь ста метрах от меня, возле дома моих родителей, стоял большой полицейский автомобиль. Я замедлил шаги, лихорадочно обдумывая, что делать в создавшейся обстановке. В это время меня окликнул сосед, который стоял в воротах своего сада, наблюдая за происходящим на нашем участке:

— Господин Ханке, они снова у ваших! Идите сюда, ко мне, а то вас увидят.

Я последовал его совету. Укрывшись в воротах, рассматривая, что в машине под охраной жандарма находятся Артур, с которым я расстался каких-нибудь полчаса назад, и один сочувствующий коммунистам житель нашего поселка, квартиру которого мы использовали для встреч. Сосед сообщил, что в нашем доме несколько полицейских. Ясно, что арестуют и меня.

Я распрощался с соседом и повернул обратно. Меня не заметили. Переночевал я у старого товарища, испытанного коммуниста Гейнца Ахтеркирхена. Мы обсудили с ним мое положение.

— В подокруге тебе больше нельзя работать, — сказал он. — Ты подвергнешь опасности себя и других товарищей.

Много недель, напрягая все силы, выполнял я поручения партии. И что же, теперь, когда самое трудное осталось позади, мне придется бросать политическую работу? Все во мне протестовало против такого решения. Но скрепя сердце я был вынужден согласиться с доводами старого коммуниста. Гейнец выразил готовность взять на себя мою миссию, пока не будут получены дальнейшие указания от партии. Я передал ему свои связи и сообщил время и место явок.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Решение прекратить работу в подокруге Штраусберг мог утвердить только берлинский окружной комитет. Установить с ним связь через комитет подокруга Панков помогла Мария Шефер, которую я знал уже давно.

На явку пришел один из наших политических руководителей Ганс Андрецки.

— Товарищ из нашего отдела, ведущего работу в пригородах Берлина, арестован, — сказал он. — Он мужест-

венно выдержал пытки и не дал никаких показаний. Однако у него не было достаточного опыта конспирации, и в его записной книжке нашли несколько адресов. Возможно, что и твой адрес тоже!

Обстановка складывалась неблагоприятно, но я был рад, что теперь по крайней мере ясна причина арестов.

— Таким образом, твой переход на нелегальное положение — дело решенное, — продолжал Ганс, — и мы хотим предложить тебе эмигрировать.

— Мне кажется, что в этом нет необходимости. В Берлине меня никто не знает, и я мог бы вести в городе подпольную работу, не подвергаясь особой опасности.

Ганс согласился со мной. Было решено направить меня в подокруг Панков, где я уже установил связи через Марию Шефер. Я начал там работать в качестве инструктора по городам Бланкенбург, Каров и Бух, а в середине июля 1933 года товарищи поручили мне руководство агитацией и пропагандой во всем подокруге Панков.

Таким образом, в моей жизни неожиданно наступил резкий поворот. Поскольку полиция разыскивала меня, я не мог ни поступить на работу, ни прописаться по месту жительства. Мои подлинные документы нигде нельзя было предъявить. Во время уличных облав, которые проводились тогда довольно часто, меня могли легко схватить. Фиктивных документов у меня тоже, к сожалению, не было. Однако вставшие предо мной задачи не давали времени думать о том положении, в котором я оказался. Прежде всего надо было активизировать работу панковской партийной организации, сильно пострадавшей от фашистского террора.

1 августа отмечался как день борьбы против империалистической бойни: первая мировая война началась 1 августа 1914 года. И мы решили, что 1 августа 1933 года, несмотря ни на что, коммунисты должны продемонстрировать боеспособность своей партии и показать всем антифашистам, что кровавый террор не сломил нас, не заставил прекратить борьбу.

Нелегко было убедить наших товарищей, и прежде всего в предместьях Берлина, в необходимости проведения таких крупных мероприятий. Они считали, что это приведет к ответным мерам со стороны фашистов. Членам подокружного комитета все-таки удалось рассеять их

сомнения. Вся партийная организация стала интенсивно готовиться к проведению антивоенного дня. В почтовые ящики были опущены десятки тысяч листовок с лозунгами: «Война империалистической войне!», «Фашизм — это война!», «Долой фашизм! Предотвратите войну! Пожалейте себя и своих детей!». Члены партии разбрасывали на оживленных перекрестках сотни тысяч листовок и вырезанные из бумаги пятиконечные звезды, расклеивали плакаты.

Все началось в ночь на 1 августа и протекало по плану, дисциплинированно и организованно.

Нас очень порадовала инициатива большой группы подростков. Они подбирали с мостовых сотни наших листовок и раздавали их пассажирам на станции городской железной дороги в Цепернике.

Опасения наших товарищей по поводу арестов не оправдались. Очевидно, фашисты полностью исключали возможность возобновления деятельности нашей партийной организации в районе между Панковом и Бернау. В газете «Нидербарнимер анцайгер» появилась большая статья, в которой довольно подробно описывались наши действия, а в заключение говорилось, что демонстрация была подготовлена и проведена коммунистами берлинской городской партийной организации.

Успешное проведение антивоенного дня значительно укрепило в наших товарищах чувство уверенности в своих силах и способствовало повышению их активности. Этот успех в то же время доказал, что при соблюдении правил конспирации наша партия может быть боеспособной даже в трудных условиях подполья.

Совершенствование конспирации имело в тот момент огромное значение. Массовая революционная партия, большинство функционеров и членов которой было известно властям, может быть боеспособной лишь в том случае, если ей удастся приспособиться к новым условиям. Подпольная работа должна быть построена таким образом, чтобы, несмотря на террор и преследования, партия сохраняла связь с массами, чтобы были обеспечены безопасность партийных кадров и оперативное руководство всей организацией.

До запрещения КПГ в ячейки по месту жительства зачастую входило более ста членов партии, хорошо знавших друг друга. Несмотря на массовые аресты, числен-

ный состав этих ячеек был довольно велик. Поэтому партийное руководство нашего подокруга решило сделать организации по месту жительства (на предприятиях в Панкове партячеек почти не было) более мелкими. В августе — сентябре 1933 года были созданы группы по пять человек. Коммунисты могли знать друг друга и поддерживать связь только внутри своих пятерок. Каждая пятерка должна была работать самостоятельно.

Несколько пятерок составляли ячейку, а несколькими ячейками руководил инструктор, связанный с комитетом подокруга. Было решено не созывать собраний, в которых участвовало бы от двадцати до тридцати товарищей, как это обычно имело место еще в начале перехода партии на нелегальное положение.

Эти мероприятия дали возможность значительно сократить число арестов и надежнее обеспечить работу ячеек по месту жительства, а также комитета подокруга.

Многие товарищи постепенно стали понимать, что антифашистскую работу можно развернуть и внутри массовых организаций самих фашистов, используя последние как прикрытие. Первыми к такому выводу сразу же после установления фашистской диктатуры пришли руководители рабочих спортивных клубов. Они рекомендовали спортсменам-рабочим вступать в буржуазные спортивные клубы и союзы. Там, продолжая занятия спортом, можно было одновременно обеспечивать связь по организационной линии, открыто общаться друг с другом и проводить политическую работу. Будучи ответственным за работу спортивных организаций подокруга Панков, я поддерживал связь с их руководителем товарищем Вальтером Микином. Вальтер возглавил партийную организацию, охватывающую Дрезден, Галле и Лейпциг. Позже он был арестован.

В декабре 1934 года, чтобы получить конкретное представление о возможности нашей работы в рамках фашистских спортивных организаций, я принял участие в поездке группы спортсменов-антифашистов, объединенных в легальном спортивном союзе. На тогдашнем Штеттинском вокзале в Берлине встретились около пятнадцати юношей и девушек. За день до этого, разделившись на небольшие группы, они успешно, без потерь провели акцию по распространению листовок. Мы отправились на поезде в

Мекленбург, остановились в доме крестьянина, ходили в походы, пели, играли и занимались физкультурой.

Товарищи из подокруга Панков, как и другие подпольные группы коммунистической партии, разрабатывали все новые формы и методы для того, чтобы проводить агитационную работу с возможно меньшим риском. Так, одному из наших товарищей, работавшему на электроламповом заводе «Осрам», пришла в голову мысль использовать кислоту, с помощью которой маркировались лампочки, в наших целях. Он изготовил два штампа со словами «КПГ живет!» и «Долой фашизм!». Смочив их в кислоте, он делал оттиски на стеклах витрин магазинов, перед которыми всегда останавливались сотни людей.

Товарищи придумали сравнительно безопасный метод распространения большого количества листовок среди населения. Они забирались на чердак какого-нибудь дома и просовывали в окошко доску. Под нее поперек укладывали другую. На конец первой доски, который выходил на чердак, ставили ведро с водой, в котором было пробито отверстие. На другом конце, что выглядывал из окошка, слабо укреплялась пачка листовок — штук сто или двести. Чаще всего это делалось на оживленных городских перекрестках. Как только из ведра вытекало определенное количество воды, центр тяжести перемещался, доска опрокидывалась, а листовки разлетались. Прежде чем доска перевертывалась, проходило минимум двадцать минут, и за это время товарищи успевали спокойно уйти.

Комитет нашего подокруга состоял из молодых членов партии. Политическому руководителю Алисе (Марга Элиасзон) было двадцать шесть лет, руководителю по организационной работе Зигги (Зигмунд Шпилер) — двадцать пять, мне, ответственному за агитацию, — двадцать два года. Мария Шефер отвечала сначала за пропаганду, а затем за работу среди женщин.

Марга Элиасзон была очень красивой, темпераментной и интеллигентной женщиной, энергичным работником и прекрасным человеком. Порой у меня складывалось впечатление, что опасность ее совершенно не пугает. Марга быстро усвоила правила конспирации. Она прекрасно понимала политические и организационные задачи нашего подокруга, отлично умела использовать положительные примеры борьбы, извлекать уроки из отрицательных и применять полученный опыт в работе организации. На-

шей газете «Ди вархайт» она уделяла большое внимание. Иногда мы часами просиживали вместе с ней на конспиративной квартире, писали статьи и обсуждали их.

Марга знала, что я люблю Марию, и, конечно, относилась к этому с уважением. А любовь к Марии заполняла все мое существо. К Марге я испытывал чувство глубокого уважения. Эта очаровательная молодая женщина всецело посвятила свою жизнь служению нашему делу — борьбе с фашизмом.

О нашем руководителе по оргработе Зигмунде Шпилере — коммунисте и замечательном человеке — я расскажу ниже.

Перед нами стояли ответственные и трудные задачи, и наших политических знаний, равно как и опыта организационной работы и конспирации, было явно недостаточно, поэтому мы много раз пытались привлечь к работе старых, опытных партийных функционеров. Но из этого ничего не получилось. Товарищи были слишком хорошо известны властям. Конечно, Марга, Мария, Зигмунд и я были мужественными, решительными, активными товарищами и это до некоторой степени, особенно в начальный период работы в подполье, компенсировало недостаток опыта.

Руководители низовых организаций, в подавляющем большинстве классово сознательные рабочие, уважали нас, несмотря на нашу молодость. Кроме того, нас направляли умные, опытные боевые товарищи из областного руководства, например, Франц Метт, а после его ареста Эрнст Ланге.

Франц Метт — высокий, худой, лет около тридцати, по всему своему облику настоящий рабочий человек. Черты его лица выражали энергию и сильную волю. На заседаниях, которые Франц проводил с Маргой, Зигги и мной — столь сравнительно большой круг лиц позволялось привлекать в первые месяцы работы в подполье, — он говорил медленно, спокойно и несколько неуклюже. Казалось, каждое слово дается ему с трудом. Метт был немногословен, но зато каждая его фраза была основательно продумана, каждое слово весомо. Он был очень скромен, хотя имел большой опыт политической и организационной работы. Он прекрасно знал нужды, заботы и чаяния людей труда. Франц Метт был настоящим коммунистом.

Однажды мы случайно встретились на Пренцлауэраллее. Соблюдая конспирацию, я сделал вид, что не знаю его, и хотел пройти мимо. Однако он заговорил со мной. Мы свернули на соседнюю улицу, чтобы обсудить вопросы, касавшиеся деятельности подокружного комитета. Во время беседы он несколько раз испытующе взглянул на меня и неожиданно произнес:

— А ведь ты, Альберт, голоден!

Альберт — это мой тогдашний подпольный псевдоним.

Я был поражен. Как он узнал, что я голоден? Я не хотел в этом признаваться и попытался придать разговору иной поворот. Тогда он сунул мне в руки сверток с бутербродами и распрощался.

Через несколько месяцев Франца арестовали. Когда его спустя много лет освободили, он опять взялся за нелегальную работу. В 1944 году Метт попал в лапы гестапо, был приговорен к смерти и казнен.

Исключительно умной, очаровательной и скромной женщиной была Мария Шефер. Она, как и многие молодые люди того времени, пришла в коммунистическую партию из буржуазного молодежного движения.

Впервые я увидел ее в 1932 году, когда она вела в Петерсхагене курсы политической экономии. До этого Мария в течение трех лет училась в Ленинской школе в Москве и влюбилась там в одного итальянского товарища. Прошли годы их совместной жизни и учебы, а когда пробил час расставания, Джино и Мария вернулись к политической работе — каждый в своей стране.

В Италии свирепствовал фашизм. Джино проработал в подполье лишь девять месяцев, затем он был арестован и приговорен к семи годам каторжной тюрьмы. Связь с Джино Мария могла поддерживать только через его родителей. Она писала ему раз в месяц.

Горе Марии глубоко тронуло меня. Чтобы как-то помочь ей, я попросил моего прежнего учителя товарища Канненгиссера переводить письма с итальянского. Общая борьба, общие интересы сблизили нас, мы подружились, а затем полюбили друг друга.

По политическому развитию и образованию Мария превосходила меня. Она умела мастерски, очень ясно, понятно и увлекательно разбирать самые сложные вопросы. Ее статьи для нашей подокружной газеты «Ди вархайт» были доказательны и убедительны. Она много читала,

хорошо знала труды классиков марксизма-ленинизма и советовала мне приналечь на учебу. И кажется, понемногу мне это стало удаваться.

Наша совместная жизнь, несмотря на трудности и лишения, протекала в полном согласии. Не могу припомнить ни одной размолвки между нами. Я любил Марию и восхищался ею. Моя кипучая энергия и ее уравновешенность и рассудительность, по всей вероятности, счастливым образом дополняли друг друга.

В конспиративной работе Мария показывала пример осторожности, спокойствия и выдержки. Бывало, товарищи, плохо владевшие своими нервами, пугались даже случайных прохожих, которые оказывались на той же дороге, что и они. С Марией ничего подобного не случилось. Она всегда трезво и тщательно взвешивала создавшуюся обстановку.

Лишь один-единственный раз я увидел ее очень обеспокоенной. Мы жили тогда в Панкове, на углу улиц Веттерзеештрассе и Эшенграбен, в одной симпатизирующей нам семье. Официально прописана здесь была только Мария. Однажды вечером — мы уже улеглись спать — она вдруг вскочила и, подбежав к окну, осторожно выглянула из-за гардины на улицу.

— Вот уже более часа на углу стоит какой-то человек и наблюдает за нашим домом, — сказала Мария. — Будем надеяться, что он не из гестапо.

Я тоже выглянул из-за гардины, но мне показалось, что этот молодой человек просто ждет свою девушку.

— Ты абсолютно уверен, что за тобой не следят? — спросила Мария. — Что касается меня, то я проверила каждый свой шаг.

То же самое я мог сказать и о себе и тем не менее ответил:

— Давай завтра проверимся особенно внимательно, чтобы рассеять все опасения.

Я видел, что мои слова не успокоили Марию. Она нервничала и была обеспокоена до тех пор, пока мы твердо не убедились, что на сей раз наши тревоги напрасны.

Мария была очень женственной. Несмотря на наши скромные средства, она умела одеться так, чтобы подчеркнуть свою привлекательность. Но некоторые ее взгляды, которые она сохранила со времени своего участия в обществе друзей природы, казались мне смешны-

ми. Например, вначале она не хотела носить ни шелковых чулок, ни тем более шляпы. Лишь убедившись, что эти модные детали одежды служат также и целям маскировки, Мария вняла моим советам.

В то время Мария отвечала за работу среди женщин в берлинском окружном комитете. Ее кандидатуру предложили для участия в VII конгрессе Коминтерна. Купив для предстоящей поездки Марии шляпу, мы собрали последние деньги и отправились в кафе на Шпиттельмаркт. Сидя на втором этаже, мы хорошо видели прилегающую площадь. Эти послеобеденные часы были для нас незабываемы. Мы шутили, смеялись, и я подтрунивал над Марией, над тем, как это «дитя природы» превратилось в элегантную даму. Тогда, в июле 1935 года, мы еще не знали, что наше счастье продлится так недолго.

ФАБРИКА ГАРБАТТИ

В подокруге Панков было мало крупных предприятий. Каждый член комитета отвечал за работу на одном из них.

Мне досталась сигаретная фабрика Гарбатти, где работали в основном женщины, примерно двести пятьдесят человек. Перед приходом к власти фашистов наша партия имела на этом предприятии крепкую производственную ячейку, которая выпускала собственную газету «Дер Гарбатти пролет» — «Пролетарий фабрики Гарбатти». В марте 1933 года ячейку разогнали, ее члены были арестованы или уволены.

После тщательного предварительного изучения обстановки с участием Зигмунда Шпилера, хорошо знавшего партийную организацию Панкова, я выяснил, что на фабрике работает женщина, которая в прошлом симпатизировала коммунистам. Мы, однако, не знали, изменились ли ее политические взгляды с приходом фашистов.

Вести на фабрике Гарбатти политическую работу я поручил Ильзе (Хильда Фенске), жене учителя-коммуниста, интеллигентной, энергичной и решительной женщине. Несмотря на то что у нее было двое детей, она, не колеблясь, взялась выполнить задание.

Сначала мы с Хильдой обсудили, как нам наладить связь с фабрикой. Я свел ее с коммунисткой, которая знала ранее симпатизировавшую нам работницу.

Перед самым концом рабочего дня Хильда и эта коммунистка остановились неподалеку от фабричной проходной, и женщина показала Хильде ту самую работницу. Хильда пошла за работницей следом и на остановке трамвая заговорила с ней. Выяснилось, что антифашистские убеждения женщины не изменились. Правда, она не была уверена, что сможет наладить связь с другими работницами, но выразила готовность информировать Хильду о происходящем на фабрике. Объективная и надежная информация этой женщины оказалась весьма полезной для оценки обстановки на предприятии.

С помощью Зигги удалось разыскать клише заголовка прежней фабричной газеты «Пролетарий фабрики Гарбатти». Мы выпустили новую газету, в которой выступили по ряду конкретных вопросов, касающихся положения на фабрике. Хильда печатала статьи на пишущей машинке — дважды по шесть экземпляров. Затем мы передавали все экземпляры симпатизирующей нам работнице, которая распространяла их.

Она также выразила готовность понаблюдать, какое впечатление произведет наша газета. Ей помог случай. Однажды она невольно подслушала разговор двух работниц. Одна из них сказала: «Послушай, Фридель, а ведь «Пролетарий Гарбатти» появился снова!» Другая на это с радостью заметила, что она тоже читает газету.

Сознание того, что она не одна, воодушевило нашу помощницу. Вскоре она наладила связь с этими двумя женщинами, и за довольно короткое время на предприятии образовалась группа из шести антифашисток.

На фабрике у господина Гарбатти было много непорядков, и среди работниц зрело недовольство. Мы с Хильдой составили листовку, в которой рассказали об этих непорядках и вскрыли их причины.

Особенно большое впечатление на работниц произвело распространение листовок. Это задание с большим мужеством и отвагой выполнили Хильда Фенске и Фрида Хуземан. Предприятие Гарбатти находилось на Берлинерштрассе, почти у самой станции городской железной дороги в Панкове. Железнодорожный мост проходит там над улицей, и это обстоятельство мы использовали.

Обычно в обеденный перерыв большая часть работниц находилась неподалеку от моста. Здесь они собирались группами или прохаживались по Берлинерштрассе. Кро-

ме того, возле моста постоянно были люди — и те, кто посещал биржу труда на Хадлихштрассе, и те, кто просто спешил на станцию или ожидал на остановке трамвая.

Действовать надо было наверняка. За несколько дней до этого Хильда и Фрида предприняли пробную поездку, во время которой в деталях прорепетировали свои действия, конечно, за исключением разбрасывания листовок. Они убедились, что риск здесь минимальный.

И вот в назначенный день в обеденный перерыв, когда поезд городской железной дороги прогремывал по мосту, дверь в одном из вагонов распахнулась — вниз полетели сотни листовок с обращением от запрещенной КПГ к работницам фабрики. Прежде чем фашисты сообразили, что произошло, Хильда и Фрида были уже на станции Гезунбруннен. Там они смешались с толпой пассажиров и разошлись в разные стороны.

Много листовок попало в руки случайных прохожих, но тем не менее происшедшее произвело на предприятии впечатление разорвавшейся бомбы и способствовало росту возмущения работниц хозяином и фашистским режимом.

Когда наступило время выборов фабричного старосты, мы решили противопоставить кандидату фашистского «Трудового фронта» беспартийного, но классово сознательного товарища. Одновременно мы занимались поисками более действенных агитационных методов, с помощью которых можно было бы оказывать политическое влияние на работниц.

— Мы должны иметь возможность дать листовку каждой работнице, — сказала однажды Хильда.

Поначалу эта проблема не находила своего решения. Но уже через несколько дней, придя на очередную встречу, Хильда объявила:

— Наконец-то придумала! Мы разложим листовки по конвертам, заклеим их, а сверху с помощью наборной резиновой азбуки, которую можно купить в любом магазине игрушек, напишем на каждом конверте только одну фразу: «Если хочешь узнать свое будущее — спроси об этом у звезд!» Это заинтересует любую женщину.

Так мы и сделали. Работницам были розданы «рекламные листовки». Женщины, спешившие с работы домой, увидев интригующую надпись на конверте, улыбались и клали конверты в сумки. Некоторые, правда, тут

же вскрывали конверты, читали листовки и шли дальше, к станции городской железной дороги.

Эта остроумная затея, о которой заговорили далеко за пределами предприятия, помогла нашей партии завоевать на фабрике Гарбатти еще большие симпатии.

Затем мы занялись подготовкой к предстоящим выборам фабричного старосты. Здесь тоже нужно было действовать осторожно, чтобы не поставить под удар группу и не подвести под арест новых ее членов. Поэтому комитет подокруга разработал для выборного собрания тонко сформулированные вопросы, которые наверняка должны были понять работницы, ибо они затрагивали их кровные интересы. Члены нашей женской группы в доверительных беседах со многими работницами рекомендовали голосовать за намеченных заранее беспартийных кандидатов. Часть работниц была готова в случае необходимости открыто выступить против кандидатов фашистского «Трудового фронта», хотя это и грозило арестом.

Собрание показало, что мы несколько недооценили свое влияние. Сначала все работницы молчали. Затем одна из женщин — член нашей женской группы — спросила, намеревается ли руководство устранить на фабрике антисанитарию. Возникла оживленная дискуссия. Выдвинутый фашистами кандидат был забаллотирован: его поведение на собрании не давало работницам никакой гарантии, что он действительно будет представлять их интересы. За наших кандидатов голосовали даже рабочие, вступившие в СА.

Своим успехом на фабрике Гарбатти мы были обязаны инициативе и находчивости Хильды. Но не последнюю роль сыграло и то, что мы хорошо знали обстановку на фабрике, что позволило нам в листовках вскрывать имевшиеся там непорядки, разоблачать фашистов.

Тем самым наша партия продемонстрировала, что и в условиях фашистского террора даже небольшая группа коммунистов в состоянии успешно бороться против фашизма и привлечь к этой борьбе трудящихся.

«ЛИЦО» В ОКНЕ

Особенно важной задачей для меня, как руководителя агитационно-пропагандистской работы, было издание газеты «Ди вархайт» — органа подокружного комитета в

Папкове. Ее печатали на ротаторе, на листках бумаги машинописного формата. Статьи обычно писали члены комитета, используя при этом информационный материал берлинского окружного комитета. Кроме того, товарищ Марианна Ланге переводила статьи и заметки из буржуазных английских и французских газет, которые в то время еще можно было купить в газетных киосках.

Когда все материалы были приготовлены, я делал макет и размещал иллюстрированный материал. Затем кто-нибудь из членов нашей группы перепечатывал материал на восковки, а другой товарищ после согласования со мной рисовал на восковках заголовки и иллюстрации.

Работа эта была для меня совершенно новой. И тем не менее газета удалась. Она получилась живой, интересной, технически делали мы ее безупречно. Поначалу мне помогал Зигги. Он объяснил весь технологический процесс, и под его руководством на Треллеборгерштрассе были отпечатаны первые два номера подпольной «Ди вархайт».

Выпуск и распространение печатного органа были связаны с немалым риском, и этот риск был оправдан лишь при условии высокой эффективности газеты.

Исключительно трудно оказалось найти квартиру, где можно было бы установить ротатор. Небезопасно было также закупать тысячи листов бумаги, краску и восковки. Это могло дать в руки фашистам нить для раскрытия нашей подпольной организации. Чтобы уменьшить опасность, мы делали наши закупки часто, но в небольших размерах и в разных магазинах.

За работу на ротаторе и снабжение материалами отвечали безработный Вилли Фогт и коммунистка из пригорода Бух. Зигги назвал мне ее псевдоним — Эмиль.

Вилли спокойно и без лишних слов выполнял все, что я ему говорил. Он снимал комнату в доме на Шёнхаузераллее, 103. И когда хозяйка квартиры отсутствовала, мы там печатали нашу газету.

Товарищ Эмиль была занята на работе и в выпуске газеты не могла участвовать, поэтому мы печатали вместе с Вилли.

Когда мы принялись в первый раз за дело, произошел следующий случай. Я отправился к Вилли вечером, в начале десятого. Его хозяйки дома не было, она собиралась заночевать у родственницы.

Так как Вилли уже много лет не имел работы и все его доходы составляли 3 марки 90 пфеннигов в неделю — пособие по безработице, он, естественно, не мог платить за освещение. Электричество ему отключили, и Вилли довольствовался керосиновой лампой. Его большая комната была освещена очень слабо, керосиновая лампа горела лишь в том углу, где стоял стол с ротатором.

Наши нервы были сильно напряжены. Мы внимательно прислушивались к каждому шороху. Тишина нарушалась лишь скрипом валика, который прокатывался по бумаге.

Вдруг что-то сильно стукнуло в окно. Мы испуганно уставились в ту сторону, откуда донесся стук, и увидели в окне чье-то лицо. Не сводя глаз с окна, мы бросились в самый темный угол комнаты. Чья-то физиономия виднелась за стеклом, не исчезая.

— Что делать? — спросил Вилли.

— Вон из квартиры, и как можно быстрее!

Мы скатились вниз по лестнице. Очутившись на улице, перешли на другую сторону Шёнхаузераллее, спрятались в подъезде какого-то дома и стали наблюдать за улицей. Моя мысль напряженно работала.

— Почему стена в лесах?

— Рабочие обновляют штукатурку.

— Но ведь не может быть, чтобы кто-нибудь взобрался на третий этаж ночью!

— Думаю, что никто из рабочих не стал бы этого делать, — согласился со мной Вилли.

— Может быть, на леса вылез кто-нибудь из соседней квартиры?

— Вряд ли, там живут старики.

— Но ведь мы оба видели лицо! Сначала этот стук, а затем лицо!

Вилли пожал плечами.

Мы прикидывали в уме все возможные варианты. Поймать нас не поймают. Но может быть, Вилли лучше исчезнуть, уйти в подполье? Однако тогда мы потеряем столь удобное место для выпуска газеты.

Прошло полчаса, час, полтора, два часа... Час ночи. Все было спокойно.

— Как думаешь, Вилли, может, нам все-таки возвратиться в квартиру? Попробуем продолжить работу.

— Согласен.

Медленно поднявшись по ступенькам, мы вошли в комнату. Горела керосиновая лампа, все было спокойно. Мы осторожно подошли к окну — на стекле белело пятно штукатурки размером с человеческое лицо. По всей вероятности, стекло еще днем запачкали штукатурки, а мы просто не заметили этого. Когда же во время нашей работы порывом ветра свалило с лесов доску, нам с испугу почудилось, что к стеклу приникло чье-то лицо. Поняв, как было дело, мы расхохотались, а затем с новой энергией принялись за работу. Долго еще товарищи подтрунивали надо мной, вспоминая это «лицо» в окне.

ВИЛЛИ И ПОРТНОЙ

В течение нескольких месяцев в центре всеобщего внимания находился судебный процесс по делу о так называемом «поджоге рейхстага». Он длился с 21 сентября по 23 декабря 1933 года. Героическое поведение на этом процессе болгарского коммуниста Георгия Димитрова придало нам новые силы для подпольной борьбы.

В ходе процесса товарищ Димитров нанес фашистам поражение. Несмотря на угрозу пыток и смерти, он смело и мужественно опроверг клевету на коммунистов, которые якобы подожгли рейхстаг и готовили путч. Из обвинения он превратился в обвинителя и сумел доказать, что фашисты сами совершили поджог, чтобы иметь повод развернуть кровавый террор и разгромить революционное рабочее движение. Опираясь на неопровержимые факты, товарищ Димитров доказал, что коммунисты являются стойкими борцами за интересы рабочего класса и всех трудящихся. В конце концов фашисты вынуждены были отказаться от запланированного ими судебного процесса против КПГ и ее вождя Эрнста Тельмана.

Разоблачение фашистских варваров — подлинных поджигателей рейхстага, а также мобилизацию общественности на борьбу за освобождение Эрнста Тельмана и других политических заключенных мы использовали в нашей партийной работе.

У коммунистов не было возможности открыто излагать свои взгляды, поэтому подпольная печать приобретала все большее значение. Наши газеты люди читали и передавали другим. Каждый экземпляр наших изданий побывал во многих руках.

Комната Вилли Фогта не отвечала необходимым требованиям, поэтому мы искали другое, более надежное место. Вилли удалось привлечь на нашу сторону портного, жившего на Паппельallee. Окна квартиры портного выходили во внутренний двор. Нам такой человек был очень нужен, потому что к портному обычно ходит множество людей со свертками, и мы могли пронести в руках все, что нужно. Вскоре Вилли крепко подружился с мастером и время от времени помогал ему.

Однажды в дверь к портному позвонили. Вилли открыл. Перед ним стояли трое гестаповцев. Они предъявили портному ордер на арест и принялись обыскивать квартиру. Тем временем Вилли напряженно думал, как ему самому избежать ареста. Он неторопливо надел пиджак, открыл входную дверь и спокойно пошел вниз по лестнице во двор. Гестаповцы это заметили, и один из них спросил портного:

— А этот куда пошел?

— Наверное, за сигаретами, — ответил мастер.

Так Вилли удалось выйти из дома. Он спрятался в соседнем подъезде, чтобы понаблюдать, что будет дальше. Спустя некоторое время появились гестаповцы с портным. Они сели в машину и уехали.

Спокойно обдумав происшедшее, Вилли пришел к заключению, что, очевидно, у гестапо не было каких-либо конкретных подозрений и арест был вызван доносом. Гестапо имело во многих домах своих шпииков, которые следили за жильцами.

Вилли обратил, конечно, внимание и на то, что гестаповцы не вынесли с собой из квартиры ни ротатора, ни бумаги. Значит, они их просто не нашли. И то и другое хранилось на полэтажа выше, в расположенном на лестничной площадке туалете. Однако при следующем, более тщательном обыске все это наверняка могли обнаружить. Поэтому Вилли решил вернуться в квартиру. Там он обнаружил, что гестаповцы не нашли даже хранившиеся в комнате готовые восковки. Забрав все это с собой, он покинул дом.

На другой день гестаповцы действительно сделали повторный обыск, но улики против портного не оказалось, и его благодаря осмотрительности и хладнокровию Вилли через несколько недель отпустили на свободу.

ЗАПАДНЯ НЕ СРАБОТАЛА

Осенью 1933 года Зигги и я встретились на квартире у руководителя одной из городских районных организаций товарища Артура Треттина. Жил он на третьем этаже дома на углу Бремештрассе и Гейлартштрассе. Наше совещание закончилось уже под вечер, и когда мы вместе с Зигги вышли на улицу, то обнаружили, что весь квартал оцеплен. Это была одна из частых в то время облав, проводившихся штурмовиками и полицией. Первый контрольный пост находился метрах в тридцати от входа в дом — на каждой стороне улицы по штурмовику. Они или пропускали прохожих после тщательной проверки документов, или задерживали, передавая полицейским.

Проявить замешательство, остановиться — значило вызвать подозрение. Нам не оставалось ничего иного — только вперед! Одного из штурмовиков окружили женщины с детьми, жившие на этой улице, но не имевшие с собой документов. Они отвлекли штурмовика, и нам удалось проскочить.

Тогда еще не были введены удостоверения личности единого образца с фотографией. В качестве документа предъявляли удостоверение инвалида или бланк с отметкой полиции о прописке, карточку на получение пособия по безработице, водительские права, заграничный паспорт, который в то время был редкостью.

Поскольку меня разыскивала полиция, мое положение было критическим, даже если бы у штурмовиков и не оказалось с собой списка с фамилиями разыскиваемых. Зигги жил как раз в оцепленном квартале, а у меня во всех документах было указано в качестве места жительства местечко Петерсхаген, административно не входившее в состав Берлина. Правда, на своем водительском удостоверении я дополнил этот адрес словами «под Берлином», но при создавшемся положении было весьма сомнительно, что это поможет.

Повернув на Бремештрассе, мы увидели, что здесь тоже стоит пост, а за ним — еще четыре или пять постов штурмовиков. Зигги предъявил свое удостоверение инвалида.

— Проходите!

Я решил, что лучше всего предъявить удостоверение водителя, и сделал так. Штурмовик приказал мне стать

рядом. Зигги не мог оставить меня одного, хотя и подвергал себя опасности.

У меня в голове молниеносно созрел план: я повернулся и медленно пошел обратно, к первому контрольному посту. Зигги понял меня и последовал за мной. Штурмовик не остановил нас. Случайно он это сделал или преднамеренно? Трудно сказать. До 1933 года он был членом КПГ, рассказал мне потом Зигги, но после того, как наша партия была запрещена, перебежал в СА.

Я лихорадочно думал: еще 40—50 метров, и мы снова окажемся перед штурмовиком, тем самым, мимо которого мы уже один раз проскочили. Женщин и детей вокруг него теперь не было, и ему больше никто не мешал тщательно просматривать документы. Что делать? Зигги протянул ему свое удостоверение инвалида, и, пока штурмовик его рассматривал, я сунул ему свой документ — на сей раз тоже удостоверение инвалида. Штурмовик увидел, что дом, где «живет» Зигги, находится в оцепленном квартале.

— Можете проходить!

Будь на его месте полицейский, он бы проверил документ более тщательно. Но этот лишь бегло взглянул на мое удостоверение, которое я сунул ему под нос, и спросил:

— А вы?

— Это мой друг, он идет со мной! — ответил за меня Зигги.

Это возымело действие. Нас пропустили, и мы смогли вернуться в квартиру Треттина.

Но опасность не миновала. Штурмовики и полиция обыскивали каждый дом от подвала до чердака. Им удалось обнаружить склад оружия: в зоне оцепления находилось кафе, которое принадлежало члену партии Ванске. Здесь раньше собирались коммунисты, здесь же и были спрятаны некоторые материалы и партийное имущество.

Вскоре до нас дошла весть о произведенных арестах. Мы обсудили, как нам вести себя, если в квартиру придут с обыском.

— Ты должен покинуть квартиру и укрыться в безопасном месте, — решительно заявил я Зигмунду, и товарищ Треттин поддержал меня. — Наше дело потерпит большой урон, если сразу два члена подокружного коми-

тета будут арестованы. Даже если арестуют одного — и этого слишком много!

Я видел, что Зигги колеблется. Сама мысль предоставить меня моей собственной судьбе была ему противна. Наконец он с тяжелым сердцем все же последовал моему совету.

Теперь следовало обеспечить безопасность Треттина. Если бы штурмовики нашли меня у него дома, то он был бы арестован. Тогда я вспомнил о чердаке, который находился над третьим этажом. Там мне предстояло спрятаться, а в случае если меня найдут и арестуют, я скажу, что, мол, никого здесь не знаю, сам залез сюда.

Треттин согласился с моим планом.

— Это, пожалуй, самое разумное, — сказал он. — Ключ от чердака пока еще должен быть у нас, моя жена только вчера там стирала.

— Может быть, у тебя есть и отмычка? — спросил я.

Он нашел и то и другое. Отмычку я спрятал в карман — она могла пригодиться для подтверждения моих показаний в случае ареста.

Треттин проводил меня на чердак. Я уселся на колоду, на которой катают белье, и стал ждать, как развернутся события. Нервы мои были до предела напряжены. Часто слышался стук тяжелых сапог штурмовиков, ходивших вверх и вниз по лестнице. Они жили в этом доме, но в облаве не участвовали, и все же им хотелось наблюдать за происходящим не только из своих окон, но и с улицы. Каждый раз я думал: «Ну сейчас! Вот они и пришли!»

В отчаянии я искал выхода. И тут мой взгляд упал на чердачное окно. Может быть, удастся выбраться через него? Тогда я мог бы спрятаться за одной из труб.

Я попытался приподнять люк, но едва тронул его, как петли устрашающе закрипели. Я смочил их водой, затем одним сильным рывком откинул люк, чтобы скрип продолжался не так долго, и выглянул наружу. Меня ждало разочарование — на крыше меня могли увидеть из окон любой квартиры дома, стоявшего рядом. «Если сейчас вылезу на крышу, то меня там наверняка подстрелят», — подумал я.

Как мне хотелось, чтобы побыстрее стемнело! Не знаю, долго ли просидел я под самой крышей. Мне показалось, что целую вечность. На лестнице то и дело слышался топот.

Наконец стало смеркаться. И вот наступил момент, когда я решил, что теперь уже могу вылезти на крышу. Я выбрался через узкое отверстие люка, отполз немного в сторону и улегся в водосточный желоб за одной из широких труб так, чтобы меня не было видно из чердачного окна. Снова медленно потянулось время. Вокруг было абсолютно темно. Вдруг я услышал, как дверь, ведущая на чердак, открылась. Я затаил дыхание. Некоторое время спустя послышался тихий голос: «Альберт! Альберт! Это я!»

Я продолжал лежать не шевелясь, пока не убедился, что это мой товарищ. Тогда я влез через окно обратно на чердак, и мы спустились вниз. Треттин сказал мне, что три последних дома полицейские решили не обыскивать. Очевидно, с наступлением темноты у них пропала охота продолжать облаву.

По пути на свою нелегальную квартиру я все еще был во власти пережитого. Огромное нервное напряжение не оставляло меня. Мне казалось, что из тьмы вот-вот вынырнет вдруг патруль штурмовиков. Я напряженно прислушивался к каждому шороху, доносившемуся из ночной тиши.

Когда около одиннадцати часов вечера я добрался наконец до Марии, то нашел ее в слезах. Оказывается, в тот день у нее была встреча с одним товарищем, от него она и узнала об облаве. Мария знала о совещании на Гейлартштрассе, но конспирацию мы соблюдали строго, и ей не были известны ни имена тех, с кем я встречался, ни адрес квартиры. Несмотря на абсолютное доверие друг к другу, мы тем не менее руководствовались принципом: каждый должен знать лишь то, что касается непосредственно его. Узнав о масштабах и обстоятельствах проводившейся облавы, Мария поняла, какой опасности я подвергаюсь.

Ее опасения переросли в страх за меня. С каждым часом страх возрастал, с каждым часом уменьшалась надежда снова увидеть меня. Едва я показался на пороге, как она бросилась мне на шею и разрыдалась: «Это было просто ужасно! Какое счастье, что ты снова здесь!»

Этот взрыв чувств у обычно сдержанной Марии так тронул меня, что я не находил слов. Я обнял ее и до тех пор целовал милые заплаканные глаза, пока не утихли рыдания.

В ПОДОКРУГЕ НОРДРИНГ

Примерно в октябре 1933 года Зигги вынужден был покинуть подокруг Панков и перейти на нелегальное положение, ибо ему слишком явно стала угрожать опасность. Его обязанности руководителя по организационным вопросам перешли ко мне. Маргу также отозвали. Она стала работать в другой части Берлина. В качестве политического руководителя к нам в Панков был назначен Ганс Бергман, а на должность агитпропа — товарищ из другого подрайона. А в декабре того же года закончилась и моя деятельность в Панкове. Я был назначен политическим руководителем в подокружной комитет Нордринг, сильно ослабленный многочисленными арестами. Избежал тюрьмы только агитпроп, известный под псевдонимом Оптик. Он очень старался восстановить прерванные связи, не дать заглухнуть работе партийной организации. Но вместо того чтобы направлять все свои силы на восстановление работоспособного руководства, он практически выполнял все функции сам, подвергая тем самым опасности не только самого себя, но и связных. Кроме того, у него было очень неладно с нервами.

Оценив обстановку, я первым делом предложил немедленно заменить этого товарища и отправить его в эмиграцию. Эрнст Ланге, мой непосредственный руководитель из областного комитета, согласился с таким решением, и мы отозвали Оптика.

Перед тем как уйти, он связал меня с Карлой Шёнбург, молодой женщиной лет двадцати трех. Ее муж, тоже коммунист, не проявлял особой активности, хотя вполне мог бы стать работником подокружного комитета. Но он считал, что коммунистам следует беречь свои силы до тех пор, пока не будет свергнута фашистская диктатура. Когда же его спрашивали, как в условиях подполья следует растить партийные кадры, которые заменяли бы арестованных, и как можно строить настоящее и будущее, не борясь с фашизмом сейчас, он обычно уклонялся от ответа. Он просто трусил, и все выдвигаемые им аргументы нужны были ему только для того, чтобы замаскировать эту трусость.

Что же касается его жены, то она, наоборот, была энергичным, активным и преданным делу членом партии. Она помогла мне за сравнительно короткое время вос-

становить связи с оставшимися руководителями районных комитетов и привлечь к работе товарищей, которые заменили арестованных.

Позже судьба столкнула меня с Фриделем Лёвештайном. Он уже имел опыт работы в подокружном комитете, однако после арестов потерял связь с партией. Я поручил ему организационные вопросы, а одного товарища, который долгое время активно участвовал в рабочем спортивном движении, назначил руководителем агитпропколлектива.

Создание технического аппарата облегчалось тем, что Эрнст Ланге разрешил мне забрать с собой из подрайона Панков моего друга Вилли Фогта, а позже я отозвал к себе Густава Эльтера, выполнявшего в Панкове обязанности курьера. Им обоим там нашли замену. Хорошо поставленная в Панкове работа с кадрами приносила свои плоды.

Я прикрепил к Вилли товарища Люцию. Они оба отвечали за техническую сторону издания газеты подрайона, которая называлась «Нордринг». Люция, как и Карла, была смелой молодой женщиной. Жила вдвоем с четырехлетней дочерью. Мне навсегда запомнилось первое знакомство с Люцией. Мы с Карлой отправились на квартиру к Люции, на улицу Дененштрассе. Это противоречило правилам конспирации, но у нас на это существовала определенная причина. Квартира Люции — комната и кухня — служила местом, куда доставлялся нелегальный материал, получаемый нами от «техников» окружного партийного комитета. После проведенных в подокруге арестов Люция была не в состоянии передавать газеты, листовки и брошюры. Но курьерский аппарат, доставлявший весь этот материал, продолжал исправно работать.

К нашему приходу на кухне у Люции уже громоздилось кубометра три нелегальной литературы. Спрятать было негде, и Люция просто прикрыла все несколькими одеялами. Увидев это, я чуть не лишился дара речи, но в душе не мог не восхищаться бесстрашной молодой коммунисткой.

Работа нашей партийной организации стала сравнительно быстро набирать темпы. У нас появилась возможность раздать литературу. Сначала наши товарищи очень обрадовались такому количеству материалов, по которым они прямо-таки изголодались. Однако вскоре их настрое-

ние изменилось. Они оказались не в состоянии раздать симпатизирующим в короткий срок так много материалов.

ДРУГ ИЛИ ВРАГ?

Моему непосредственному руководителю Эрнсту Ланге пришлось возглавить сектор — треть всей берлинской партийной организации. Я занял его место и с апреля 1934 года до января 1935 года отвечал за работу в трех подокругах. В зону моего действия входили простиравшиеся до Бернау подрайон Панков, разделившийся к тому времени на две части — городскую и сельскую, и подрайон Нордринг.

Положение в подокружной организации Нордринга позволяло мне со спокойной совестью передать ее другому товарищу. Действовала она активно, руководство было полностью укомплектовано. Мое место политического руководителя занял Фридель Лёвенштайн, отвечавший за организационную работу. В качестве нового руководителя по организационным вопросам мы привлекли товарища из районного руководства. Наша Люция, молодая бесстрашная коммунистка с улицы Дененштрассе, взяла на себя обязанности Вилли, а функции курьера стал выполнять товарищ, находившийся до того в резерве у Густава.

Однажды я встретился с руководителем организации «Красная помощь» нашего участка. Товарищ сообщил мне, что на бирже труда познакомился с безработным, который возглавляет группу антифашистов, но эта группа не имеет связи с нашей партией. Этот безработный сказал, что им срочно нужны подпольные газеты и другие материалы и что он готов взять на себя их распространение. Наш товарищ пригласил нового знакомого к себе домой и передал ему нелегальную литературу.

Я, признаться, очень беспокоился: конспирация была грубо нарушена. С другой стороны, мы были заинтересованы в новых связях и в том, чтобы шире распространять свое политическое влияние.

Но кое-что в рассказе товарища меня насторожило. Я знал много случаев, когда некоторые члены партии, потеряв из-за арестов связи со своими организациями, привлекали к работе других коммунистов и сочувствующих.

щих, не проявлявших временно активности, и побуждали их к решительным действиям. Но группа пролетариев-антифашистов во главе с руководителем, который не является членом политической организации? Может быть, эта группа просто фикция, разговоры о ней — лишь приманка, а человек, который выдает себя за ее руководителя, — агент гестапо?

Мне непременно нужно было обсудить это дело с Эрнстом Ланге. Идя на явку с ним, я принял особые меры предосторожности. Ведь если безработный не тот, за кого себя выдает, то не исключено, что товарищ из «Красной помощи» уже притащил за собой «хвост» на встречу со мной. Следовательно, с Эрнстом я могу встретиться только после того, как буду уверен, что за мной не следят.

Распрощавшись с товарищем из «Красной помощи», я тщательно проверил, нет ли за мной слежки. Для этого я пошел по безлюдным улицам, чтобы, пересекая их, хорошо осмотреть на всем протяжении. Но делать это я должен был таким образом, чтобы возможный преследователь не заметил моих намерений. Те товарищи, которые, обнаружив «хвост», вели себя беспокойно, немедленно подвергались аресту, поскольку гестапо опасалось, что они могут скрыться.

Чтобы окончательно удостовериться, что «хвоста» нет, я дважды проверился в различных районах города, используя проходные дворы и дома с несколькими выходами. Кстати, это был испытанный метод, и, применяя его, особенно при хорошем знании города, можно было довольно легко избавиться от «хвоста». Я несколько раз сменил трамвай, автобус и поезда метро и окончательно убедился, что слежки за мной нет. Теперь можно было идти на встречу с Эрнстом.

Эрнст подтвердил мои сомнения. Что же теперь делать: оборвать эту связь или продолжать ее? Эрнст склонялся к тому, что ее нужно оборвать, а товарищу из «Красной помощи» рекомендовать как можно скорее переместить квартиру, переждать и посмотреть, как будут развиваться события. Если безработный — агент гестапо, то эти меры, несомненно, помешают тайной полиции проникнуть в нашу организацию. Но если группа антифашистов действительно существует, то ей нужно помочь, а не бросать на произвол судьбы. Кроме того, пассивное выжидание дальнейшего развития событий отрицательно

повлияло бы на нашу политическую работу. Поэтому я не согласился с Эрнстом и предложил следующее: я встречу с этим безработным и постараюсь разузнать, что он за человек.

Эрнст не был в восторге от моего предложения.

— Если это шпик, то тебя и товарища из «Красной помощи» арестуют.

— Думаю, что гестапо вряд ли интересно сразу же арестовывать нас, — возразил я. — Оно, безусловно, попытается разгромить всю нашу организацию. А может быть, агент еще не доложил своим начальникам о новом контакте, желая сначала как можно больше разузнать о нас и явиться к начальству уже с какими-то результатами. И в том и в другом случае он, по всей вероятности, придет один. Если я выясню, что он из гестапо, то, конечно, не подам виду, а, наоборот, пообещаю, что мы будем поддерживать связь, и, таким образом, он не будет заинтересован в моем немедленном аресте. Если же он приведет с собой филеров, чтобы показать им меня, я после встречи сумею уйти от «хвоста».

Эрнсту нечего было противопоставить моим аргументам, но давать свое согласие он все же не спешил, фактически предоставив мне решать все самому.

Товарищ из «Красной помощи» свел меня с безработным и обещал сразу же после того, как мы встретимся, проверить, не ведется ли за нами наблюдение. Он заранее подыскал себе новую квартиру, чтобы не возвращаться домой, если выяснится, что гестапо решило устроить ловушку.

Вилли должен был помогать мне: чтобы, если гестаповец вооружен, не оказаться перед ним с голыми руками, он взял с собой кастет. Вилли держался неподалеку от места нашей встречи. Его задачей было установить, не привел ли этот человек скрытно другого гестаповского агента. Если окажется, что это так, Вилли должен взять на себя второго гестаповца. Мы считали маловероятным, что фашистов будет больше двух.

На стороне Вилли была внезапность. Кроме того, он был ловок, решителен и силен. Я не сомневался, что справлюсь со «своим» агентом, даже если тот применит оружие. В свои двадцать три года я был физически крепок и знал со времен моей прежней спортивной деятельности приемы дзю-до.

Спустя довольно длительное время после того, как я встретился с безработным, нас обогнал, идя по другой стороне улицы, Вилли. Правую руку он держал в кармане брюк. Это был условный сигнал: второй агент не пришел, наблюдения нет.

Внешний вид моего собеседника не рассеял возникших у нас сомнений: рослый, сильный, дородный мужчина в сером костюме, какие обычно носят «фараоны», чтобы не выделяться в толпе. Но, чтобы сделать окончательный вывод, этого, конечно, было мало.

Я заранее составил план предстоящего разговора, заблаговременно был согласован с Вилли и маршрут, по которому я должен идти с этим человеком, что гарантировало нам надежный и незаметный контроль за возможной слежкой.

Сначала я попросил его повторить все, что он уже рассказывал нашему товарищу из «Красной помощи». Затем стал расспрашивать его о размерах пособия для безработных, о том, как давно без работы он и его друзья и чем они живут. От ответов моего собеседника у меня создалось впечатление, что он не знает многого, что волнует безработного, хотя утверждает, что не имеет работы уже шесть месяцев.

Я изложил ему оценку внутреннего и внешнеполитического положения, думая, что эта оценка, сделанная с позиций нашей партии, пронизанная оптимизмом и верой в победу над фашизмом, должна вызвать у агента гестапо, если этот человек был им, отрицательную реакцию. Я очень внимательно наблюдал за ним, и мне показалось, что на лице его появилось выражение сомнения. Но и это, конечно, не могло служить основанием для того, чтобы определенно ответить на вопрос: кто он, мой собеседник?

Мой мозг лихорадочно работал. На чем же его проверить? И вдруг я вспомнил об информации, полученной из центрального аппарата нашей партии: товарищам удалось захватить в свои руки картотеку гестапо. Продолжая беседу, я сказал ему и об этом и заметил, что, узнав о таком провале, даже некоторые высокие чины гестапо подали рапорты о переводе на другую работу.

И тут я отчетливо увидел, как у него на лице отразился испуг. Он не смог скрыть своего замешательства, хотя и попытался быстро взять себя в руки.

Теперь мне было совершенно ясно: этот человек агент гестапо!

Я, конечно, не подал виду и продолжал, как ни в чем не бывало, нашу беседу, сообщив, что мы очень заинтересованы в его группе и что он будет регулярно получать от нас нелегальные материалы. Связь с ним буду поддерживать я. Кроме того, я свяжу его со своим руководителем. Следующую встречу я назначил на другой же день.

Этот тактический маневр должен был удержать его от желания арестовать меня сейчас же, ибо получить новые связи было для гестапо весьма заманчиво. Мой расчет оказался правильным. После встречи агент даже не пытался проследить за мной. Сомнений не было: гестаповец поверил мне.

Окончательное подтверждение тому, что этот «безработный» служит в гестапо, мы получили через несколько дней. После того как я не явился на условленную встречу, гестаповцы немедленно арестовали товарища из «Красной помощи», который, к сожалению, так и не мог решиться оставить свою семью. Видимо, он, несмотря на мое предупреждение, не верил в опасность. Гестапо надеялось выжать из него сведения о нашей организации. Товарищ мужественно перенес все пытки, и дальнейших арестов не последовало.

ОПЕРАЦИЯ «СКАНДИРОВАНИЕ»

Ночь на 30 июня 1934 года вошла в историю как «ночь длинных ножей». В эту ночь эсэсовцы истребили более тысячи человек — в подавляющем большинстве членов штурмовых отрядов, и среди них начальника штаба СА Эрнста Рема. В одной лишь казарме в берлинском районе Лихтерфельд было расстреляно несколько сот штурмовиков.

Эти события были вызваны разногласиями, возникшими между группировками монополистов по тактическим вопросам: как укрепить фашистскую диктатуру и каким путем следовать к завоеванию господства над всем миром. Была и другая причина: ожесточенная конкурентная борьба фашистских главарей за ключевые позиции в государственном аппарате, армии и экономике. Некоторые

нацистские руководители думали использовать для своей карьеры все возрастающее недовольство населения, в особенности мелкобуржуазных и пролетарских элементов в СА, которые все настойчивее требовали выполнения обещаний, данных им фашистскими главарями перед приходом к власти. И не в последнюю очередь эти кровавые меры должны были послужить монополистической буржуазии для того, чтобы устроить тех, кто был в оппозиции к новому режиму. Фашисты использовали «ночь длинных ножей» также и для того, чтобы уничтожить своих особенно ярых противников.

Несмотря на тяжелые условия подполья, наша партия немедленно реагировала на происшедшее. Партийные организации на всех уровнях — от руководящих органов до подокругов и заводских ячеек — выпустили листовки и газеты, в которых вскрывались закулисные причины кризиса в лагере фашистов и рекомендовалось, как использовать сложившуюся ситуацию в интересах рабочих и всех трудящихся. Вот одна из выпущенных тогда листовок:

«Долой фашистских реакционеров! Долой Гитлера!

Гитлер приказал расстрелять Грегора Штрассера, Рема и других руководителей СА. Ненависть масс против фашистской диктатуры крупного капитала, растущее революционное сопротивление, недовольство и мятеж обманутых трудящихся — членов СА — все это явилось причиной того, что противоречия, возникшие в руководящих сферах фашистского режима, переросли в кровавые столкновения. Выстрелы 30 июня Гитлер произвел по приказу Тиссена и Круппа, крупных аграриев и финансовых магнатов. Нануганные ростом революционных сил, они больше не хотели терпеть социальную демагогию некоторых нацистских главарей, ибо последние, сами того не желая, усиливали радикальные настроения в лагере Гитлера. День 30 июня должен по воле Гитлера стать началом изгнания и преследования недовольных трудящихся, находящихся в рядах СА, НСБО¹ и НСДАП, усиления эксплуатации и кровавого террора против народных масс.

Пулеметы рейхсвера и полиции направлены против трудящихся масс, ненавидящих капитализм.

---

¹ НСБО (нем.) — национал-социалистские старейшины на предприятиях. — Прим. авт.

Гитлер обещал вступившим в СА трудящимся социализм, благосостояние, прогресс. Поднялись же дивиденды миллионеров, колоссальные прибыли дельцов, благосостояние и комфорт самого Гитлера и коричневых бонз, а трудящиеся в рядах СА голодают еще больше, чем когда-либо. Гитлер позорно обманул трудящиеся массы.

Заработная плата и пособия по безработице катастрофически снизились, закон о труде дал эксплуататорам неограниченную власть. Борьба, которую вели рабочие, обернулась для сотен тысяч из них рабством, они загнаны в трудовые лагеря и поместья юнкеров. Всем нам угрожает инфляция.

Гитлер — это самая черная реакция. Гитлер — холоп капиталистических головорезов, ведущих Германию через море крови к экономической катастрофе и военным авантюрам...

Моральное лицемерие Гитлера и Геринга преследует цель отвлечь внимание масс от того факта, что они усилили преследование недовольных трудящихся — членов СА, НСБО и НСДАП и готовятся развернуть генеральное наступление на заработную плату и жизненный уровень трудящихся, готовятся к новым кровавым оргиям.

Эрнсту Тельману и всем, кто находится в руках коричневых убийц, угрожает смертельная опасность...

Рабочие, трудящиеся города и деревни! Мужчины, женщины и молодежь! Организуйте массовые демонстрации и политические стачки против зверского гитлеровского террора, за освобождение Тельмана, за освобождение всех антифашистов. Главное требование момента — боевое единство всех рабочих в союзе с другими трудящимися.

Обманутые трудящиеся — члены СА, братайтесь с революционными рабочими! Не давайте себя разоружить! Создавайте вместе с рабочими массовые организации самообороны против террора гестапо...

Рабочие! Создавайте на всех предприятиях, пунктах регистрации безработных и в кварталах по месту жительства единые антифашистские комитеты и комиссии по заработной плате. Избирайте на предприятиях своих доверенных лиц. Организуйте стачки с требованием повышения зарплаты и пособий по безработице!

Юноши и девушки! Оказывайте сопротивление при отправке в трудовые лагеря! Рабочие и рядовые члены СА,

отказывайтесь от рабского труда в лагерях трудовой повинности и поместьях юнкеров! Сельскохозяйственные рабочие, мобилизуйте трудящихся деревни!

Да здравствует единый фронт в борьбе за свержение гитлеровской диктатуры! Долой фашистскую реакцию!

Коммунистическая партия Германии».

Громогласно заверяя всех в своем миролюбии, фашисты пытались замаскировать агрессивные намерения. Поэтому наша партия приложила большие усилия, чтобы разоблачить эту демагогию. Кроме того, ликвидации фашистского режима можно было добиться только путем создания широкого антифашистского фронта.

Основой нашей подпольной деятельности в новых политических условиях стала резолюция Центрального Комитета КПГ от 1 августа 1934 года «О создании единого фронта трудящихся масс в борьбе против гитлеровской диктатуры». Эта резолюция, как и все другие материалы нашего ЦК, попала нелегальным путем через аппарат «имперской техники» в Берлин, а далее через личные контакты была доведена до всех организаций партии, в том числе и низовых. В этом документе особенно подчеркивалась необходимость защиты демократических прав и свобод, создания единых свободных профсоюзов и новых отношений с социал-демократами. Резолюция требовала от всех партийных организаций начать переговоры с группами социал-демократов, чтобы достичь с ними прочной договоренности о целях совместной борьбы и создать объединенные боевые комитеты. Нужно было также привлекать к единым действиям и стоявших в оппозиции к режиму представителей СА, гитлеровской молодежи, германского «Трудового фронта» и других фашистских организаций.

Установить связь с товарищами из социал-демократической партии было нелегко. Четко организованной социал-демократической партии с централизованным руководством в Берлине больше не существовало. После ее запрета партия как единая организация распалась. Остались лишь немногие довольно слабые группы, которые не имели связи друг с другом и почти не вели организованной политической работы.

Наши товарищи в трех курируемых мною подокругах знали довольно точно, кто именно из социал-демократов

проявлял активность. В двух подокругах Панкова — сельском и городском — не было даже социал-демократических групп.

В подокруге Нордринг существовали две группы социал-демократов, по пятнадцать членов в каждой. И хотя между ними имелась довольно прочная связь, политической активности они не проявляли. На квартире руководителя одной из групп на улице Дункерштрассе я провел с ними дискуссию, в ходе которой выяснилось, что товарищи из социал-демократической партии занимают противоречивую позицию. На словах они признавали необходимость совместной борьбы против фашизма, но на деле готовности к ведению политической работы не проявляли.

В конце 1934 года эти товарищи сообщили мне, что находящееся в Праге правление партии хочет воссоздать организации социал-демократической партии в Берлине и назначило для этой цели десять районных руководителей. Однако эта попытка не удалась. К январю 1935 года восемь из десяти были арестованы, а для создания новых руководящих звеньев у социал-демократов не было, очевидно, ни моральных, ни политических сил.

План социал-демократов не был осуществлен, да, собственно, так и должно было случиться, ибо они не имели ни малейшего опыта конспирации. За два года подпольной борьбы тайная государственная полиция с ее огромным аппаратом разработала для ликвидации своих политических противников хитроумные и коварные методы. Наша коммунистическая партия выдержала испытание. Она продолжала жить. Опираясь на опыт боевого прошлого, партия за два года подпольной деятельности усовершенствовала нелегальную работу. В случае ареста на место выбывшего товарища всегда становился новый.

Борьба в условиях подполья требовала больших жертв, поэтому многие лидеры социал-демократии считали, что нужно подождать, пока фашистский режим развалится сам собой. Но этот отказ от активной борьбы обернулся в конечном итоге миллионами жертв.

Трудящимся, и в особенности товарищам из СДПГ, нужно было показать силу организации и возможность проведения даже открытых выступлений против фашизма. Поэтому я предложил комитету подокруга Нордринг провести скандирование лозунгов нашей партии, чтобы тем

самым открыто заявить о своем существовании. Что касается обоих подокругов в Панкове, то там обстановка не позволяла это сделать.

Поначалу руководители городских районных комитетов возражали, опасаясь, что эти действия повлекут за собой значительные потери в людях. Но после обстоятельного обсуждения даже те, кто ранее не соглашался, пришли к заключению, что скандирование окажет серьезную помощь нашей агитационной работе и не приведет к арестам. В различных местах подокруга Нордринг мы выбрали угловые дома с небольшими дворами, которые граничили с дворами обоих соседних домов. Так, считали мы, будет достигнут максимальный звуковой эффект, что было очень важно, ибо число участников скандирования должно быть, конечно, ограничено.

В различных частях города были созданы группы, в которые вошли смелые и проверенные члены партии. Для каждой группы был выделен физически сильный мужчина, вооруженный резиновой дубинкой или кастетом. В задачу этого человека входило охранять подъезд в случае всяких неожиданностей.

Для каждого участника группы установили точный маршрут отхода. Скандирование должно было начаться после наступления сумерек, когда из окон нельзя узнать никого из наших товарищей. Кроме того, каждая группа действовала не в своем, а в другом районе города.

Всего мы создали пять групп по шесть человек в каждой. Участникам заранее ничего не сообщалось — ни время, ни место проведения операции. Лишь за полчаса до начала мы вызвали руководителей групп и их заместителей, обсудили с ними порядок проведения и маршруты отхода и сверили часы. Все группы должны были начать действовать одновременно, что затруднило бы контрмеры штурмовиков, эсэсовцев и полиции, распылило их силы.

Операция выполнялась строго по плану. Пять товарищей прошли во двор, шестой остался у входа в дом. Участники хором выкрикивали лозунги: «Долой фашизм!», «Несмотря на запрет, КПГ живет!».

Воздействие на жителей этого рабочего района, произведенное нашими действиями, было весьма значительным. Люди прилипли к окнам. Но они могли различить только очертания нескольких человек.

Сделав свое дело, группа скандирования спокойно покинула двор. Оказавшись снова на улице, каждый вышел из опасной зоны по заранее установленному маршруту. До арестов дело не дошло. Не было даже ни одного серьезного инцидента, где потребовалось бы вмешательство наших товарищей из охранения.

У коммунистов значительно укрепилась уверенность в своих силах, но все же существенного влияния на товарищей из СДПГ наши действия не оказали.

18 ДЕКАБРЯ 1934 ГОДА

Жил я тогда, все еще без прописки, в семье Эльснеров, на Растенбургерштрассе, уже почти год, что было для меня необыкновенно счастливым обстоятельством.

Накануне я до глубокой ночи занимался, а утром, примерно в половине восьмого, когда я еще крепко спал, меня поспешно разбудил Альфред Эльснер:

— Ганс (таким был в то время мой псевдоним), в нашем доме гестапо! Привратник сказал, что они обыскивают все квартиры.

Сон как рукой сняло. Я соскочил с кровати, оделся и проверил свои карманы: нет ли каких-либо компрометирующих материалов. Обнаружь меня гестапо в квартире Альфреда, ареста ему не миновать. Следовало сделать все, чтобы меня не застали у Эльснеров. Бежать снова на чердак было бессмысленно, ибо станут искать и там.

Привратник сказал Альфреду, что в дом вошли четверо гестаповцев. Значит, двое или трое могли обыскивать одну из квартир, а один или двое сторожили у выхода из дома. Я надеялся, что не встречу никого из группы обыска на лестнице. Но что делать, если гестаповцы действительно стоят у подъезда? На этот случай я решил действовать по обстановке.

Я вышел из квартиры, которая находилась на четвертом этаже, и, осторожно ступая в туфлях на резиновых подметках (а я всегда подклеивал их к ботинкам), крадучись, спустился на первый этаж. Пока я никого не встретил. Дверь на улицу была распахнута. Если выход охраняется, думал я, то они стоят около двери, на улице. Так оно и оказалось. Я выскочил в открытую дверь и тут же услышал за спиной:

— Стой!

Но я побежал. Мне повезло: в тот день на город опустился густой туман, в двух метрах ничего нельзя было разглядеть. Туман поглотил меня. От Грайфсвальдерштрассе я уже шел не торопясь.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ПОДПОЛЬЩИКА

Нелегальная работа требовала от каждого из нас высоких моральных и физических качеств. Чтобы уменьшить опасность, число встреч по возможности ограничивалось, но мне все же приходилось встречаться с людьми примерно по четыре — шесть раз в день, в том числе и в воскресенье, ибо в этот день лучше всего можно было поддерживать связь с коммунистами, занятыми в будни на работе.

С совершенствованием конспирации время между отдельными встречами увеличилось примерно до двух часов. Сами же встречи нередко продолжались лишь несколько минут. Чтобы легче было обнаружить слежку со стороны гестапо, мы стали переносить встречи в окраинные районы города, где не было большого уличного движения. Встречи проводились в разных местах Берлина. Пока доберешься, можно установить, не ведется ли за тобой слежка. Подобные методы конспирации позволяли нашим товарищам оставаться в строю длительное время и затрудняли деятельность гестапо.

В течение первого года подполья, когда мы еще не имели опыта конспирации, были в Берлине и такие подокружные организации, которые за короткий отрезок времени потерпели четыре-пять провалов. Но в партийных организациях всегда находились люди, заменявшие арестованных товарищей, что говорило о высоком моральном духе коммунистов.

Исключительно трудным было финансовое положение всех работавших в подполье товарищей. Я, например, будучи членом подокружного комитета, получал в неделю пять марок на транспортные расходы. Для проведения встреч в самых различных районах города этого было далеко не достаточно. Я старался добираться до места встреч пешком, чтобы тем самым сэкономить деньги и иметь возможность оставлять кое-что себе на жизнь. Несколько недель я жил в Нидершёнхаузене, почти у самой северной границы города. Чтобы не платить каждый раз

по двадцать пфеннигов, я ежедневно ходил пешком от туда до Панкова и до Пренцлауэрберг, где назначал большую часть встреч, и пешком же возвращался обратно. Путь в один конец составлял примерно восемь километров.

На жизнь я получал тоже по пять марок в неделю, ибо преследования нанесли партийной организации и «Красной помощи» такой ущерб, что на более солидную помощь не оставалось средств. На эти пять марок, конечно, нельзя было купить что-либо из одежды или обуви. Денег не хватало даже на нормальное питание. Простой обед стоил тогда в ресторане примерно 1 марку или 1 марку 20 пфеннигов. Поэтому обычно я ел горячее лишь три раза в неделю, в остальные дни обходился булочками.

Чтобы облегчить мое положение, товарищи приглашали меня на обед и даже обеспечивали продуктами на неделю-другую. Как ни приятно была для меня эта помощь, от нее вскоре пришлось отказаться. Когда я однажды пришел на квартиру к своему товарищу, его жена сообщила, что утром он был арестован.

В то время я редко бывал сыт и все время испытывал сильное чувство голода. Мария всеми силами пыталась облегчить наше положение.

И все же крайне трудные условия жизни не были препятствием ни для моей политической деятельности, ни для систематического самостоятельного изучения трудов марксизма-ленинизма. Учебе я отдавал ежедневно по несколько часов. День мой проходил следующим образом: вставал я обычно в 7 часов, а в 7.30 — 7.45 начинал свои занятия. Это продолжалось до 12, а то и до 13 часов, если на то была возможность. Затем начинались конспиративные встречи. Они продолжались обычно до 21 часа, так что я возвращался на свою нелегальную квартиру только к 22 часам. Если мне удавалось вернуться раньше, то продолжал занятия и вечером.

По вполне понятным причинам мне не всегда удавалось придерживаться такого распорядка дня, ибо иногда приходилось назначать встречи рано утром и около полудня. Невзирая на условия погоды, во время всех своих встреч я должен был находиться на улице, ибо одно из важнейших правил конспирации состояло в том, что в конспиративную квартиру можно входить лишь раз в

день — в противном случае опасность провала значительно возрастала.

Обычно мне удавалось доставать себе марксистскую литературу (журналы нам нелегально доставлялись из-за границы). Живя почти целый год у Альфреда и Анны Эльснер, я мог пользоваться солидной библиотекой марксистской литературы их сына Фреда, который находился в Москве. Книги были спрятаны на чердаке дома. Однако доставать их оттуда было трудно, и я должен был читать книги в том порядке, в каком они мне попадались. Я вынужден был читать произведения по философии, экономике и истории попеременно. И все же интенсивным чтением мне удалось значительно расширить и углубить свои знания марксизма-ленинизма.

Не меньшими были в условиях подпольной работы и нервные нагрузки. Я думаю, они были даже более значительными, чем физические. Подпольная борьба требовала постоянного нервного напряжения. Неосмотрительность, недостаточная осторожность неизбежно влекли за собой угрозу провала и для самого подпольщика, и для его товарищей. Постоянное наблюдение за происходящим на улице, за находящимися вблизи места встреч людьми, правильное, по всем правилам конспирации, поведение коммунистов и симпатизирующих партии лиц — все это стало непреложной необходимостью.

Самыми напряженными моментами были встречи, а также посещение конспиративных квартир, где разрешалось одновременно собирать не более трех человек. Здесь обсуждалось политическое положение, решались вопросы о кадрах, намечался выпуск печатных органов и отдельных статей, разбирались технические вопросы изготовления и распространения печатных нелегальных изданий.

Важнейшей задачей было воспитание товарищей в духе строгого соблюдения правил конспирации. Быть незаметными и скромными, отодвигать на задний план личные желания, самоотверженно выполнять свои обязанности, хранить тайну даже от своих ближайших родственников — все это было исключительно трудно и требовало огромной самодисциплины и сознательности.

Каким естественным, например, было желание поделиться пережитым с женой, которая беспокойно ожидает твоего возвращения. Но сделать это было в высшей сте-

пени неосторожно. А о том, чтобы поболтать с друзьями и знакомыми, не могло быть и речи.

Некоторые люди, особенно в начальный период работы в подполье, не желая лишаться своих удобств, то и дело нарушали правила конспирации. Это вело к арестам и ставило под удар организации партии. Конечно, очень удобно было назначать, к примеру, четыре встречи ежедневно с интервалами в два-три часа. В общей сложности на них уходило 8—10 часов, и их можно было провести «цепочкой», одну за другой. Но результатом таких необдуманных действий были бы напрасные жертвы.

Все товарищи старались как можно быстрее и основательнее уяснить себе правила конспирации. Из-за растущей активности гестапо приходилось непрерывно разрабатывать все новые конспиративные способы. Поэтому мы постоянно проводили инструктаж — от руководящих органов до низовых организаций партии. Воспитание товарищей в духе конспирации начиналось уже при разработке планов и практическом решении политических задач, а также при разборе причин арестов.

С теми товарищами, которые не сумели приспособиться к правилам конспирации или нарушали их из-за своей недисциплинированности, мы в интересах безопасности прекращали связь. Исключительно важной для безопасности партийных организаций была деятельность аппарата партийной разведки. В его задачу входило выяснение непосредственных причин арестов, анализ их и доведение — устно или письменно — результатов до сведения партийных организаций. Кроме того, товарищи из аппарата разведки выясняли планы гестапо, предупреждали о предателях и провокаторах.

Следует отдать должное стойкости и огромной силе воли подавляющего большинства тех наших товарищей, которые попадали в руки гестапо. Несмотря на изощренные пытки, которые нередко заканчивались гибелью коммунистов, от них не могли добиться показаний, они не называли фамилий и адресов и не становились на путь предательства, чего так упорно добивалось гестапо, желая проникнуть в подпольные организации.

С увеличением ответственности задач, стоявших перед нашими партийными работниками, возрастали и психологические нагрузки. И не только потому, что их ожидало

долголетнее тюремное заключение и смертные приговоры, да к тому же еще и ужасные пытки. Они сознавали свою ответственность за товарищей, с которыми они сотрудничали, и за партийную организацию, которой они руководили. Мысль о своей личной судьбе у подавляющего большинства отходила на задний план.

Огромные нагрузки пришлось на долю тех товарищей, которые не только вели нелегальную работу, но и, скрываясь от полиции, вынуждены были покинуть свои семьи. Естественное желание хотя бы раз увидеть своих близких часто приводило к аресту.

Наиболее трудной проблемой было проживание без прописки. Мы, подпольщики, могли жить только в квартирах сочувствующих, ибо жизнь в квартирах коммунистов, в особенности тех, кто вел в партии активную работу, полностью исключалась.

Однажды товарищи подыскали для меня нелегальную квартиру на улице Борнхольмерштрассе, а несколько месяцев спустя другую — на Паппельаллее. Придя в первую из них, я услышал от хозяйки: «Ну и везет же тебе! Полчаса назад гестапо забрало моего мужа». То же самое сказали мне и на Паппельаллее.

Нередко я был рад, если мне удавалось укрыться где-нибудь хотя бы на один-два дня. Когда однажды мне и это не удалось, я вынужден был две ночи подряд бродить по городу, отдыхать на уличных скамейках, что было далеко не безопасно, так как в случае проверки я не смог бы предъявить полиции никаких документов.

Позже я себя иногда спрашивал: «Почему ты с такой готовностью переносил все лишения и отказывался от многих личных желаний?» Я и мои товарищи были такими же, как и большинство других молодых людей, которые любили ходить в кино, театр или на танцы. А я к тому же был страстным танцором! Нелегко мне было отказываться и от приглашений товарищей, которые жили легально и не знали, что я в подполье.

Но, несмотря на огромные нервные и физические нагрузки и всевозможные лишения, жизнь моя была полна глубокого смысла. Между нами, коммунистами, работавшими в подполье, при всей необходимости проявлять бдительность и осторожность очень быстро возникало чувство кровной связи друг с другом и взаимного доверия.

Оно основывалось на обоюдном уважении, беззаветном служении общему делу.

Величайшим испытанием человека на прочность были следовавшие за арестом пытки. Случаи, когда человек не выдавал гестапо ни одного товарища, неустрасимость и стойкость коммунистов, попавших в руки фашистов, служили примерами, на которые равнялись все. Они становились нормой.

Шлак быстро отделялся от стали. Борьбу вели сознательные, убежденные люди, до конца преданные нашей партии и народу. Мария Шефер, Марга Элиасзон, Зигмунд Шпилер, Франц Метт, Эрнст Ланге, Вилли Фогт, Хильда Фенске, Густав Эльтер, Карла Шёнбург, Люция, Фридель Лёвенштайн, Антон Аккерман, Пауль Гржешик, Франц, Вильгельм Кнапп, Карл Попаль, Рудольф Бергтель, Фриц Кранц, Лотти Миллер — все они и многие другие товарищи заставили меня понять и прочувствовать весь глубокий смысл слов «товарищ по классу». Наша совместная работа, наша общая цель, ради достижения которой стоило принести любые жертвы, — все это стало содержанием моей жизни.

С большим интересом я изучал теорию марксизма-ленинизма. Я хотел найти ответы на волновавшие меня вопросы.

Подпольная деятельность — это не только опасности и изнурительный труд. Вполне естественно, что в условиях столь напряженной борьбы планы и предварительные заметки редко выполняются. При решении какой-либо задачи появляются объективные и субъективные трудности, преодолеть которые можно лишь напряжением всех своих сил, стойкостью и выдержкой. В каждой успешно проведенной акции коммунист находил подтверждение своим убеждениям. Наряду с высоким классовым сознанием подпольная борьба требовала несгибаемой воли, хладнокровия, упорства и высокого интеллекта.

Несмотря на необходимость соблюдать железную дисциплину, несмотря на лишения и всевозможные ограничения, жизнь моя в то время была наполнена глубоким содержанием, она была прекрасна, и, если бы потребовалось, я вновь готов пройти через это. Трудности закаляют человека и формируют его характер. Тут находит свое подтверждение основанная на опыте истина: то, что человека не может сломить, делает его сильнее.

ТЕХНИЧЕСКИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ БЕРЛИНСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА

В начале декабря 1934 года состоялось совещание, в котором приняли участие политический руководитель берлинского окружного комитета Антон Аккерман, Мария Шеффер, отвечавшая в то время в окружном комитете за работу среди женщин, и я. Речь шла о сфере деятельности Марии и моей. Мы сидели в квартире Альфреда и Анны Эльснер.

— Я должен сообщить тебе радостное известие, — сказал мне в конце совещания Антон. — Окружной комитет принял решение послать тебя на три года на учебу в Москву. Время выезда — начало января 1935 года. Я знаю, как усердно ты учишься, и поэтому ты будешь, конечно, рад этому решению.

Радость моя была и в самом деле огромна. «Наконец-то я смогу учиться систематически и не подвергаясь опасности», — думал я. Мне так все время этого хотелось! Но что мне выпадет такое счастье — на это я не рассчитывал.

Тут мой взгляд упал на Марию. На мгновение я застыл в испуге, ибо в ее глазах была невыразимая печаль.

В первый момент я как-то не подумал, что поездка в Москву означает также и разлуку с Марией. Радости моей как не бывало.

Мария поняла, какая борьба происходит во мне, и перевела нашу беседу на другую тему. Однако в последующие недели я все время чувствовал, как тяжело переживала она мой предстоящий отъезд, который мог разлучить нас навсегда. Но все это она переносила с исключительным мужеством, самообладанием и в разговоре ни разу не затронула вопроса о предстоящей разлуке.

Двойственность переживаемых мной чувств заставляла страдать меня. С одной стороны, выполнение решения партии — дело, не подлежащее обсуждению. Да и предстоящая учеба радовала меня. С другой стороны, я не мог представить себе жизни без Марии.

Однако вскоре события повернули все совсем в другую сторону. В середине января 1935 года я снова встретился с Антоном Аккерманом. Он показался мне чем-то

удрученным, и, когда я спросил, что случилось, Антон сказал:

— Мы в исключительно тяжелом положении. Гестапо удалось проникнуть в наш технический аппарат. Некоторые товарищи арестованы, с другими оборвалась связь. Остальные находятся под угрозой и должны прекратить работу. Такое же положение и с явками, и с местами, где печатаются материалы. Центральный пункт доставки сохранился, но мы не знаем, может быть, гестапо не тронуло его умышленно, чтобы разгромить всю нашу организацию¹. Поэтому у нас к тебе следующая просьба: возьми создание нового технического аппарата на себя. Тебя мы считаем для этого самым подходящим. Если же ты, однако, настаиваешь на нашем прежнем решении, то можешь, конечно, ехать на учебу.

Насколько необходимо скорейшее восстановление технического аппарата, мне было, конечно, ясно. Еще В. И. Ленин указывал на то, что издание и распространение партийной печати является основным условием дееспособности всей партийной организации. Поэтому я решил принять это задание партии.

Руководящим органом партии в период между заседаниями Центрального Комитета было Политбюро. Оно разрабатывало задачи, отвечавшие той или иной ситуации, и руководило их реализацией путем личных контактов с руководством округов и распространением печатных материалов, поступающих из-за границы.

Чтобы обеспечить безопасность руководителей партии, Политбюро было переведено за границу. Одновременно часть руководства КПГ оставалась и в самой фашистской Германии. Оно являлось оперативным органом Политбюро (в руководство входило несколько его членов), направляло деятельность партийных комитетов земель и округов и существовало до середины 1935 года. С ноября того же года оперативное руководство партией осуществлялось заграничным центром, находившимся в Париже.

Берлинский окружной комитет руководил деятельностью подокружных организаций через инструкторов сек-

---

¹ Мой предшественник Ганс Милькерт позже рассказал, что речь шла о пункте доставки земельной организации. Центральный пункт доставки, находившийся в квартире Рут Закс на Шоссе-штрассе, 112-А, гестапо обнаружило 1 января 1935 года. Здесь 7 января 1935 года был арестован Ганс Милькерт.— *Прим. авт.*

торов и районов. Подокружные комитеты доводили указания партии до руководителей квартальных ячеек и первичных организаций на предприятиях, а те, в свою очередь, до пятерок, составлявших низовое звено в нелегальных условиях.

В середине 1935 года в берлинской партийной организации платили членские взносы примерно пять тысяч коммунистов. Если же учесть, что какая-то часть организации временно свертывала работу из-за арестов, что иногда целые группы не имели связи, то не будет преувеличением сказать, что число членов КПП в Берлине равнялось примерно семи с половиной тысячам.

Коммунисты, которые вели борьбу в условиях подполья, получали постоянную политическую и материальную помощь от товарищей, находившихся за рубежом. Через границу в фашистскую Германию то и дело переходили инструкторы, чтобы восстановить прерванные связи, оказать помощь организациям, разгромленным гестапо, и доставить в страну пропагандистский и информационный материал.

На границе возникла густая сеть опорных пунктов, через которые были установлены прочные связи с различными округами страны.

К началу 1935 года определилась следующая структура. В Праге находилось главное руководство приграничными пунктами. Печатавшиеся в столице Чехословакии газета «Роте фане», выпуски «Интернационале пресскорреспондентц» и брошюры доставлялись через пункты в Райхенберге (Либерец), Карлсбаде (Карловы Вары) и Пильзене (Пльзень) в фашистскую Германию.

Главный приграничный пункт находился в Базеле. Ему были подчинены местные опорные пункты по переходу через границу в Южную Германию и Баварию. Места для переброски имелись также в Эльзас-Лотарингии, Бельгии, Голландии и в Дании (Копенгаген).

Подпольная борьба, аресты, нарушавшие наши связи, неожиданные политические события требовали от всех звеньев партии, от всех коммунистов исключительной личной инициативы, быстрой и самостоятельной реакции. Ждать «решений сверху» — значит парализовать подпольную работу. «Где есть хотя бы один коммунист, там есть и партия, а где есть партия, там есть и работа» — этот принцип приобрел тогда особый смысл.

Конечно же, товарищи, будучи предоставлены самим себе, совершали в своей работе и ошибки. Но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Деловое товарищеское обсуждение и оценка принимаемых решений, похвала за успехи и в особенности за оперативность поощряли и повышали чувство ответственности у каждого коммуниста. Так наши товарищи научились привлекать в организацию новых людей, которые заменяли арестованных.

Технический аппарат берлинского окружного комитета состоял из следующих звеньев: курьерского аппарата, отвечавшего за доставку материала в секторы и районы; пункта с ротатором и пишущей машинкой для размножения материалов; аппарата почтовой связи, в задачу которого входила передача сообщений руководителям трех секторов.

Особенно важна была работа аппарата почтовой связи при неожиданно возникающих ситуациях, когда нужно было срочно установить связь между окружным комитетом и советниками секторов.

Окружной комитет издавал свой бюллетень, значение и ценность которого мне хотелось бы особо подчеркнуть. Ответственным за его выпуск был Антон Аккерман. Непосредственно работал над ним Георг Хенке. Он передавал в подокруга не только материал для издания их собственных газет. В пресс-бюллетенях регулярно рецензировались газеты подокругов и предприятий, обобщался как положительный, так и отрицательный опыт, что помогало товарищам в подокругах делать газеты более действенными. Мы всегда с нетерпением ждали рецензию на свою «Ди вархайт» и другие издававшиеся в подокруге Нордринг газеты, за которые я, как член комитетов подокругов Панков и Нордринг, нес непосредственную ответственность.

Помимо этого курьерский аппарат передавал в организации нелегальные материалы, поставляемые так называемой «имперской техникой»: газету «Роте фане», выпуски «Интернационале пресе-корреспондентц», политические брошюры, замаскированные под такие невинные издания, как, например, «Финк и Петер», «Наш огород», «Менне и Макс», «Съедобные грибы», «Кулинарные рецепты».

Газета «Роте фане», все брошюры и другие материалы выходили малым форматом и печатались мелким, но удобным для чтения шрифтом. Если я не ошибаюсь, один номер «Роте фане» весил всего лишь 2—3 грамма.

Когда в январе 1935 года я стал техническим руководителем, партийная организация Берлина была разбита на три сектора. Они носили зашифрованные названия: К5, М6, S7. Секторы в свою очередь состояли из девяти районов и тридцати одного подрайона. К девяти районам относились три крупнейших предприятия — «Сименс», АЕГ и Берлинская компания городского транспорта (БФГ). За них отвечали руководители секторов.

Сотрудники технического аппарата берлинской партийной организации доставляли материал на тридцать четыре приемных или передаточных пункта. Два сектора имели по одиннадцать, а один — двенадцать явочных пунктов. Технический аппарат Берлина обслуживал также и организацию в Потсдаме.

Очередной пресс-бюллетень, или «имперский материал», прибывающий в Берлин большей частью из-за границы, вручали курьерам трех секторов. Двое из них передавали печатные издания соответственно четырем, а третий — трем курьерам районов. Те, в свою очередь, снабжали материалами трех-четырёх курьеров подрайонов. Курьеры подрайонов доставляли литературу в организации городских участков. Оттуда она попадала наконец в фабрично-заводские ячейки и ячейки по месту жительства.

И так два раза в неделю. Курьеры секторов получали материал утром от руководителя курьерской службы окружного комитета или от его заместителя, а под вечер руководитель курьерской службы уже передавал мне обратную почту из подрайонов. В нее входили контрольные экземпляры свежих газет, листовок, различные сообщения. Весь этот материал передавал членам окружного комитета, которые его оценивали и передавали дальше, в редакцию пресс-службы.

Судя по этой обратной почте, было ясно, что в середине 1935 года в Берлине наряду с центральными органами печати — «Роте фане», «Инпрекор», «Интернационале» — и замаскированными брошюрами в подрайонах, на предприятиях и в кварталах издавалось почти сто газет, которые печатались на ротаторе.

Кроме газет нашей партии, выходивших на предприятиях компании «Сименс», АЕГ и Берлинской компании городского транспорта, и других фабрично-заводских газет, а также газет подрайонов и кварталов, помню, нелегально печатались «Ди рампе» — орган артистов театра и кино, студенческие газеты, газеты железнодорожников, спортсменов и Коммунистического союза молодежи.

Одновременно с обратной почтой я получал и сводки о положении в берлинской партийной организации. Они давали довольно ясную картину того, где, в каком подрайоне были проведены аресты, в результате чего оборвались связи, как велики потери. Из этих сводок я узнавал, с какими подрайонами связь восстановлена, возобновили ли они свою деятельность и каково положение инструкторов районов, а также секторов и их курьеров.

Из 31 подрайона «висели» порой от шести до восьми, иными словами, с ними была прервана связь. Это число оставалось почти всегда постоянным. В то время как нашим товарищам удавалось восстановить дееспособность одних партийных комитетов и организаций, гестапо наносило удары по другим. Постоянная борьба за восстановление той или иной организации требовала хладнокровия, энергии и самоотверженности, в особенности от наших ответственных партийных работников.

Когда я взялся за создание технического аппарата, от старого оставался всего лишь один-единственный товарищ. С этим работником технического аппарата, разгромленного гестапо, меня свел один из членов окружного комитета. «Техник» жил нелегально и был тяжело болен — страдал водянкой. Поэтому товарищ мог лишь иногда подниматься с постели, да и то с трудом. Как только он приходил в себя, то сразу же шел на последний оставшийся явочный пункт. Там он забирал пакет с нелегальными материалами и тащил его в подрайон, с которым поддерживал личную связь. Иной возможности у него не было, ибо из-за арестов курьеров, обслуживавших секторы, контакт с районами оборвался.

Как мне сказал Фриц Кранц, нашего больного товарища звали Вальтер Зебеков или Зебеков. Человек, у которого он нелегально жил, был постоянно готов к тому, что тот умрет. Во время одного разговора, когда мы обсуждали сложившееся в связи с этим положение, хозяин квартиры сказал:

— Я обдумал все возможности и, если это печальное событие произойдет, не вижу иного выхода, как сжечь тело умершего в топке большого котла отопления. Об этом ужасно даже подумать.

— Надеюсь, что делать это не придется. Сейчас мы готовимся нелегально перевезти его через границу. Только бы позволило здоровье.

Состояние Вальтера, к счастью, улучшилось, и мы смогли с помощью нашего эмиграционного аппарата отправить его за рубеж.

Эмиграционный аппарат состоял из работников «Красной помощи». Они обеспечивали вывоз за границу товарищей, которым грозила опасность.

В Советском Союзе здоровьем Вальтера занялись врачи. Но болезнь была запущена, и он прожил всего два года.

Большое беспокойство доставлял нам центральный пункт для доставки нелегальных материалов. Как уже было сказано, мы не исключали возможность, что гестапо знало о нем. С другой стороны, Вальтер не раз брал там материалы, и никто — ни он, ни его связные в подрайоне — арестован не был.

Поэтому после совещания с Эду (Паулем Гржешиком), руководителем по оргвопросам окружного комитета, я решил пойти на пункт вместе с Вальтером. Он находился на Леопольдплац, в одном из фабричных зданий. Старший дворник фабрики сочувствовал нам и предоставил в наше распоряжение большое помещение. Но как же я поразился, когда перед нами оказалась комната размером примерно 10 на 5 метров — целый склад, от пола до потолка заполненный нелегальным материалом!

Наша организация остро нуждалась в литературе, а здесь она лежала в огромном количестве, и мы не видели пока никакой возможности, как ее отсюда вывезти. Я убедился, как много нелегальной литературы издавала и распространяла партия и как много делал разгромленный ныне технический аппарат. Чтобы быстрее его восстановить, я решил привлечь к работе Вилли Фогта и Густава Эльтера — товарищей, которых я забрал в свое время из Панкова в подокруг Нордринг.

Вилли Фогт взял на себя выпуск пресс-бюллетеней и других печатных материалов окружного комитета. Густав Эльтер стал курьером сектора, а затем заместителем ру-

ководителя курьерской службы. В качестве руководителя этой службы я привлек надежного товарища Рихарда (Фрица Кранца). Ранее он работал курьером сектора и едва спасся от ареста. Фриц был классово сознательным рабочим, он выполнял свое дело спокойно, умело. Товарищ, принявший на себя мои обязанности областного инструктора, получил из подрайона Нордринг хорошего районного курьера, который продолжил работу Вилли.

Для аппарата почтовой связи требовались три курьера. Столько же нужно было и для трех секторов. По соображениям безопасности все они работали самостоятельно и не были связаны друг с другом.

С помощью руководителей секторов нам удалось наконец подобрать нужное число курьеров. Более того, в некоторых районах, где более или менее длительное время не было арестов, имелись еще и запасные курьеры.

Мы не стали ждать, пока будет укомплектован весь технический аппарат. Работа начиналась сразу, как только создавалось то или иное его звено. Так, мы доставили в организации материал, хранившийся на пункте на Леопольдплац. Кроме того, действующий и не затронутый арестами аппарат «имперской техники» поставлял на пункты дополнительную литературу.

Трудности у нас возникли из-за провалов некоторых пунктов по приему материалов в секторах. Все более заметной становилась нехватка пунктов и в районах. Поэтому, посоветовавшись с руководителем курьерской службы, курьерами секторов, а также с согласия Эду я распорядился, чтобы там, где нет пунктов, материалы незаметно передавались на улице или в подъездах домов. Это требовало от всех курьеров исключительной точности: дабы уменьшить риск, передача должна происходить самое позднее через минуту после назначенной встречи.

Для каждого подокруга центральный аппарат готовил по одному пакету. Он состоял из отдельных конвертов, аدرسированных районам и секторам. Курьер окружного комитета передавал каждому из трех курьеров секторов свой пакет. В нем находились три-четыре конверта для входящих в этот сектор районов. В пакетах, которые предназначались для районов, лежали по три-четыре конверта для подрайонов. Такая практика себя оправдала, и мы даже пришли к заключению, что она значительно уменьшает риск.

Весной 1935 года доставка материала из центра по не известным мне причинам оборвалась. Когда я сообщил об этом Антону Аккерману, тот сказал:

— Может быть, мы сможем выйти из положения иным путем. Одна из групп берлинской организации уже проложила надежный маршрут. Из Чехословакии через границу доставляются чемоданы, а в Германии их сдают в камеру хранения на вокзале. Товарищ, с которым я тебя сведу, передаст тебе багажные квитанции.

Однако получение вещей из камеры хранения было связано с немалым риском. Чемодан могли легко повредить, и тогда обнаружилось бы, что в нем содержится. Кроме того, не исключено, что камеру хранения проверяет гестапо.

Я посоветовался с руководителем курьерской службы и его заместителем, но решения мы не находили. Одно ясно: чем дольше будет храниться материал на вокзале, тем опаснее.

Я всегда руководствовался принципом требовать от товарищей только то, что могу сделать сам. Поэтому я пришел к решению пойти за чемоданами. Вместе со мной должны были идти руководитель курьерской группы и его заместитель. В случае моего ареста они смогли бы обеспечить безопасность технического аппарата. Все, к счастью, прошло без происшествий, и материал был доставлен в берлинскую партийную организацию.

Получив примерно через две недели новые багажные квитанции, мы придумали более надежный способ доставки материала. Руководитель курьерской службы взял носильщика и вручил ему квитанции. Тот должен был вынести багаж на площадь перед вокзалом. В это время один из коммунистов обязан был наблюдать, не произойдет ли чего-нибудь при получении чемоданов, а руководитель курьерской службы — ждать в стороне условного знака и, убедившись, что все в порядке, получить от носильщика чемодан, затем пройти с багажом по улице метров на сто пятьдесят от вокзала. Если ничего подозрительного не случится, он должен сесть в такси, за рулем которого находился один из наших людей.

Я внимательно проследил за осуществлением нового варианта. Чтобы уменьшить риск, мы еще отшлифовали отдельные этапы операции.

Во время наших встреч с Вилли (Антон Аккерман) и Эду (Пауль Гржешик) мы не ограничивались обсуждением непосредственных задач и оценкой конкретной политической ситуации. Я изучал марксизм-ленинизм, и в связи с этим меня постоянно волновали теоретические проблемы. Антон и Пауль окончили в свое время Ленинскую школу, обладали большим политическим опытом и терпеливо давали мне ответы на все вопросы. Меня же наши продолжительные беседы и дискуссии очень обогащали.

Дальнейшая консолидация фашистского режима, рост аппарата гестапо и применение фашистами все более утонченных полицейских методов требовали от нас огромных усилий, чтобы сохранить боеспособность партийной организации.

В середине 1935 года берлинский окружной комитет старался так поставить дело с конспирацией, чтобы каждый из наших функционеров мог вести подпольную работу не менее года. При этом очень важно было вместо трех секторов, на которые делился весь город, создать четыре. Затем следовало сделать так, чтобы каждым сектором постоянно руководил комитет из трех товарищей и чтобы сектор самостоятельно поддерживал связь с Центральным Комитетом партии, находившимся в Праге. При такой конспирации гестапо не могло бы нанести удар сразу по всей берлинской организации, а лишь по одной из ее частей.

После реорганизации районы 732 и 733 с подрайонами 264—269, а также сельский подокруг Нидербарним стали относиться к сектору К5, которым руководили товарищи Ленц, Вахтель и Берман; место подокруга Райникендорф (269) занял подокруг Шпандау.

Реорганизация, проведенная после нашего ареста в августе 1935 года, потребовала значительного времени и в секторе К5 была завершена только в апреле 1936 года.

После того как технический аппарат был восстановлен, я стал подумывать о создании переносной радиостанции. У меня в этом деле не было никакого опыта. Поэтому я хотел узнать сначала о возможностях и условиях изготовления радиоустановки. Я попросил, не раскрывая деталей, одного из руководителей секторов связать меня с надежным товарищем, специалистом в области радиотехники. Он свел меня с Эрнстом (Гансом Фи-

шером), областным инструктором, отвечавшим за подрайоны Шарлоттенбург, Тиргартен и Вильмерсдорф, а тот в свою очередь познакомил меня с одним студентом. Ганс Фишер (спустя несколько месяцев его арестовали и приговорили к восьми годам каторжной тюрьмы) сообщил мне позднее, что этот студент — коммунист из Венгрии. Говорил он по-немецки безупречно, никому и в голову не приходило, что он иностранец.

Я был уверен, что Ганс привел надежного человека. И тем не менее я решил составить о нем собственное мнение. Поэтому я сначала провел с венгерским товарищем длительную беседу, расспросил о его политических взглядах, об условиях жизни студентов и тому подобном. И лишь убедившись, что в своей среде он не был известен как коммунист, я задал ему следующие вопросы: «Можно ли изготовить такой портативный радиопередатчик, который умещался бы в двух чемоданах? Какова зона действия такого аппарата? Можно ли в фашистской Германии достать без большого риска необходимые детали? Сколько они стоят? В течение какого времени может быть запеленгован передатчик?»

Вот что ответил венгерский товарищ: «Уместить переносный передатчик в двух чемоданах можно. Зона его действия будет составлять примерно от четырех до пяти километров. Текст передачи нужно сначала записать на граммофонную пластинку. Необходимые для передатчика детали, за исключением одной лампы, можно купить, не подвергая себя опасности. Последнюю можно доставить из Чехословакии. Если учесть, что работа по изготовлению передатчика оплачиваться не будет, то стоимость аппарата составит примерно двести марок. Запеленговать передачу можно в течение десяти минут, но к этому следует добавить еще и время, необходимое полиции, чтобы прибыть на место».

— Готов ли ты изготовить такой передатчик, а затем и работать на нем? — спросил я.

— Сделать-то я его сделаю и недостающую лампу тоже могу достать, так как скоро поеду в Чехословакию. Буду помогать и с ремонтом, научу работать на аппарате товарищей. Но самому работать с передатчиком мне бы не хотелось.

Я остался доволен результатом нашей беседы. Будучи профаном в радиотехнике, я был несколько разочарован

малым радиусом действия передатчика, но потом, подумав, решил, что при большой плотности населения в городских кварталах Берлина этого будет вполне достаточно.

По соображениям безопасности вести передачу из одной квартиры можно было только один раз, и не более пяти минут. Затем товарищи должны были в течение трех-четырёх минут сложить передатчик и вместе с ним покинуть район расположения квартиры.

Выяснив все это, я сказал Антону Аккерману, что, по моему мнению, передатчик нужен, и изложил возникшие в связи с этим проблемы. Антон выслушал мои доводы очень внимательно и задал несколько вопросов относительно мер безопасности.

На следующей встрече он, вероятно предварительно посоветовавшись с Паулем Гржешиком и Францем, дал свое согласие и еще раз настойчиво подчеркнул необходимость соблюдать правила конспирации. Я дал команду венгерскому товарищу приступить к сборке передатчика. Несколько дней спустя он выехал в Чехословакию.

Так я стал руководителем группы радиопередач. Прикидывая, как лучше организовать работу, я подумал: «А не использовать ли нам одного товарища, который был до Эрнста Ланге инструктором сектора?» Звали его, кажется, Шмидт. В свое время жена, не зная о политической деятельности мужа, из-за длительных его отлучек из дому заподозрила Шмидта в неверности. Возникла опасная ситуация, и его пришлось «законсервировать». Теперь, после шести месяцев вынужденного бездействия, он рад был возможности снова заняться подпольной работой.

Я поговорил со Шмидтом, и он сразу же согласился взять практическое руководство группой на себя. К тому же дело это не должно было отнимать у него много времени и не требовало длительных отлучек из дому.

Я был очень рад тому, что Шмидт согласился, ибо для проведения этой опасной акции требовался как раз такой умный, дальновидный и опытный в делах конспирации товарищ, каким был он.

Из-за моего ареста связь, однако, оборвалась — и с ним, и с венгерским товарищем.

Когда же года через полтора я встретился в каторжной тюрьме в Луккау с Гансом Фишером, тот мне ска-

зал: «А знаешь, студент привез недостающую лампу, по тебя к тому времени уже арестовали. Парень очень тогда расстроился, ибо горел желанием смонтировать передатчик».

ГУСТАВ УСКОЛЬЗАЕТ ОТ GESTAPO

Вместо арестованного курьера сектора нам пришлось использовать Густава Эльтера, курьера окружного комитета партии. Его задача состояла в том, чтобы принимать нелегальный материал от руководителя курьерской службы и развозить его по трем районам.

...Это произошло в один из обычных дней доставки нелегальной почты. Первые два пакета Густав уже передал и пошел на третью явку, в пекарню на Кройцбергштрассе, что недалеко от Ангальтского вокзала. Он не знал, что за пекарней уже установлена слежка, а ее хозяин, помогавший нам, арестован. Ничего не подозревая, он поехал отсюда на трамвае в сторону Виттенбергплац, чтобы на соседней с площадью улице передать последний пакет. Прибыв на встречу задолго до назначенного времени, Густав медленно шел по улице, рассматривая витрины магазинов и внимательно наблюдая за тем, что делается вокруг.

Тут он заметил, что какой-то неизвестный буквально не спускает с него глаз. «Вероятно, за мной следит», — подумал Густав. Пройдя несколько улиц, он убедился в этом — человек следовал за ним буквально по пятам. Гестаповец, видимо, хотел установить связи подпольщиков, считая, что его не заметили. Эльтер подошел к остановке у Виттенбергплац и стал пропускать один трамвай за другим. Он лихорадочно думал, что предпринять. Ему было трудно на что-то решиться. Пока что он не видел никакого способа отделаться от преследования.

Наконец подошел еще один трамвай. Надо было садиться, иначе гестаповец заподозрит, что он обнаружен. Густав шагнул в вагон и прошел со своим пакетом на переднюю площадку. Его «проводящий» остался стоять на задней.

Время шло, приближалась конечная остановка, а Густав никак не мог найти выход из создавшейся ситуации. Еще два пролета. На последней остановке вагоновожатый менял свое место, и трамвай шел обратно. И тут

Густава осенило. Он молниеносно выпрыгнул из вагона и побежал что было сил.

Гестаповец оказался в невыгодном положении. Преследуя подпольщика, он должен был по пути обогнуть вагон.

Густав вбежал на станцию метро и как раз успел на отходящий поезд. Гестаповец потерял его из виду. На следующей остановке Густав пересел и доехал до станции Инзельштрассе, еще раз тщательно проверив, нет ли за ним «хвоста», вошел во двор какого-то жилого дома и выбросил пакет в мусорный ящик. Лишь после этого, соблюдая все меры предосторожности, он направился домой.

Через несколько дней он рассказал мне об этом происшествии. Оно стоило ему сильного нервного напряжения, и я освободил его на несколько дней от работы. Это означало, что курьера сектора надо временно заменить другим товарищем.

ЛОТТИ

Лотти Миллер печатала восковки для пресс-бюллетеня, листовок и других материалов окружного комитета партии. Было ей года двадцать три. Изящная и хрупкая, Лотти вызывала у меня восхищение. Никто не смог бы предположить, что в этой маленькой женщине столько энергии.

Лотти была занята на производстве и выполнять задания партийной организации могла только вечером и ночью. Она была исключительно надежным и точным товарищем. Я не помню ни одного случая, чтобы она хотя бы раз не выполнила нашего задания, несмотря на то что работа у нее была далеко не безопасная и очень трудоемкая. Ей приходилось затрачивать много времени и сил на то, чтобы обеспечить безопасность, заглушить стук пишущей машинки, чтобы его не было слышно в соседних квартирах. Для этого машинку ставили на шезлонг, а вокруг устраивалось целое ограждение для поглощения звука. Порой ей приходилось печатать до глубокой ночи.

Лотти была просто необходима организации. Без нее не смог бы появиться ни один издаваемый окружным комитетом материал. И все же нам надо было расстаться с ней. Ее муж, Зепп, уже почти два года находившийся

в эмиграции во Франции, добился наконец ее согласия на отъезд, и теперь нужно было, чтобы дали согласие мы.

Мне очень хотелось помочь ей.

— Можешь ли ты порекомендовать женщину, которая была бы такой же надежной, которая работала столь же безупречно и о которой не знали бы, что она коммунистка?

— Да, я знаю такого человека. На нее ты сможешь вполне положиться.

На следующую встречу Лотти привела с собой девушку. Только после 1945 года я узнал, что это была ее сестра.

Решить сам вопрос об освобождении Лотти от партийной работы и отъезде ее в эмиграцию во Францию я не мог и спросил совета у Антона Аккермана.

— Если ты считаешь, что это не нанесет ущерба нашей работе, я тоже «за».

Так Лотти получила возможность уехать. Но перед отъездом произошел случай, который едва не сорвал все ее планы.

Однажды я шел на встречу с ней. Выйдя с нынешней Димитровштрассе, я повернул на Грайфсвальдерштрассе. И вдруг почувствовал, что кто-то на меня смотрит. Вглядевшись, я узнал в едущем навстречу мне велосипедисте человека из Петерсхагена, известного своими антикоммунистическими убеждениями. Мне показалось, что он хочет показать меня кому-то другому. От разведывательного аппарата нашей партии мне было известно: на перекрестках больших улиц фашисты постоянно держат не только полицейских в форме, но и сотрудников сыскной полиции или гестаповцев в штатском.

До встречи с Лотти оставалось три четверти часа. Я мог еще проверить, нет ли за мной слежки. За станцией городской железной дороги Грайфсвальдерштрассе я шел некоторое время по пустынным и коротким улицам и убедился, что слежки нет. Встретившись с Лотти, мы обсудили с нею, что нужно сделать до ее отъезда к мужу. Затем я коротко рассказал ей о том, что произошло со мной.

— Послушай, а за нами следят, — понизив голос, вдруг произнесла она.

— Ну вот, рассказал, и теперь тебе чудятся призраки, — ответил я шутливо.

Мне еще раньше часто приходилось убеждаться, что некоторым товарищам порой кажется, что за ними следят, когда на самом деле слежки нет. И все же я сказал Лотти:

— Не оборачивайся и расскажи, что ты видишь.

Выслушав ее, я насторожился, и мы на всякий случай стали разыгрывать из себя влюбленную парочку.

Продолжая нашу «прогулку», я убедился, что Лотти права.

Правда, перед встречей с ней я все хорошо проверил. Но могло случиться и так, что гестаповец меня сначала потерял, а позже наши пути случайно пересеклись, и он продолжил наблюдение. Поэтому я договорился с Лотти, как вести себя в случае ареста.

— Мы скажем, что познакомились только пару дней назад в кино, — сказал я. — Тем самым ты избежишь опасности.

Наконец мы и наш преследователь вышли на улицу Глеймштрассе.

— Сейчас мы дойдем до угла и, чтобы окончательно убедиться в нашем предположении, повернем влево, затем пересечем Глеймштрассе в направлении Фалькплац, — сказал я. — Но этот тип ни в коем случае не должен догадаться, что мы его заметили.

Я крепко прижал к себе локоть Лотти, наклонился к ней для поцелуя, и в тот же миг мы резко свернули влево.

Гестаповец не ожидал этого, растерялся и сбился с шага. Затем применил старый трюк, направившись к первому попавшемуся парадному. Мы же продолжали делать вид, что ничего не замечаем, и пошли на стадион. Здесь на площадках занимались спортсмены. Параллельно, примерно в восьмидесяти метрах от нас в направлении улицы Эберсвальдерштрассе, был проход длиной в триста метров и шириной метров шесть. По обе его стороны были расположены теннисные корты. Мы очень медленно пошли по этому проходу, то и дело останавливаясь у теннисных кортов и наблюдая за игрой.

Необходимо было оторваться от гестаповца вместе с Лотти, что было намного труднее, чем если бы я это делал один. Лихорадочно обдумывая, что бы такое предпринять, я спросил Лотти:

— Ты можешь прыгнуть на ходу в трамвай?

— Нет, я еще никогда не пыталась это делать. Оставь меня и прыгай один!

Я отрицательно покачал головой и стал искать иной выход. Но в голову ничего не приходило. Успокаивало только то, что, судя по всему, гестаповец думал, что он остался незамеченным.

Проход, по которому мы шли, выходил на Шёнхаузераллее. На последнем его отрезке впереди нас почти не было людей, в то время как между нами и гестаповцем, следовавшим примерно в 50 метрах, было довольно много гуляющих, большая часть из них наблюдала за игрой. И тут меня осенило.

— У тебя есть деньги? — спросил я Лотти. — У меня, например, только две марки.

— Да! Десять марок.

— Этого хватит. — Я взял ее за руку. — Когда скажу «давай!», ты побежишь так быстро, как только сможешь, к Шенхаузераллее, затем направо за угол, по самой Шенхаузераллее до улицы Эберсвальдерштрассе, а там — прямо в такси.

До конца прохода оставалось метров семьдесят — мы бросились бежать. Я тащил за собой маленькую Лотти, она изо всех сил старалась не отставать. Прежде чем гестаповец заметил наш маневр, мы уже были далеко. К тому же ему мешали гуляющие. Добежав до Эберсвальдерштрассе, мы быстро повернули за угол, чтобы нас не было видно с Шёнхаузераллее, и наискось пересекли дамбу. Подлетев к стоянке такси, я рванул дверцу одной из машин.

— Поезжайте быстро к вокзалу Фридрихштрассе, — крикнул я водителю. — Мы опаздываем на поезд!

Откинувшись на спинку сиденья и выглянув через стекло машины на улицу, я увидел гестаповца. Он стоял на углу Шёнхаузераллее и Грайфсвальдерштрассе, примерно в двадцати метрах от нас, и беспокойно озирался по сторонам.

Обе улицы были полны народу, кроме того, по ним вереницей шли трамваи и автобусы. Поблизости была также станция городской железной дороги. И когда наше такси отъехало от стоянки, гестаповец, вероятно, этого даже не заметил.

У вокзала Фридрихштрассе мы вышли, расплатились и доехали по городской железной дороге до станции Цоо.

Затем прошли немного по аллеям парка Тиргартен. Все это время Лотти вела себя мужественно, ничем не выдавая своего волнения. Лишь губы у нее побелели.

На станции Тиргартен мы снова сели в поезд городской дороги, потом меняли виды транспорта еще несколько раз. Решив наконец, что преследователь нас наверняка потерял, мы сели на скамью в Люстгартене и лишь тогда смогли порадоваться, что остались на свободе.

К таким неожиданностям, какие нам с Лотти довелось пережить, приходилось быть готовым всегда.

Расскажу об одной встрече, которая произошла через несколько недель после того, как я перешел на нелегальное положение.

В Петерсхагене жил один гауляйтер нацистской партии. Мы были с ним хорошо знакомы. Когда штурмовики и эсэсовцы стали нападать на коммунистов и рабочих-спортсменов во Фредерсдорфе, я мобилизовал свой отряд самообороны. Мы дали фашистам такой отпор, что они туда больше не совались.

И вот однажды, идя по нынешней Карл-Марксаллее, я вдруг увидел в двух метрах от себя этого гауляйтера, шагавшего мне навстречу. Видимо, он меня тоже узнал, и на его лице отразились удивление и растерянность. Пройдя метров пять, я пересек улицу и быстро сбежал по ступеням вниз, в метро. Там я убедился, что гауляйтер меня не преследует. Наверное, встреча со мной была для него настолько неожиданной, что он не смог быстро принять какое-либо решение.

Была у меня еще одна неожиданная встреча. На этот раз в вагоне метро (в подполье я пользовался им редко, чтобы не встретить там прежних знакомых) я увидел сидящую напротив меня дочь служившего в Петерсхагене жандарма. Она меня тоже узнала.

Через несколько недель я ее снова встретил, но при других обстоятельствах. Мария достала билеты в летний театр у Прусского музея. Мы хотели посмотреть «Сон в летнюю ночь» Шекспира. К моему удивлению, по обеим сторонам открытой площадки, которая заменяла собой зрительный зал, выстроились шеренги штурмовиков. Чтобы не вызвать подозрений, я счел за лучшее остаться на месте. Мы сели почти у самого края правого ряда, что, как я надеялся, в случае необходимости должно было обеспечить нам бóльшую свободу действий.

До начала представления еще оставалось время, и я с беспокойством наблюдал за штурмовиками. Но ничто не говорило об опасности. Бросив еще раз взгляд назад, я увидел, что позади нас сидит дочь жандарма с двумя спутниками, причем один из них в форме штурмовика. Девушка оживленно беседовала со своими знакомыми, но, что именно они говорили, я не слышал. Марии я не сказал ни слова, чтобы никто не заподозрил, что мы знакомы, и чтобы не волновать ее.

Началось представление. Никогда в жизни я не следил так мало за тем, что происходит на сцене, как в тот раз. Представление, казалось мне, тянулось бесконечно. Я думал только о том, что попал в мышеловку. Едва только спектакль окончился, я поднялся с места и вышел в проход между рядами скамеек в надежде, что Мария тоже встанет и последует за мной. Но она аплодировала вместе с другими зрителями и не обращала на меня внимания.

Я взглянул на дочь жандарма и ее спутников, чтобы выяснить их намерения. Вдруг девушка мне улыбнулась и слегка кивнула головой. Тут поднялась с места и Мария, и я медленно пошел впереди нее сквозь цепь штурмовиков.

РОТАТОРНАЯ НА ЭЛЬЗАСЕРШТРАССЕ

Вилли Фогту, как уже было сказано, мы поручили изготовление пресс-бюллетеня, листовок и других нелегальных материалов. Для большей безопасности Вилли отказался от своей меблированной комнаты на Шёнхаузераллее и снял квартиру в доме номер 99 на Эльзасерштрассе (ныне Вильгельм-Пикштрассе). Она была расположена довольно удачно, если не считать того, что у нее был только один вход — через двор.

Мы решили поставить здесь ротатор. Вилли должен был делать на нем оттиски и передавать материалы руководителю курьерской службы.

Когда я пришел к Вилли, чтобы ознакомиться с помещением, то обнаружил в одной из стен наглухо закрытую и заклеенную обоями дверь, которая, видимо, вела в соседнюю квартиру. Ее необходимо было срочно обить. Вилли обещал об этом позаботиться.

Однажды нам поручили отпечатать листовку, причем значительным тиражом — несколько тысяч экземпляров.

Работать Вилли пришлось ночью, ибо днем он был занят на стройке, куда его направила бижжа труда. Чтобы быть совершенно уверенным, что все будет закончено в срок и что наутро материалы уже будут рассылаться по организациям, я пришел к нему на квартиру спозаранку — в пять часов. Но, несмотря на то что Вилли проработал всю ночь, порядочная часть тиража все еще не была готова. Я стал помогать Вилли. В половине седьмого, когда ему уже нужно было уходить, работа все еще не была окончена. Тогда я сам сел за ротатор, решив прокрутить последнюю тысячу экземпляров.

В отличие от ручного ротатора, который мы использовали у нас в подрайоне, это был современный ротатип, дававший четкие оттиски. Однако при вращении валиков возникало гудение. Проработав в одиночестве с полчаса, я услышал вдруг чей-то голос, да так ясно, будто кто-то стоял рядом. Голос доносился из-за двери, ведущей в соседнюю квартиру: «Неужели он там так и не кончит? Неужто это будет продолжаться всю ночь?»

Меня охватил ужас. Первой моей мыслью было немедленно бросить все и бежать. Но я взял себя в руки и стал обдумывать сложившееся положение. Вероятно, Вилли обил дверь только одним слоем картона, забыв сделать звукоизоляцию.

Кто же сосед? Очевидно, не вредный человек. Иначе он сообщил бы о своих подозрениях полиции, ведь ротатор шумел всю ночь. Я принял решение продолжать работу, запустив машину на полную скорость, пусть шумит, зато кончится все побыстрее.

Надо было уже передавать материалы, но мне предстояло отпечатать еще несколько сот листовок, да еще упаковать готовые. Когда работы оставалось совсем немного, кончилась краска. Пришлось на два часа перенести встречи с курьерами. А это означало, что все курьеры секторов должны известить своих районных курьеров, а те в свою очередь — курьеров подрайонов, чтобы условиться о новых сроках. Опять лишний риск.

В восемь часов я встретился с руководителем курьерской службы Фрицем Кранцем и обсудил создавшееся положение. Затем мы отправились на места встреч с курьерами секторов, чтобы поставить их в известность. Пого-

ворив с ними, я отправился на квартиру Вилли Фогта, а Фриц пошел за краской. При этом мне пришлось нарушить конспирацию и назвать Фрицу адрес Вилли. Когда он пришел с краской, часть листовок была уже упакована. Остаток мы отпечатали вместе, связали пакеты.

О соседе Вилли я Фрицу ничего не сказал. Не хотелось его волновать. Приложив к губам палец, я просто дал ему понять, что здесь нужно вести себя тихо. И все же, упаковывая листовки, нам не удалось избежать шума. Но на сей раз из-за двери раздался только предостерегающий кашель.

Я взглянул на Фрица. Он был внешне спокоен, весь поглощен работой и не произносил ни слова. Но его, безусловно, обуревали те же чувства, что и меня.

Наконец мы нагрузились пакетами и ушли.

На сей раз все обошлось благополучно, но работать на этой квартире мы уже не могли.

Отпечатанную при таких необычных обстоятельствах листовку написали наш новый политический руководитель Винанд Каш и я. Она сохранилась, вот ее содержание:

«Рабочие Берлина! Предотвратите новое убийство!

Мы обращаемся ко всем берлинским рабочим, работницам и рабочей молодежи, ко всем берлинским трудящимся, ко всем представителям средних классов, к прогрессивной интеллигенции!

Товарищи по классу — члены социал-демократической партии!

Фюрер СС и шеф гестапо Гиммлер получил от Адольфа Гитлера неограниченные полномочия, чтобы искоренить любое оппозиционное движение. На антифашистскую Германию обрушивается новая волна террора. По сообщению с Запада, первый председатель Германского профсоюза горняков Хуземан, арестованный 10 апреля, 14 апреля был «убит при попытке к бегству». Об убийствах революционных рабочих поступают сообщения также из Гамбурга. Эти новые убийства не должны пройти бесследно.

Социал-демократы, члены свободных профсоюзов, коммунисты должны объединиться, чтобы выбить оружие из рук агентов Гиммлера и Геринга... Но террор продолжает свирепствовать. Недавно берлинское гестапо арестовало трех честных рабочих — борцов за дело своего клас-

са: Макса Маддалену, Роберта Штамма и Адольфа Ремпте.

Берлинские рабочие знают бывшего депутата рейхстага от коммунистической партии Макса Маддалену. Они знают, что он участвовал в профсоюзном движении, что он был одним из бескомпромиссных борцов за интересы рабочих, что он не раз руководил борьбой рабочих за экономические права, что его советы не раз помогали рабочим закрепить победу в их борьбе за повседневные интересы. За это фашисты возненавидели его, поэтому они и стремились захватить его в свои лапы. Всю свою жизнь он посвятил делу создания единого фронта борьбы рабочего класса.

Целиком посвятил себя борьбе за интересы трудящихся бывший депутат рейхстага Роберт Штамм. Еще молодым рабочим он принимал активное и самоотверженное участие в борьбе рабочих. Позже он руководил многими выступлениями трудящихся за повышение заработной платы, борьбой своих товарищей по классу на западе Германии. Поэтому его и хотят уничтожить фашисты!

Адольф Ремпте, простой гамбургский рабочий, был в течение многих лет наставником своих товарищей по классу в борьбе за их интересы. Будучи воспитан гамбургскими рабочими, этим закаленным в борьбе передовым отрядом германского пролетариата, Ремпте представлял интересы рабочих, чем и вызвал смертельную ненависть фашистов.

Берлинские рабочие! Арестами фашизм хочет нанести удар всему немецкому народу! Этим трех рабочих руководителей уже подвергли бесчеловечным истязаниям. Так же, как фашисты хотят сломить волю этих товарищей, они стремятся усмирить и поставить на колени весь рабочий класс, всех трудящихся-антифашистов.

Остановите убийц! Предотвратите новые убийства, не позволяйте, чтобы этих товарищей постигла участь стойких деятелей рабочего класса Иона Шеера, Эриха Штайнфурта, Ойгена Шёнхаара и Руди Шварца, расстрелянных по личному указанию кровожадного чудовища Геринга.

Социал-демократы, члены свободных профсоюзов! Единным фронтом с коммунистами боритесь против гитлеровского террора! Предавайте широкой гласности произведенные аресты, информируйте всех об огромной опасности, которая угрожает этим арестованным, говорите об этом

со своими товарищами у станков и на биржах труда, пишите на стенах требования освободить арестованных.

Оказывайте давление на фашистский государственный аппарат, посылая по почте открытки и письма, звоните по телефонам-автоматам в гестапо и следственные органы, требуйте освобождения заключенных. Надо заставить гестапо выступить с объяснением, где находятся сейчас эти трое рабочих руководителей и что с ними намереваются сделать. Молчание облегчит фашистам тайное убийство. Этого допустить нельзя!

Рабочие! Все «преступление» трех арестованных рабочих руководителей состояло в том, что они вели бескомпромиссную борьбу за интересы трудящихся. Лучшая защита, какую могут им оказать берлинские трудящиеся, — усиление борьбы на своих предприятиях и биржах труда. Дайте почувствовать на своих заводах и фабриках силу сопротивления пролетариата, отвергайте посягательства на заработную плату и аккордные тарифы, организуйте борьбу рабочих за повышение заработной платы в связи с ростом дороговизны, за повышение оплаты труда по мере увеличения дивидендов хозяев. Используйте собрания на производстве и перерегистрации на бирже труда для обсуждения своего положения и своих требований.

Рабочие — социал-демократы и бывшие члены Свободных профсоюзов! Объединяйтесь на предприятиях с коммунистами в деле воссоздания Свободных профсоюзов. Тем самым вы приблизите освобождение жертв гитлеровского террора!

В эти дни мы переживаем новую волну кровавых преследований. Это доказательство подготовки к развязыванию войны. Никто не должен более заблуждаться по поводу такого развития событий. Последние дни ясно показали, что в ближайшее время могут возникнуть самые тяжелые осложнения. Усилением борьбы масс за повседневные интересы трудящихся остановите волну террора!

Рабочие, работницы, рабочая молодежь, мелкие торговцы, все трудящиеся!

Защищайте борцов за ваши собственные интересы, любыми возможными способами срывайте акции гестапо!

Ненависть и презрение к шпикам и подонкам гестапо! Мешайте их грязным делам, разоблачайте их перед широкими массами трудящихся, держите их под постоянным контролем. Немедленно информируйте революционных ра-

бочих обо всех ставших вам известными планах фашистов и их прислужников. Деятельность гестапо будет парализована, если этого захотят широкие слои трудящихся! Защищайте на каждом предприятии наиболее активных товарищей от репрессий фашистов.

Рабочие и работницы! Подумайте, что вы можете сделать немедленно в защиту арестованных!

Социал-демократы! Фашизм преследует свои жертвы, невзирая на их прежнюю партийную принадлежность, он обрушивает террор на всех, кто выступает за интересы трудящихся. Коммунисты, социал-демократы, члены Свободных профсоюзов, ведите борьбу против террора единым фронтом с беспартийными и оппозиционно настроенными рабочими — членами нацистской партии!

Макс Маддалена, Роберт Штамм и Адольф Ремпте, мы говорим вам: берлинские рабочие приложат все силы, чтобы защитить и освободить вас!

Долой враждебный народу кровожадный фашизм! Да здравствует борьба всех трудящихся против фашизма и войны! Да здравствует борьба за освобождение Маддалены, Штамма и Ремпте!

Коммунистическая партия Германии, окружной комитет Берлин — Бранденбург.

Коммунистический союз молодежи Германии, окружной комитет Берлин — Бранденбург.

Организация «Красная помощь», окружной комитет Берлин — Бранденбург.

Свободу Эрнсту Тельману и всем томящимся в заключении пролетариям!»

В ЛАПАХ ГЕСТАПО

В начале июля 1935 года меня поставили в известность, что члены берлинского окружного комитета партии будут заменены новыми товарищами, прибывшими из-за границы. Вскоре уехал для участия в VII Международном конгрессе Коммунистического Интернационала наш политический руководитель Антон Аккерман.

В середине июля 1935 года был арестован руководитель по оргработе Пауль Гржешик. Как он сообщил мне через несколько лет в каторжной тюрьме в Луккау, арест

произошел по чистой случайности. Пауль условился о встрече с одной коммунисткой, но та повела себя во время встречи неумело и привлекла внимание гестаповца.

Франц, руководитель агитпропа окружного комитета, свел меня вскоре после этого с новым политическим руководителем Винандом Кашем. Через несколько дней Франц уехал за границу, а я передал Винанду еще не принятые им связи с партийной организацией Берлина. Дата моего отъезда была тоже назначена. Я должен был поехать на учебу в Москву.

Винанд был марксистски образованным товарищем, с большим опытом политической работы. Однако вскоре я заметил, что у него почти нет конспиративных навыков, а конспирация после двух с половиной лет работы партии в подполье в условиях фашистской диктатуры имела огромное значение. Кроме того, мне показалось, что он по своим данным не отвечает нашей работе, требующей больших физических и нервных нагрузок.

Так, например, на одной из наших встреч мне пришлось обратить внимание Винанда на то, что он не имеет права записывать время и место явок, не говоря уже о поручениях отдельным товарищам. Такие записи по правилам конспирации вести запрещалось. Видя, что запомнить все связи и встречи Винанд просто не может, я посоветовал записывать их так, чтобы они были понятны только ему одному. Однако он пренебрег моим советом, и очень скоро это привело к тяжелым последствиям. 7 августа 1935 года, во время встречи с Вильгельмом Кнаппом, Винанд был арестован. Найдя у него записи, гестапо сравнительно легко смогло установить адреса других подпольщиков. 8 и 9 августа 1935 года были арестованы руководитель сектора К5 Рудольф Бергтель и работник разведывательного аппарата окружного комитета Карл Попаль, 10 августа гестапо схватило меня.

Арест произошел на площади Вагнерплац в берлинском районе Лихтенберг, когда я, ничего не подозревая, подошел к Винанду и заговорил с ним. Подать какой-либо знак или бежать у него, видимо, не хватило духу, ведь гестаповцы могли его просто пристрелить. Место, куда они приказали встать Винанду, было выбрано очень хитро. Церковь, около которой он стоял, была окружена кустами. Гестаповцы спрятались там, и конечно же я не мог их заметить. Не дав мне опомниться, они приста-

вли к моей спине два револьвера и вывернули мне руки назад.

— Ну, ты, берлинский техник, вот мы взяли и тебя! — сказал один из них.

Как я узнал позже, в своем расписании встреч Винанд отметил не только место и время свидания, но и мои функции.

Главная ответственность за мой арест, безусловно, ложится на Винанда Каша. Но часть вины я должен взять и на себя, ибо при встрече допустил нарушение правил конспирации. Я совершил непростительную ошибку, придя на свидание на десять минут позже назначенного времени.

Если бы речь шла о ком-нибудь другом, я бы, чувствуя, что опаздываю, вообще не пошел бы на свидание, так как ждать больше минуты было не положено. Но встречался я с Винандом и был уверен, что он будет ждать меня.

Вторая моя ошибка заключалась в следующем: вместо того чтобы, увидев Винанда, который стоял ко мне лицом, пройти мимо него, а затем выждать, пока он нагонит меня на соседней улице, я сам подошел к нему и поздоровался.

Таким образом, арест, с возможностью которого должен был считаться каждый работавший в подполье коммунист и которого каждый надеялся избежать, стал для меня реальностью!

Когда гестаповцы вели меня через проезжую часть Вагнерплац на Норманненштрассе, я пытался реально оценить свое положение. Как сейчас помню, словно это случилось вчера, что, шагнув на тротуар, я сказал себе: «Жизни тебе не будет. Для них ты, как руководитель технической службы, являешься ключевой фигурой. Используя тебя, они попытаются разгромить берлинскую организацию партии и проникнуть в «имперскую технику». Они постараются выжать из тебя все, что только можно». Я с ужасом думал о жестоких пытках, о которых мне приходилось слышать. «А что, если они поступят так и со мной? Нет! Предателем я не стану!»

Четверо гестаповцев втолкнули меня в какой-то подъезд и обыскали.

Здесь я услышал первые угрозы, здесь на меня посыпались первые удары. Фашисты, видимо, хотели сломить

мою волю и сделать покладистым сразу, используя первоначальный шок от ареста.

К дому подкатила легковая машина. Меня усадили на заднее сиденье между двумя агентами. Я был стиснут так, что не мог пошевелиться. По пути в гестапо один из агентов сказал: «Заметь себе, парень, до сих пор у нас говорили все, даже сам Эрнст Тельман».

Я знал стойкость Эрнста Тельмана и других наших товарищей. Поэтому все дальнейшие попытки запугивания лишь укрепляли мою решимость держаться твердо.

Меня доставили на улицу Принц-Альбрехтштрассе и отвели на третий или четвертый этаж. В одной из комнат я оказался в кругу гестаповцев.

— Ну ты, берлинский техник, давай-ка рассказывай!

В моем кармане они нашли 1 марку и 20 пфеннигов, два ключа от квартир, которыми я к тому времени располагал, и студенческое удостоверение, которое мне дала Карла Шёнбург.

После моего ухода из подокруга Нордринг я, конечно, оборвал все связи, которые не были необходимы для моей новой работы. Однако за несколько недель до ареста я встретил Карлу случайно на улице. В то время у меня не было никаких документов, и я спросил Карлу, не осталось ли у нее каких-либо бумаг мужа, с которыми она разошлась, они могли бы служить мне удостоверением личности.

— Кажется, есть студенческий билет, — ответила она. Мы договорились, что я возьму его, а в случае если попаду в облаву, она подтвердит, что я являюсь ее мужем.

Сейчас, когда я находился в лапах гестапо и моя подпольная деятельность была установлена, это обстоятельство могло стать для Карлы роковым.

Так оно и случилось. Не прошло и часа, как меня доставили на Принц-Альбрехтштрассе, и в комнату ввели Карлу. Как и следовало ожидать, на вопрос, являюсь ли я ее мужем, она ответила: «Да». Она не знала о сложившейся обстановке, и, чтобы отвратить от нее беду, я быстро произнес: «Это неправда! Не знаю, зачем вы так говорите». Едва успел я это сказать, как на меня обрушились жестокие удары, и я не смог больше произнести ни слова.

Карлу увели. Много лет спустя она рассказала, что ее тогда отпустили, но еще некоторое время держали под

наблюдением. Такое необычное поведение гестапо я объяснял себе следующим образом. Карла была исключительно красивой женщиной. Она держалась с достоинством, холодно и сдержанно. Вероятно, гестапо не могло допустить, что она занимается подпольной работой, и предположило, что между нами были чисто личные отношения. И так как я заявил, что нашел удостоверение на улице, а наблюдение за Карлой ничего не дало, гестаповцы оставили ее в покое.

Меня продержали на Принц-Альбрехтштрассе десять дней, а затем доставили в следственную тюрьму Моабит. За это время я узнал, что и в двадцать четыре года человек может страстно желать себе смерти. Гестапо хорошо знало, что с каждым днем после ареста коммуниста шансы расширить круг арестованных уменьшаются. Мне, однако, несмотря на пытки, с каждым днем становилось все легче, ибо я не приходил на назначенные ранее встречи, а это служило предостережением товарищам: осторожно, со мной не все в порядке.

Я решил, как предписывали правила конспирации, в первые дни вообще не давать никаких показаний и не отвечать ни на какие вопросы, даже на вопросы, касающиеся моей личности. И если бы меня во время первых же допросов забили до смерти, то мои родители даже не смогли бы узнать о судьбе своего сына.

Структуру нашей берлинской партийной организации гестаповцы в общем знали. Им было, конечно, известно и то, какие у меня, как у технического руководителя, должны были быть связи. Поэтому пытками меня старались заставить выдать функционеров окружного комитета, сотрудников технического аппарата, явки.

Обычно в гестапо избегали обезображивать лицо арестованного. Поэтому на допросах меня били кулаками по почкам и в область сердца, пинали ногами в бедра и бока.

Особенно болезненным было избивание цепью, обтянутой кожей. На конце цепи находился шар. Сделан он был, очевидно, из дерева, ибо металлический шар размозжил бы кости.

Я был совершенно бессилён, мучителей было много. Меня хватали, перекидывали через стул, и один из них бил меня этой цепью. Боли были ужасные, и они стали еще сильнее, когда по распухшему телу принялись бить палками. Кожа лопалась, как на вареной картошке.

И каждый раз, когда я был на грани потери сознания, главный из них говорил: «Стоп! Пусть сперва немного отойдет».

Они брызгали мне в лицо водой, я приходил в себя, и все начиналось сначала.

Чтобы добиться от меня показаний, мне говорили: «Мы хотим от тебя только одного — чтобы ты сказал, где находится главная явка по доставке печатных материалов».

Казалось, я не вынесу этой боли. Хотелось, чтобы мучения прекратились. Способность оценивать происходящее слабела. И лишь напряжением всей своей воли мне удалось заставить себя снова логически мыслить: «Если ты ответишь на этот вопрос, то гестапо сможет разгромить всю партийную организацию. Достаточно первого показания, и воля твоя будет сломлена! За первым последуют другие. Свое положение ты этим не улучшишь, а лишь ухудшишь. Они будут пытаться тебя и дальше, чтобы выжать все, что ты знаешь».

Допросы не давали гестаповцам никакого результата, их ярость и жесточение возрастали с каждым днем.

Мое состояние трудно описать. После многочасовых допросов, пыток, обмороков я впадал в состояние полного бессилия. Не мог даже шевельнуть пальцем. Но сознание мое было ясным, а воля — непоколебимой.

Когда вечером, после очередного допроса, гестаповцы относили меня вниз и бросали в камеру, я задавал себе вопрос: «А хватит ли сил перенести пытки завтра?»

И если бы мне пришлось ответить на этот вопрос отрицательно, то я бы покончил с собой.

Начался третий день моего ареста. Гестаповцы удвоили свои усилия, пытаюсь сломить мою волю и заставить заговорить. Пытки и допросы продолжались в течение почти всего дня. Сохранился протокол. В нем говорится следующее:

«Берлин, 12 августа 1935 года.

Я стал членом КППГ в конце 1931-го или в начале 1932 года. С 1928 года я являлся сначала членом профсоюза строителей, затем (примерно в 1930 году) вступил в объединенный союз строителей. С августа 1932 года до начала национального возрождения был политическим руководителем местной группы КППГ в Петерсхагене. С началом национального возрождения я перешел на нелегальное положение, ибо опасался, что ввиду моей при-

надлежности к КПП меня подвергнут превентивному аресту. С этого времени я живу в Берлине нелегально.

Вопрос: Где вы находились до сих пор и где вы проживали?

Ответ: На этот вопрос я не буду отвечать.

Вопрос: Какой политической деятельностью вы занимались, какие функции вы выполняли в подполье с момента начала национального возрождения?

Ответ: Я отказываюсь давать на этот счет показания.

Вопрос: Откуда вы знаете человека, с которым встретились на Вагнерплац в Лихтенберге?

Ответ: Я отказываюсь от показаний.

Подписать протокол Ханке отказывается». (Следует неразборчивая подпись следователя.)

«Продолжение допроса.

Берлин, 12 августа 1935 года.

Ханке еще раз был допрошен по существу дела и заявил следующее: «Я признаю, что примерно с июня 1933 года по день моего ареста с небольшими перерывами нелегально работал в Берлине для КПП. О характере моей деятельности давать показания, несмотря на все предупреждения, отказываюсь».

Ханке предъявляется фотография, на которой изображен Вильгельм Кнапп.

Вопрос: Известен ли вам этот человек? Откуда вы его знаете и когда с ним встретились?

Ответ: Этого человека я не знаю. Человек, с которым 10 августа мне была устроена очная ставка в комнате для допросов, мне не знаком.

Ханке заявляет: «Я продолжаю, как и прежде, утверждать, что этого человека я не знаю и что с ним никогда не встречался».

Подписать протокол Ханке отказался».

Как свидетельствуют эти документы, гестаповцы не достигли желаемой цели. Тогда они изобрели особенно дьявольскую пытку.

Сначала они грозили отвезти меня в лес и там застрелить. Когда эта угроза не подействовала, они обвязали мои запястья стальной цепью, которую они обычно при-

меняют, когда приводят заключенного, и стали закручивать цепь палкой. С костей у меня начало сползать мясо, шрамы видны еще и сегодня. Мне казалось, что вот-вот треснут кости. Я потерял сознание, и меня бросили в небольшую камеру, оставив там под присмотром эсэсовца. Когда я снова пришел в себя, то увидел, что во взгляде этого молодого человека, устремленном на меня, были ужас и сострадание.

На следующее утро меня вытащили из камеры. Снова начались допросы. Тут вошел какой-то человек в форме СС.

— Что это за птица? — спросил он.

— Думаешь, что эта свинья что-нибудь говорит? — со злостью ответил ему один из гестаповцев.

— Ну у нас он расколется, — ответил человек в форме.

Вскоре он привел трех эсэсовцев. Они выволокли меня в коридор и заставили лежа выжиматься на руках, делать приседания, ложиться и вскакивать и делать тому подобные «упражнения» до полного изнеможения. Я знал, что они меня убьют, если поймут, что им все равно не выжать из меня показаний. Я хотел показать этим негодяям, как велика моральная сила коммуниста.

Когда эсэсовец в очередной раз скомандовал: «Присесть!» — я ответил: «Неужели ты, палач, думаешь, что добьешься большего, чем другие?»

Едва я это произнес, как они бросились на меня и принялись бить и топтать. Вскоре я потерял сознание. После того как я пришел в себя, два эсэсовца поволокли меня по лестнице вниз, идти я был не в состоянии. Когда до конца лестницы оставалось несколько ступенек, они меня отпустили. Я попытался удержаться на ногах, но упал на окно и выбил стекло. Это явилось поводом для новых издевательств.

На следующем допросе они меня схватили и перекинули через подоконник.

— Если ты сейчас не ответишь на наши вопросы, — заорал один из эсэсовцев, — полетишь вниз!

Я не реагировал. Тогда они стали выталкивать меня из окна все дальше, пока на подоконнике не остались одни только ноги.

— Что ты скажешь, свинья, если грохнешься на бетон?

Мои веки, сомкнутые от нахлынувшей слабости, приподнялись, взгляд скользнул по противоположной стене, по карнизу окна, во двор. «Если они бросят меня — тогда конец», — подумал я.

Еще много недель после окончания пыток тело мое нестерпимо болело, даже когда я лежал. Кровоподтеки стали сначала черными, потом зелеными и, наконец, синими. Прошло четыре месяца, прежде чем кожа приняла нормальный цвет.

Вырванный из напряженной, активной жизни, я переносил пребывание в камере почти так же мучительно, как и пытки. Меня преследовала мысль: как там, на воле? Кого арестовали? Кто уцелел? К тому же в камере не было ничего, что могло бы отвлечь мои мысли от предстоящих допросов. Когда на пятый день меня снова повели на допрос, я спросил двух пришедших за мной гестаповцев, нет ли у них чего-нибудь почитать. Взгляд их выразил замешательство, и один из них сказал: «Ну и заботы же у тебя, парень!»

Чтобы хоть чем-нибудь заняться, я стал съедать из своей дневной порции хлеба только несколько маленьких кусочков, остальное же скатывал в шар и, преодолевая боль, которую причиняло мне каждое движение, лепил человеческую голову. При этом моя жестяная миска, до половины наполненная чем-то похожим на кофе, служила зеркалом. Вытянутые из матраца соломинки стали инструментом при моделировании черт лица. Этим я занимался дня три. На четвертый неожиданно пришедшие за мной гестаповцы обнаружили мое творение и захватили его с собой.

На девятый или десятый день меня, как обычно, утром повели на допрос. Сроки всех назначенных мною встреч к этому времени уже истекли. Мои товарищи, следовательно, были предупреждены. Из задаваемых мне вопросов я мог заключить, что гестаповцам известно, а что нет. Кроме того, я заметил, что они, очевидно, занялись чем-то иным и стараются закончить наконец мое дело.

По вине Винанда Каша кроме него самого, меня и Вильгельма Кнаппа были арестованы Карл Попаль и руководитель участка Рудольф Бергтель. За исключением Винанда, все товарищи держались стойко, не выдав гестапо никого из нашей организации.

Товарищи Попаль и Бергтель на допросе не признались, что знают меня. А когда и я сказал, что никогда их не видел, то мне, видимо, поверили. Вильгельма Кнаппа мне представили в качестве руководителя «имперской техники». Если бы это подтвердилось, ему был бы вынесен смертный приговор. Поэтому я «превратил» его в «человека из «имперской техники». Так как собственные его показания были мне не известны, я приберег для себя возможность представить его еще и курьером. Винанда, которому, как политическому руководителю, тоже грозил смертный приговор, я попытался выдать за кассира берлинского окружного комитета партии. Я утверждал, что на наших встречах он только давал отчет за материал, распространяемый техническим аппаратом. Поскольку Винанд рассказал обо мне все, мне пришлось признаться в том, что я — «берлинский техник».

В заключительном протоколе гестапо следующим образом оценило мое поведение: «В то время как Ханке в течение многих дней отказывался от каких-либо показаний, впоследствии, после предъявления ему неопровержимых доказательств, он все же вынужден был признать свою нелегальную деятельность, поскольку это касалось его собственной личности. Несмотря на свою молодость, Ханке проявил себя упрямым и закоснелым типом, не заслуживающим снисхождения. В обстоятельствах его дела также имеются признаки подготовки к государственной измене по всем пунктам».

Благодаря нашей стойкости технический аппарат Берлина и «имперской техники» остался цел и продолжал функционировать.

Через несколько лет руководитель курьерской службы Фриц Кранц рассказал мне, что он продолжил мою работу. И поскольку из-за арестов берлинский окружной комитет прекратил свое существование, он через курьеров секторов установил связь с инструкторами секторов.

В сентябре 1935 года гестапо удалось проникнуть в «Райхсферзандаппарат» — организацию по распространению подпольной литературы на всей территории страны. Пострадал и технический аппарат Берлина. Явки секторов K5, M6, S7 провалились, а курьеры секторов K5 и M6 были арестованы. Курьер сектора S7 избежал ареста, так как незадолго до проведенной гестапо операции сменил явку.

С помощью инструктора сектора Фриц сумел подыскать вместо арестованных курьеров секторов К5 и М6 новых товарищей. Распространение материалов прервалось лишь на короткое время.

18 ноября 1935 года были арестованы Фриц и инструктор сектора М6 Альфред Перль. Так как оба они держались правильно, Фрица вскоре освободили. Альфреда же приговорили к десяти годам каторжной тюрьмы.

Теперь Фрицу угрожала большая опасность, поэтому ему пришлось прервать все свои связи. Несколько месяцев спустя он вступил в контакт с подрайоном Фридрихсхайн и был назначен областным курьером. Впоследствии он был арестован и приговорен к четырем с половиной годам каторжной тюрьмы. Когда в 1937 году его перевели в тюрьму Луккау, мы с ним там встретились.

МОАБИТ

На одиннадцатый день после ареста меня перевели в следственную тюрьму Моабит. Я попал в общую камеру. Одним из заключенных, сидевших вместе со мной, был главарь банды взломщиков. Интересно, что его отец служил в полиции. На счету у банды было свыше ста квартирных краж, а число ее членов вместе с укрывателями краденого составляло около ста двадцати человек. От этого главаря я получил первый урок тюремной науки: «Перво-наперво — спокойствие!»

Сам он, однако, совершенно не придерживался этого принципа. Его настроение резко менялось — бурная радость перемежалась с глубокой депрессией. Он страшно томился в заключении и умер через три года.

Пройдя гестапо, я чувствовал себя в новом окружении по-настоящему хорошо и спокойно. Мое тело, правда, еще болело, но физические пытки остались позади.

Примерно через три недели меня перевели в одиночную камеру. Я получил «свободный час» и отдельное время для мытья, а на двери моей камеры появилась табличка: «Выводить только с разрешения главного надзирателя».

Обычно это делалось, когда заключенного ожидал смертный приговор. Вероятно, следователь, ведущий мое дело, еще раз изучил все бумаги, а затем отдал соответ-

ствующее распоряжение. Значит, вполне возможен смертный приговор.

В декабре 1935 года был совершенно неожиданно «помилowan» член Центрального Комитета КПП товарищ Кайзер, стоявший во главе забастовки берлинских транспортников и приговоренный фашистами к смертной казни. Позже он был отправлен в концлагерь Бухенвальд и умер там от тифа.

Анализируя этот факт, я пришел к выводу, что фашисты временно приостановили ужесточение своих карательных мер и, следовательно, у меня и других арестованных товарищей есть надежда, что нас приговорят лишь к тюремному заключению.

После того как меня изолировали, надзиратель нашего отделения, относившийся к заключенным всегда корректно и вежливо, предложил мне работу. Хотя подследственный и не обязан был соглашаться, я с удовольствием принял предложение. Я должен был нарезать бумагу для туалета и готовить кирпичный порошок. У каждого заключенного была миска из белой жести, служившая для умывания, и примерно один раз в две недели все обитатели тюрьмы получали несколько столовых ложек кирпичного порошка для чистки мисок. До сих пор это было обязанностью моего бывшего товарища по камере, главаря банды грабителей. Сейчас же я оказался в одиночке, а его тем временем перевели в тюрьму Луккау.

«Технология» производства кирпичного порошка была следующей. Мне приносили старую миску, несколько обожженных кирпичей, а также довольно свежие газеты и журналы. Я клал один кирпич в миску и ставил ее на откидной столик. Держа другой кирпич в руках, я медленно тер их друг о друга. При этом, правда, поднималось много пыли, однако физические усилия доставляли мне большую радость.

Прежде чем резать бумагу для туалета, я прочитывал газеты, журналы и таким образом получал представление, о чем пишет фашистская пресса.

Меня особенно заинтересовало сообщение о нападении фашистской Италии на Эфиопию 3 октября 1935 года. Хотя статьи были, конечно, написаны с позиций фашистского режима, они давали мне возможность сделать собственные выводы об истинных причинах и следствиях агрессии фашистской Италии.

Вторжение в Эфиопию не только не встретило протеста со стороны империалистических держав, но было даже поддержано ими. Оно укрепило силы фашизма и явилось важным шагом в подготовке второй мировой войны. Лишь одно государство решительно выступило против фашистской агрессии. Это был Советский Союз.

Как-то раз я, как всегда, просматривал собранные мною газетные заметки. Вдруг дверь в камеру открылась.

Передо мной стоял среднего роста мужчина лет сорока в темном костюме.

— Добрый день! Я тюремный священник. Могу я быть вам чем-нибудь полезен?

— Ничем! Я атеист и не нуждаюсь в духовном утешении.

Кивком головы он показал на дверь с прикрепленной на ней табличкой, говорящей о том, что обитатель этой камеры содержится в строгой изоляции.

— Вы, конечно, понимаете, в каком положении находитесь? Каково же все-таки ваше душевное состояние? Неужели вы совсем не раскаиваетесь в своих поступках?

По последнему вопросу я понял, что священник был сторонником фашистского режима.

— Что касается моего душевного состояния, то оно могло быть и лучше. Положение, в котором я сейчас нахожусь, и будущее, конечно, не воодушевляют. А раскаяние? Почему я должен испытывать раскаяние? Ведь это фашисты отменили основные буржуазно-демократические права и бросили в тюрьмы десятки тысяч инакомыслящих! Вся их политика направлена на развязывание новой мировой войны. Я выступил против этой преступной системы, и мне не в чем себя упрекнуть!

Священник изумленно смотрел на меня. Видимо, мой ответ смутил его. Вероятно, его собственным религиозным убеждениям уже приходилось вступать в конфликт с фашистской практикой. Наконец он сказал:

— Дай бог, чтобы вы оказались неправы.

Затем он быстро простился и вышел из камеры.

Узникам Моабита в среднем один раз в пять недель подстригали волосы. Так как меня держали в изоляции, парикмахер обычно приходил ко мне в камеру в сопровождении дежурного надзирателя. Но однажды меня, как и всех, вывели из камеры. Я услышал звук отодвигаемого

засова, затем в замке два раза повернулся ключ, и резкий голос приказал:

— Выходить с табуреткой! Стрижка волос!

Я сделал шаг и оказался в проходе, разделявшем два ряда дверей, ведущих в камеры. Сопровождавший меня надзиратель, плотный, коренастый, лет сорока, сразу же начал цепляться ко мне. Продолжалось это и во время стрижки.

— Давай шевелись, а то я тебе покажу!

Такие интонации были мне не в новинку и не производили особого впечатления.

— За что вы сидите?

— Политический.

— Политический? Вы подлый преступник! Коммунистическая свинья! Предатель отечества! Вот уж отрубят вам башку!

Ему показалось, что стрижка длится слишком долго, он набросился на парикмахера:

— Поторапливайтесь! Для него все это уже ничего не значит! Палач его подстрижет как следует!

Я не удостоил его ни ответом, ни взглядом. Но себя я спросил: действительно ли этот человек так ненавидит коммунистов или же специально заводит себя?

Однако времени, чтобы ответить на этот вопрос, у меня не было. Парикмахер уже закончил. Подчеркнуто медленно я поднялся, взял в руки табуретку и направился мимо надзирателя к своей камере.

— Быстрей! Быстрей! — заорал он. Затем выхватил из ножен штык и хотел броситься на меня.

Я мгновенно обернулся, чуть наклонился вперед и поднял табурет над головой.

Этого надзиратель не ожидал. Вероятно, он просто хотел испугать меня, поставить в смешное и унижительное положение. Он надеялся, что я побегу прятаться в свою камеру.

Во мне все кипело.

— А ну иди сюда со своей железкой! Попробуй-ка, ты, падаль! — закричал я в бешенстве.

Он не двинулся с места. В его глазах отразился страх.

Но тут я взял себя в руки. Я не имел права поддаваться на провокацию. Нападение на тюремный персонал каралось смертью. Поэтому, не спуская глаз с вахмистра, я медленно прошел несколько оставшихся шагов до сво-

ей камеры. Больше не было сказано ни слова. Он задвинул засов и запер дверь. Докладную начальству он не подал.

На следующий день один из заключенных, уголовник, работавший на кухне, тайком сунул мне большой кусок хлеба и в дальнейшем старался по возможности как-то улучшить мой рацион.

Через некоторое время я был доставлен на допрос к следователю Борку. Это был старый опытный юрист, перешедший на сторону фашистов. Зачастую мне с трудом удавалось понять скрытый смысл и коварство его вопросов.

Так как фашистам было известно о моей деятельности в берлинской организации в качестве руководителя по техническим вопросам, я должен был считаться с возможностью очных ставок с ранее арестованными товарищами, а также с их показаниями. Чтобы максимально сузить круг товарищей и сократить количество допросов и очных ставок, я не упоминал о своей работе в организациях подокругов Панков и Нордринг, а также о своей деятельности в качестве районного инструктора. Я заявил, что, прежде чем стать руководителем по техническим вопросам, работал в организации подрайона Гезундбруннен, но по причине плохого состояния здоровья вынужден был то и дело прерывать свою деятельность. Таким образом, я дезориентировал Борка, а моя фотография, которую он, несомненно, показывал товарищам из Гезундбруннена, конечно, не помогла следствию продвинуться ни на шаг. Кроме того, я заявил, что приступил к работе в качестве руководителя по техническим вопросам в мае 1935 года.

С тревогой я ожидал очной ставки с Паулем Гржешиком, руководителем по организационным вопросам, арестованным в июле 1935 года. Однако ждать мне пришлось долго. Лишь спустя три-четыре месяца после моего перевода в Моабит Борк выложил передо мной фотографию Пауля.

— Вы же ничего не рассказали мне об одном из очень хороших ваших знакомых, — с иронией заметил он. — Вы ведь знаете политического руководителя берлинской организации?

Прибегнув к этой уловке, Борк рассчитывал спровоцировать меня. Назвав Пауля Гржешика политическим

руководителем, он хотел сыграть на моем страхе за его судьбу и ждал, что я скажу: «Нет, он был руководителем по организационным вопросам!»

И эта фраза уже готова была сорваться с моих губ, но в последний момент я взял себя в руки и ответил: — Этот человек мне не знаком!

Пауль поступил так же.

Арестовывая Гржешика, гестапо не знало, какие обязанности он выполнял. Чтобы выяснить это, фашистам потребовались месяцы.

Попытка Борка психологически сломить меня еще до начала допроса заключалась в том, что по утрам меня из камеры переводили в крошечную конуру, обтянутую жестью. Ее размеры составляли 80 на 80 сантиметров, а внутри не было ничего, кроме доски для сидения. В этой конуре я должен был оставаться в большинстве случаев по 14, а то и по 15 часов.

Уже с самого начала мне стал ясен смысл этого издевательства. Поэтому, сидя в жестяной конуре, я старался не думать о своем аресте и связях с партией, усилием воли заставлял себя думать о другом или просто спать.

Во время первого допроса Борк постоянно старался исказить мои ответы (в том случае, конечно, если я вообще что-нибудь отвечал), чтобы при чтении протокола они могли быть обращены против меня. Поэтому мне все время приходилось опровергать его формулировки и настаивать на своих.

И тогда я решил проучить его. При следующем допросе, продолжавшемся около часа, я позволил записывать все, что ему вздумается. Когда же Борк положил передо мной протокол, я сказал:

— Этот протокол я не подпишу.

С таким поведением подследственного Борк столкнулся, видимо, впервые. Он неистовствовал, как безумный.

— Я вам говорю, вы за все получите сполна! Я внесу в протокол особое примечание! Вам известно, кто сидел на стуле, на котором вы сейчас сидите?

Увидев, что я пожал плечами, он заорал:

— Фите Шульд!

Фите Шульд был приговорен 18 марта 1935 года к смерти и гильотинирован 6 июня.

Огромные трудности я создал Борку, утверждая, что

никогда не пользовался подпольными кличками и никогда не спрашивал их у товарищей, с которыми вместе работал. На его замечание, что такие клички обычное явление в подпольной работе, я ответил:

— Это верно. Но я считаю, что они дают полиции лишние отправные данные, поэтому я ими никогда не пользовался.

Борку ничего не оставалось, как заменять в материалах следствия подпольные клички на детальные описания внешности, что чрезвычайно затрудняло установление личности и опознание.

Раздраженный моим поведением на допросах, Борк однажды вписал в протокол:

«Примечание следователя.

Во время предварительного допроса обвиняемый Хапке, отказываясь назвать подпольные клички, умышленно стремился воспрепятствовать дальнейшему выяснению обстоятельств дела. Вследствие этого он постоянно утверждал, что ему известна лишь внешность работавших с ним и что он никогда не слышал их подпольных кличек».

Мстя мне, Борк постоянно ухудшал условия, в которых я находился. До начала судебного процесса он запретил мне свидания, а объем моей переписки с родителями был сокращен с четырех до двух страниц.

Когда Борк на допросах раскладывал передо мной фотографии знакомых товарищей, я обычно отвечал:

— Насколько припоминаю, я никогда не видел этого человека.

Он от ярости скрипел зубами, а однажды заорал:

— Вы хорошо изучили, что написал ваш профессор Халле!

Юрист профессор Халле был коммунистом. Во времена Веймарской республики он выпустил книгу «Как рабочий должен вести себя перед судом». Борк сделал правильный вывод, книгу я, конечно, читал.

Когда меня однажды ввели в кабинет следователя, я с удивлением заметил на полу гору чемоданов. Проследив мой взгляд, Борк бросил:

— Одна из конкурирующих фирм.

Ему в голову, видимо, пришла какая-то идея. На другой день, после того как я вновь отсидел несколько часов в «клетке», меня вызвали на допрос и устроили очную ставку с одним из товарищей, которые организовывали

нелегальную доставку чемоданов из Праги в Берлин. Мне сразу стало ясно, что психологически он полностью сломлен. Когда его увели, Борк спросил меня:

— Ну, знаете вы этого человека?

— Я не могу вспомнить, видел ли его когда-нибудь, — ответил я.

— Но зато он знает вас! Вы ведь всегда носили коричневый пыльник!

— У меня никогда не было пыльника.

— Вот вы какой, — прошипел он со сдержанным бешенством.

Вернувшись в камеру, я погрузился в размышления: кто еще мог быть арестован из этого аппарата? Ведь мне следовало помнить о возможности очных ставок и с друзьями товарищами.

На следующий день меня снова вызвали на допрос. В кабинете был полумрак. Сильная лампа ярко освещала одну часть кабинета. Рядом с Борком у письменного стола сидели двое заключенных — один из них, очевидно, сообщал какие-то сведения обо мне, другой был повернут ко мне спиной. Я мгновенно оценил обстановку и сразу же сориентировался. Вопреки моим прежним привычкам я громко поздоровался, надеясь, что заключенный, сидевший ко мне спиной, узнает мой голос и сумеет подготовиться к очной ставке.

Я вышел на середину комнаты, и неожиданно мне в лицо ударил луч света. Меня повернули в ту сторону, где сидел неизвестный. И я тотчас же узнал в нем руководителя группы. Он был внешне спокоен, хорошо владел собой, и некоторое время мы изучающе смотрели друг на друга.

— Это он? — спросил Борк.

Из вопроса я мог заключить, что обо мне уже шла речь.

Руководитель группы подпер голову рукой и, облокотившись о стол, сделал вид, что ему нужно серьезно подумать. Я еще не знал, что же он скажет, но мое доверие к нему было сразу восстановлено. Мне стало ясно, что он собирается обмануть Борка. И хотя ситуация была очень серьезной, сама мысль об этом привела меня в хорошее настроение.

Следователь вторично спросил:

— Ну так что же?

Товарищ ответил:

— Могу я встать рядом с этим человеком?

Борк разрешил. Товарищ поднялся, посмотрел на меня и заявил:

— Это не он! Тот, кого я имел в виду, гораздо выше.

Руководитель группы был исключительно спокойным и хладнокровным человеком. Он нашел выход, оставлявший для меня открытыми оба пути — признавать связь с группой или отрицать ее.

Впоследствии я узнал, что моя догадка оказалась правильной. Тот заключенный, который находился в кабинете Борка вместе с руководителем группы, действительно рассказал все, что знал обо мне и моих связях с группой. Руководитель после этого решил, что молчание уже не поможет. Но, заметив по моему поведению, что я не дал никаких показаний, сделал искусный ход, «перепутав» двух людей и утверждая, что не знает меня.

Разозленный до крайности, Борк заорал на того, кто признал меня:

— Но вы-то говорили, что знаете его!

Тому стало, видимо, очень стыдно. Понимая, что в сложившейся ситуации его свидетельство имеет огромное значение, он неуверенно пробормотал:

— Я, наверное, ошибся.

Надзиратели буквально выпшвырнули нас из комнаты через разные двери и разогнали по камерам.

Продуманное поведение руководителя группы во время допроса значительно облегчило и его участь: хотя имперский прокурор потребовал девяти лет тюрьмы, его приговорили только к году заключения. Другой арестованный, являвшийся одним из сотрудников группы, получил шесть лет каторжной тюрьмы.

Позже мы встретились с ним в тюрьме Луккау. Он рассказал мне следующее: «Руководителя группы звали Розенвассер. Он был студентом Берлинского университета. Профессора любили его и встали на его защиту. Он полностью отрицал свою вину, признав лишь, что получил в Праге от знакомого студента, имя и фамилия которого ему не были известны, багажные квитанции и передал их некоему лицу в Берлине. Как заявил Розенвассер следователю, он был уверен, что просто оказывает небольшую любезность своему однокашнику».

Уборка камеры, еда, прогулка, гимнастика, учеба и сон — вот мои повседневные занятия во время пребывания под следствием. На прогулке, когда за мной следил лишь один надзиратель, я упражнялся в беге, чтобы поддержать свое физическое состояние. За двадцать минут, которые были в моем распоряжении, я пробегал по меньшей мере два с половиной километра. Кроме того, в камере я два-три раза в день делал по двадцать — тридцать приседаний с табуреткой, держа ее в вытянутых руках.

Большую часть времени я занимался чтением. В Моабите была довольно богатая библиотека, хотя фашисты и убрали оттуда всю прогрессивную литературу. Я выбрал две области знаний — естественные науки и историю — и получал еженедельно по две книги. Кроме того, мне принесли учебник французского языка.

Метод Мертнера был действительно очень хорош и позволял быстро усваивать грамматику и лексику. Правда, устной речью я не имел возможности заниматься. За два месяца я проштудировал пятьсот страниц учебника. Для повторения мне потребовалось четыре недели. При этом выяснилось, что из шести тысяч слов я при первом чтении твердо усвоил пять тысяч. Оставшуюся тысячу я выписал и занялся зубрежкой.

Я был очень рад своим успехам — пять тысяч слов за два месяца! Этим можно было гордиться. Наряду с изучением французского языка я читал много трудов по естественным наукам и истории. Таким образом, даже в условиях Моабита нами изыскивались возможности поддержания своих моральных и физических сил для продолжения борьбы с фашизмом.

УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Через несколько недель после перевода в одиночную камеру я начал серьезно обдумывать возможность побега. Существовавшие в следственной тюрьме порядки не исключали, что мое намерение увенчается успехом. Каждое утро около 7.30 вахмистр отводил меня в тюремный двор на прогулку, которую заключенные называли «медвежьей пляской», так как маршрут был ограничен строго предписанным кругом. Двор для прогулок соединялся с другим, лежащим внутри подковообразного здания, к од-

ной стороне которого примыкала стена шестиметровой высоты. На протяжении 40—50 метров она проходила на одной линии со зданием. Затем, заворачивая под прямым углом, достигала строений, входивших в тюремный комплекс. В этой части тюрьмы, ограниченной стеной, располагалось подсобное хозяйство.

Там, где стена примыкала к зданию тюрьмы, было большое зарешеченное окно, выходящее в служебные помещения. Оно начиналось на высоте около трех с половиной метров над землей. Мне удалось довольно точно рассчитать все размеры. Так как здание имело облицовочную кладку, то достаточно было установить число рядов плиток, высота которых мне, как каменщику, была хорошо известна. В одном месте к стене — это было хорошо видно из окна моей камеры — примыкало несколько сараев во дворе большого жилого дома.

Детально ознакомившись с обстановкой, я разработал следующий план. Так как примерно через пятнадцать минут после начала прогулки надзиратель уходил во двор с двумя заключенными, работавшими на тюремном огороде, то для того, чтобы преодолеть стену, у меня и была как раз эта четверть часа. Конкретный ход операции я представлял себе следующим образом.

Когда надзиратель будет открывать последнюю дверь, ведущую во двор, я встану у него за спиной. Дверь откроется, я крикну «Руки вверх!» и левой рукой приставлю к спине надзирателя ручку своей сапожной щетки. Воспользовавшись его замешательством, вытащу у него из кобуры пистолет и запру ведущую во двор дверь, а ключ оставлю с наружной стороны в замке, чтобы другой надзиратель мог попасть в соседний двор только кружным путем, да и то не сразу.

Следующий шаг — я связываю надзирателя и затыкаю ему рот, чтобы он криком не привлек внимание тюремщиков.

И наконец, мне нужно заставить надзирателя, оружием которого я уже буду располагать, пройти метров тридцать до угла, где я рассчитывал влезть на стену, и поставить его там на колени. Примерно в двадцати пяти метрах от этого места находилась собачья конура, которую я хотел подтащить к окну в стене. Взобравшись на нее, я подпрыгнул бы до решетки.

Вскарабкаться по решетке, подняться на гребень стены, пробежать по ней до сараев, прыгнуть во двор жилого дома вряд ли составило бы для меня трудность. На тот случай, если дверь дома, ведущая со двора, окажется запертой, я рассчитывал забраться в одну из квартир первого этажа, а оттуда выйти на улицу.

Самым рискованным был подъем по решетке — ведь в это время меня могли бы заметить из служебного помещения и запросто пристрелить.

Важнейшей предпосылкой успеха была хорошая физическая подготовка. Поэтому во время прогулки я еще быстрее, чем раньше, бегал по кругу, увеличил объем упражнений в камере, дополнил их прыжками с места. Как связать надзирателя, я несколько раз прорепетировал на ножках табурета.

Хотя я всесторонне продумал свой план и тщательно отработал все его этапы, меня не оставляли сомнения: верно ли мое решение вообще? Меня смущало то, что товарищи по партии не поверят в возможность такого побега и не будут мне доверять.

За время своей нелегальной деятельности я не раз был свидетелем того, в какие ситуации попадали те, кто оставался на свободе при невыясненных обстоятельствах. В качестве такого примера можно привести случай с Эрнстом Зассе, которого я хорошо знал. Однажды на очень оживленной и поэтому неподходящей для таких дел Александерплац был арестован товарищ, с которым он встречался. Эрнсту, сильно хромавшему — одна нога была у него короче, — удалось невероятное. Он сумел уйти из рук гестапо. Но от активной работы он был отстранен.

Если даже товарищ, попавший в подобное положение, и пользовался личным доверием, то в сомнительных случаях всегда решающими были интересы всей организации и ее безопасность. Партия, конечно, не бросала таких людей на произвол судьбы. Они получали возможность эмпирировать, если, конечно, были согласны с этим.

Но жить без партии в эмиграции я не хотел. Жизнь тогда потеряла бы для меня всякий смысл и интерес. Однако все мои сомнения победил в конце концов оптимизм, я верил, что смогу убедить товарищей в правдивости своей истории. Кроме того, грозящий мне смертный приговор был немаловажным фактором, укреплявшим мое решение.

Необходимо было выбрать момент для запланированного побега. Во время прогулки я находился под надзором вахмистра, который хорошо относился ко мне и открыто выражал свои антифашистские настроения.

Однажды он вел меня к следователю. В обязанность надзирателя входил, в частности, и обыск моих карманов перед допросом. Я видел, насколько неприятна была для него эта процедура. Он извинился: «Прошу вас, не обижайтесь, но я вынужден это делать. Я знаю, что существуют и более приличные занятия. Но у меня семья, я двенадцать лет прослужил в рейхсвере и не имею другой специальности».

Я ни в коем случае не хотел своим побегом поставить этого человека в затруднительное положение. Поэтому я выжидал, пока сменятся надзиратели. Тем временем, однако, ситуация изменилась.

Когда я однажды, как обычно, прогуливался по маленькому пятачку в тюремном дворе, вдруг открылась дверь, ведущая в здание. На пороге показался заключенный. Получив сзади хороший пинок, он пролетел несколько метров и свалился у моих ног. Он поднялся, и я узнал его. Это был Фридель Лёвенштайн, который был политическим руководителем в организации подокруга Нордринг.

Любой разговор между заключенными во время прогулки был строжайше запрещен, а при том надзоре, которому мы подвергались, — тем более. И все же мы умудрялись обмениваться несколькими фразами.

Я, конечно, горел желанием узнать, кто еще был арестован в подрайоне Нордринг. На другой день Фриделю удалось, когда надзиратели на нас не смотрели, незаметно сунуть мне записку, которую я тотчас же отправил в рот, чтобы в случае необходимости проглотить ее.

Едва дождавшись возвращения в камеру, я развернул листок. К сожалению, Фридель использовал прозрачную оберточную бумагу, а клички из соображений конспирации нацарапал булавкой. Бумага во рту местами размокла, и мне удалось лишь разобрать, что были арестованы товарищ, ответственный за агитационно-пропагандистскую работу, и Люция из технического аппарата.

Внезапное появление Фриделя было очень кстати. Я надеялся, что он тоже сможет принять участие в побеге и поможет мне осуществить его.

Я решил бежать вместе с Фриделем и в последую-

щие дни пытался во время наших совместных прогулок, несмотря на ограниченные возможности, информировать его об этом. Он понял мой замысел и дал свое согласие.

Но внезапно Фридель исчез. Больше на прогулках его не было.

Как я узнал почти сорок лет спустя от Али Эйзенхендлера, Фридель вел себя на процессе безупречно. Он получил 12 лет каторги и погиб весной 1943 года при уничтожении фашистами евреев.

На второй день после его исчезновения, к моему удивлению, меня начал охранять старший надзиратель блока совместно со своими помощниками. Причина такого внимания была не ясна. Я заметил, что он уже давно как-то странно смотрит, когда открывает двери камеры, чтобы выпустить меня на прогулку. Возможно, он наблюдал через глазок-шпион в двери за моими упражнениями и это вызвало у него подозрения.

С усилением наблюдения во время прогулок попытки вырваться на волю становились нереальными.

ПРОЦЕСС

Примерно через десять месяцев после моего ареста я получил обвинительное заключение. В нем значилось: «Израда родине при отягчающих обстоятельствах». Привожу из него следующую выдержку:

«Ханке Эрих родился 13.1.1911 г. в Берлине. С 1928 г. принимал участие в политической борьбе. Вначале, будучи каменщиком, в профессиональном союзе строительных рабочих, а с 1930 года в едином профсоюзе строителей, который являлся чисто коммунистической организацией. Позже Ханке был политическим руководителем в Петерсхагене.

После прихода к власти националистов исчез из Петерсхагена и проживал нелегально в Берлине.

Находясь на нелегальном положении, он включился в активную коммунистическую деятельность и являлся в последнее время так называемым «берлинским техником». В этом качестве он отвечал за изготовление различной литературы и других антиправительственных пропагандистских и агитационных материалов. Он имел постоянные контакты с действовавшим в рейхе представителем

технического аппарата КПП, от которого он получал указания и данные о том, какие изготавливать материалы. Он организовал, кроме того, транспорт этих материалов и заботился об их распределении и распространении между отдельными организациями.

Он давал подчиненным ему функционерам указания о распределении и дальнейшей пересылке пропагандистских материалов и заботился об их финансировании. Обязанности руководителя технического аппарата являются чрезвычайно важными, поскольку центр тяжести общей пропагандистской деятельности компартии направлен на внедрение антиправительственных документов в массы».

Мне предложили официального защитника. Это был буржуазный демократ, который действительно пытался снизить мне меру наказания. Он сказал, что при известных условиях можно добиться смягчающих вину обстоятельств, сообщив суду, что я находился в безвыходном положении, так как с 1933 года меня разыскивали и у меня не было иного выбора, как работать нелегально, чтобы вообще иметь какие-либо средства к существованию.

Но эта аргументация была мною решительно отвергнута. Я осуществлял нелегальную работу из идейных побуждений. Кроме того, моя политическая деятельность известна. И вряд ли таким образом можно смягчить приговор.

Несмотря на это, защитник все-таки попытался облегчить мое положение. Он собрал обо мне справки из начальной и вечерней школ, на предприятии, где я работал учеником, опросил жителей Петерсхагена. Я всегда хорошо успевал в школе, а вечернюю закончил с отличием. Жители Петерсхагена заявили, что, несмотря на мои открытые коммунистические взгляды и выступления, меня уважали. Характеристики с места работы были также положительными. Профшкола, где я изучал ремесло каменщика, была обычным капиталистическим предприятием. В ней работало и училось около пятисот человек. Однако здесь сохранялись определенные ремесленные традиции. Владелец иногда проявлял заботу об успехах учеников. Он меня ценил и намеревался (не без собственной выгоды) отправить за свой счет изучать архитектуру.

В связи с этим я наряду с освоением своего основного ремесла знакомился со всеми направлениями производ-

ства, и служащие видели во мне будущего руководителя предприятия. Однако, чтобы не попадать в зависимость к предпринимателю, я отказался от финансирования им моей учебы. Я хотел летом поработать каменщиком и тем самым приобрести необходимые средства для продолжения образования.

Такую же цель преследовали 32 лучших учащихся вечерней школы каменщиков. Это были наиболее способные ребята из всего тогдашнего района Берлин — Бранденбург.

Однако мировой экономический кризис разрушил наши надежды. Из 33 способных молодых людей смогли продолжать учебу лишь трое. Остальные стали безработными, число которых в стране с 1928 по 1933 год достигло 6 миллионов человек.

Я не потерял работу и должен был кормить семью, так как мой отец в течение ряда лет оставался безработным.

Благоприятные отзывы и характеристики мой адвокат пытался использовать для моего освобождения.

В мае 1936 года начался процесс. При установлении моей личности и места жительства между мною и судьей произошло столкновение. Я отказался отвечать на вопрос о месте жительства, сославшись на то, что проживал нелегально. Судья взбеленился:

— Плохо начинаете! Вы отягчаете свое положение в еще большей степени!

Я понимал, что на этом фашистском судилище должен продемонстрировать свою волю коммуниста, и отвечал, избегая произносить официальный титул «господин судья»:

— Не думайте, что вы, используя свое положение, можете оказывать на меня давление. Вам должно быть известно, что я прошел через руки гестапо, а там располагали другими средствами, нежели вы.

Прокурор вскочил со своего кресла и закричал:

— Я требую немедленного прекращения открытого заседания!

Его требование было немедленно выполнено. Несомненно, удаление публики было предусмотрено, поскольку фашисты боялись коммунистов даже на суде. Просто я ускорил это своим выступлением.

Присутствовавшие на суде, в числе которых находились мои родители, должны были покинуть зал заседания. Я знал, что процесс тяжело потряс мою больную диабетом и почти слепую мать, искавшую меня взором среди подсудимых. Ее образ и сейчас стоит перед моими глазами. Но даже это не могло сдержать меня.

Странно, но моя речь не произвела на членов судебной палаты отрицательного впечатления. Очевидно, сыграли свою роль представленные защитником материалы.

В процессе разбирательства мне задали вопрос:

— Почему именно вы, имевший такие большие возможности личного роста, стали коммунистом?

Возникла своеобразная дискуссия, в процессе которой я доказывал, что снижение жизненного уровня трудящихся, которое приносит империализм не только для рабочих, но и для всего общества, можно устранить лишь путем построения социализма.

По отношению к моим товарищам по процессу судьи были также требовательны и придирчивы. Они знали, что и здесь они имеют дело с убежденными коммунистами. Винанд Каш вел себя на суде сдержанно. Если Карла Попаля, Вильгельма Кнаппа, Рудольфа Бергтеля и меня в обвинительном заключении называли убежденными, энергичными, добивающимися достижения своей цели коммунистами, Кашу предъявлялись более умеренные обвинения. В целях объективности я должен заметить, что его поведение на каторге было безупречным. Относительно меня суд отметил, что, несмотря на молодость, я уже стал особо опасным врагом фашизма, поскольку являлся активистом.

В результате нас всех приговорили к каторжным работам с проживанием по отбытии срока наказания под надзором полиции.

Смертных приговоров не было, и мы все облегченно вздохнули.

Привожу выдержки из приговора:

«I. За подготовку мероприятий, связанных с государственной изменой при отягчающих вину обстоятельствах, приговариваются:

1. Обвиняемый Попаль к каторжным работам сроком на 15 лет.

2. Обвиняемый Бергтель к каторжным работам сроком на 8 лет.

3. Обвиняемый Ханке к каторжным работам сроком на 10 лет.

4. Обвиняемый Кнапп к каторжным работам сроком на 12 лет.

5. Обвиняемый Каш к каторжным работам сроком на 11 лет.

II. В срок отбытия наказания засчитать время предварительного заключения: обвиняемым Бергтелю, Кнаппу и Кашу по 9 месяцев, обвиняемым Попалю и Ханке по 8 месяцев.

III. Поражаются в гражданских правах: обвиняемые Попаль, Ханке, Кнапп сроком на 10 лет каждый.

Обвиняемый Бергтель сроком на 8 лет.

IV. Обвиняемые Попаль, Бергтель, Ханке, Кнапп и Каш могут быть поставлены под полицейский надзор.

V. Отобранные печатные документы, листовки, чемодан, портфель конфискуются. Установленная стоимость печатных материалов — 1 марка, чемодана и портфеля — 10 марок...

VII. Поскольку приговор вступает в силу, судебные издержки несут приговоренные.

В соответствии с законом подлинность копии свидетельства и правомерность его исполнения подтверждает советник...

Берлин, 11 мая 1936 г.».

Эта «мягкая» политика продолжалась весьма недолго. В июле 1936 года были арестованы руководители партийной организации К5, которые отвечали за работу в одном из районов Берлина. Они были приговорены к смертной казни. Приговор в отношении товарища Ленца был заменен пожизненным заключением, а Вахтелю 15 годами каторги.

ГОРОДСКАЯ ТЮРЬМА БЕРЛИН-ШАРЛОТТЕНБУРГ

После процесса я с большой группой других политзаключенных был переведен в городскую тюрьму Берлин-Шарлоттенбург. Меня поместили в одной камере с Цони Берендтом, приговоренным к восьми годам заключения. Это был прекрасный человек, интеллигентный и политически развитый товарищ. Мы с ним отлично понимали друг друга.

С ним я начал изучение английского языка. Мы достали в библиотеке учебник «1000 слов на английском языке» и в течение 14 дней проштудировали его.

Предстоящее длительное заключение не сломило нашу волю. Мы знали, что «тысячелетняя империя» недолговечна. Ни один из числа приговоренных к длительному сроку заключения не верил, что он отбудет его до конца. Все товарищи были рады, что вырвались из рук гестапо, пережили процесс, и чувствовали себя относительно спокойно. Работа, которую заключенным надлежало выполнять, не была обременительной. Они должны были оплетать бутылки ивовыми прутьями. Политические бойкотировали ее, и администрация смотрела на это сквозь пальцы.

В тюрьме Берлин-Шарлоттенбург было также отделение для женщин. Когда мы через несколько дней после нашего прибытия посмотрели в окно, то заметили на противоположной стороне двора на третьем этаже две женские головки.

В наших окнах были обычные стекла, а стекла окон в женских камерах были матовыми и не давали возможности видеть, что делается на противоположной стороне. Но так как мы находились на втором этаже, а женское отделение на третьем, мы могли видеть девушек снизу в щели приоткрытых окон.

Нам хотелось установить с ними связь, и мы начали переговариваться с помощью азбуки, в которой буквы составляли пальцами. Эти «буквы» мы приставляли к стеклу окна. Если нас понимали правильно, женщины кивали головой. Обратная связь осуществлялась аналогичным образом.

Такая «почта» требовала массу времени, но она доставляла нам много радости. Находящиеся напротив нас женщины были осуждены на короткие сроки: от трех до шести месяцев.

Опасность раскрытия наших контактов была очень велика. На первом этаже противоположной стороны здания располагалась тюремная администрация. Стоило какому-либо чиновнику выглянуть в окно, как он сразу бы увидел наши сигналы, и это стоило бы нам двухнедельного карцера на хлебе и воде. Однако мы получали от этих переговоров столько радости, что пренебрегали риском.

Со временем мы приобрели известный опыт и попытались наши методы связи усовершенствовать и свести риск к минимуму. В тот же день вечером мне в голову пришла мысль использовать для наших переговоров имеющуюся в камере инструкцию с правилами поведения заключенных. Уже на следующее утро, вырезав из газетной бумаги буквы ножницами, которые положены были нам для работы по изготовлению корзин, мы составили нужный текст, прикрепили его к черной обложке «тюремных правил» и прислонили свое «письмо» к стеклу. Девушки хорошо различали составленные таким образом слова из белых букв на черном фоне.

Этот метод ускорял связь и значительно уменьшал опасность раскрытия, поскольку обложку инструкции с нашим текстом мы могли так держать, что ее из окон служебных зданий не было видно.

Однажды Отто Палаписе, осужденный по одному процессу с Цони, на прогулке спросил нас:

— Вы не заметили, что в одной из камер ребята переговариваются с девушками, находящимися напротив?

Отто, да, мне кажется, и все заключенные часами наблюдали за нашими переговорами. Решив подшутить над ними, мы сделали вид, что ничего не знаем. На другой день Отто спросил нас об этом опять. Мы с серьезным видом ответили, что должны изучать английский язык и на посторонние дела у нас нет времени.

В конце концов девушки захотели узнать наши имена. Мы «телефонировали» ответ. Чтобы подтвердить правильность приема, они сообщили нам свои и повторили наши.

Отто, конечно, прочитал наши имена. На очередной прогулке он шутя сказал: «И это мои товарищи!»

Эта невинная игра через несколько недель закончилась, так как девушек перевели в другие блоки.

В тюрьме Шарлоттенбург я видел в последний раз свою мать. Она была серьезно больна и угнетена моим приговором. Мне так и не удалось во время нашего короткого свидания, несмотря на все мои старания, казаться оптимистом, вернуть ей прежнюю любовь к жизни. Меня удивляла, однако, ее правильная реакция на свершившееся. Она была значительно лучшей, чем у отца, сопровождавшего ее.

Карл Попаль, находившийся с нами в Шарлоттенбурге, узнав о моем свидании с родителями, просил передать через них на свободу о том, что в организации находится предатель, который наносит партии существенный ущерб. Несмотря на большую опасность, сделать это было необходимо, чтобы избежать еще больших потерь.

Во время встречи с родителями я не имел права ни поцеловать их, ни подать им руки. Как же мне было передать маленькую записку, которую я держал в левой руке — между указательным и средним пальцами? Родителей посадили за столом напротив меня, а рядом с ними пристроился надзиратель. Во время беседы я взглядом дал понять матери, что в моей левой руке имеется записка. К счастью, во время нашего разговора другой надзиратель открыл дверь, наш чиновник приподнялся и посмотрел в его сторону. Этот момент я использовал, чтобы передать записку.

Поскольку мои родители были связаны с Марией, записка попала по назначению, и провокатор был обезврежен.

В ЛУККАУ

После шестинедельного пребывания в тюрьме Берлин-Шарлоттенбург большая группа наших товарищей, в том числе и я, была переведена в каторжную тюрьму Луккау.

К моей радости, я был помещен в одну камеру с Томасом Чехом и еще одним коммунистом, имя которого выпало у меня из памяти. Томас был руководителем парт-организации в подрайоне Нордринг. В декабре 1934 года он был арестован и, насколько мне помнится, приговорен к пяти годам каторги. И вот мы увиделись вновь.

И он и другой заключенный были хорошими товарищами, волевыми людьми с большим самообладанием. Эти качества имеют особое значение в условиях, когда три человека заключены на долгие годы в камере площадью 2×4 метра, где втиснуты три койки, столик, три табуретки, шкафчик и параша.

Особенно мы страдали зимой, когда возможность проветрить помещение практически была исключена. Надзиратели, ответственные за отопление, во время войны в целях экономии топлива запрещали открывать форточки.

Каждый день мы должны были решать: холод и чи-

стый воздух или несколько больше тепла, но непереносимая вонь. Это обстоятельство наряду с голодом и изоляцией от мира являлось бременем для заключенных.

Уголовники в тюрьме часто в таких условиях превращали свою жизнь в ад.

Поздоровавшись со своими новыми товарищами, я словом не обмолвился, что был знаком с Томасом ранее и работал вместе. При первом осмотре камеры можно было заметить, что ее стены, ранее выкрашенные известью в белый цвет, испачканы какими-то пятнами. Томас заметил мой удивленный взгляд.

— Не удивляйся. У нас клопы. Вернее, мы у клопов. Их сотни, и они нападают на нас по ночам. Мы несколько дней в этой камере. Раньше ее занимали уголовники, а им не оставалось ничего иного, как давить клопов.

Ночью я узнал, что это такое. На следующее утро все мое тело было в укусах.

В субботу после работы камеры основательно убрались. Мы использовали эту возможность для борьбы с насекомыми. Каждый матрац и все железные детали тщательно осматривали.

Уборка приносила нам известное облегчение, но полностью очистить камеру от клопов никогда не удавалось.

Прогулки, включая пять минут ходьбы до двора и столько же обратно, продолжались в среднем тридцать минут. Мы ждали их с нетерпением, но в ненастную погоду они обычно отменялись.

Радость движения на свежем воздухе омрачалась тюремными порядками и издевательствами над заключенными. Запрещалось разговаривать. Каждый контакт с соседом наказывался по первому разу трехсуточным ночным карцером, каждое последующее нарушение правил прогулок — все усиливающимися мерами наказания в 3, 6, 14 дней круглосуточного заключения в карцер, лишением горячей пищи. Заключенные, кроме больных и не имеющих возможности ходить вместе со всеми, должны были двигаться по большому кругу в трех шагах друг от друга. Отдельно по малому кругу двигались арестанты, не имевшие возможности идти вместе со всеми. Надзиратели тщательно следили за выполнением заключенными правил прогулок.

Несмотря на это, нам удавалось обмениваться новостями, а иногда и потихоньку переговариваться.

Через несколько недель после моего перевода в Лукау я получил известие о смерти матери. Это был для меня тяжелый удар. Я ее очень любил. Она была необыкновенно добрая женщина и самоотверженная мать.

Мой арест сломил в ней последние внутренние силы. Ее надежды и воля к жизни погасли.

Незадолго до своей смерти она написала мне несколько строк в блокноте. Отец передал их мне почти через девять лет. Он, вероятно, хотел тогда оградить меня от потрясения.

«Мой глубоко любимый сыночек! — писала мать. — Поскольку я еще в силах и могу видеть, я хочу тебе написать. То, что мне очень плохо, ты, наверно, слышал от папы. Если я умру, не грусти. Сохрани меня так же в своем сердце, как я тебя люблю и до последнего вздоха любила. Мой милый сын, не забывай своего отца. Он также очень скорбит о твоей судьбе. Я не могу больше писать. Если сможешь, приди на мою могилу, навещай меня. Записку папа сможет тебе переслать. Сердце мое, мой милый! Всего хорошего тебе в твоей дальнейшей жизни. Я передаю тебе всю свою любовь на весь твой путь.

Твоя глубоко любящая тебя мамочка».

Смерть матери через год после моего ареста и разлука с Марией тяжело действовали на меня. Потребность по крайней мере видеть ее и говорить с ней была сильной.

О Марии, которая после участия в VII Всемирном конгрессе вновь проживала в Берлине, я узнал только из письма моих родителей. И чтобы обмануть тюремную цензуру, которая читала корреспонденцию заключенных, они писали от имени моей сестры.

Так я узнавал по меньшей мере главное о ее жизни и положении в партии. Если речь шла о партийной работе, мы применяли кодовые слова «семья» или «бабушка». Таким образом я получал известия о товарищах.

Велико было мое удивление, когда на первое после вынесения приговора свидание пришел не только отец, но и Мария. Я в то время находился еще в Моабите. Свидание было разрешено отцу и сестре, но вместо сестры пришла она.

Отвага Марии была так же велика, как и ее любовь. Время ее эмиграции было точно определено, и она хотела во что бы то ни стало встретиться со мной еще раз.

Когда я увидел ее, чувства счастья, радости, сознание того, что мы надолго расстанемся, опасности, которая грозила Марии, настолько завладели мною, что я чуть не бросился к ней в объятия.

Мария к этому моменту подготовилась лучше, чем я. И хотя была не менее взволнована, внешне вела себя спокойно и уверенно. Она улыбнулась мне, и лишь взгляд выдавал ее внутреннее состояние.

Надзиратель разрешил даже поздороваться. Ее губы коснулись только моего носа.

Чиновник не был чрезмерно бдительным. Он не сел рядом с нами, как это ему предписывалось. Он ходил по помещению и переговаривался с другими надзирателями, которые заходили в комнату свиданий и спрашивали его о чем-то. Так нам перепало несколько минут для беседы наедине.

— Некоторые мои знакомые заболели. Поездка в Чехословакию состоится в ближайшее время, — сказала Мария, схватив мою руку. Надзиратель вновь отвлекся и даже отошел со своим собеседником к двери. — В течение нескольких лет мы не увидимся, но я люблю тебя, и ты можешь быть уверен, что никто, кроме тебя, мне не нужен, — торопливо продолжала она.

Мария, несомненно, основательно все обдумала.

Могу ли я принять эту жертву? Есть ли в ней смысл? Ее личная свобода и даже жизнь могут измеряться весьма короткими сроками. Возможность выжить и для меня невелика.

Мои чувства противились этой мысли, но разум победил. Я сказал ей:

— Ты прекрасная, достойная любви женщина. Несомненно, ты встретишь в жизни еще много хороших людей. Было бы неправильно с моей стороны принять твое обещание. Если мы через годы вновь встретимся и твоя любовь ко мне будет так же сильна, как сегодня, то все прочее не будет иметь значения.

Она не возражала, но я видел, что мои слова вызывают у нее протест.

Через несколько недель после этой встречи Мария эмигрировала в Чехословакию. Но и оттуда она находила возможность поддерживать со мной связь через моего отца. Он передавал ей на конспиративный адрес содержание получаемых от меня писем. По тому же адресу Ма-

рия писала ему, а он под видом сообщений о здоровье сестры информировал меня во время своих посещений Луккау, куда к заключенным допускали раз в шесть недель. Открытки и письма я получал и непосредственно от нее в адрес каторжной тюрьмы Луккау.

Мария несколько раз переходила нелегально из Чехословакии в фашистскую Германию и опускала письма и открытки в почтовый ящик где-либо в Пирне. Эту корреспонденцию я также получал. 2 июня 1937 года она писала:

«Мой милый братец!

Две мои открытки с приветами ты, наверно, получил. Письмо, посланное тобою в марте, доставило мне много радости. После долгого перерыва это было первое письмо от тебя. Я очень горжусь тем, что ты так прилежно читаешь. Ты прямо станешь профессором, если так пойдешь дальше. В «1000 слов по-английски» я с тобой соревнуюсь, так как в настоящее время упорно изучаю английский язык. Здоровье у меня превосходное. Выгляжу я прекрасно. У бабушки все в порядке. Ее дети веселы и бодры. У них для этого есть все основания, поскольку при таких благоприятных условиях можно хорошо жить. Некоторых из них, вероятно, призовут на военную службу, поскольку они уже достигли призывного возраста. Я хочу следовать твоему совету и держать высоко голову. Время течет так быстро. Уже прошел год с тех пор, как мы виделись последний раз. Я тебя не забыла. Такого брата забыть нельзя. Если мне бывает грустно, я смотрю на твою фотографию, и моя грусть сразу проходит. Мой милый братец, отец и я не забываем тебя и очень любим. Шлю самые теплые приветы и мысленно целую.

Сестричка».

В этом письме Мария не только говорила мне о своих чувствах, но и сообщила о том, что она пребывает в эмиграции в относительной безопасности.

Большинство эмигрантов жили в капиталистических странах в весьма тяжелых условиях. Реакционеры и профашистские круги в правительствах и государственном аппарате этих стран чинили им множество препятствий.

Помимо всего прочего я мог понять из письма Марии, что намечается ее отъезд в Англию, что парторганиза-

ция в собственно Германии работает и гестапо не может ее задушить, что на помощь испанским республиканцам для борьбы с франкистами едут немецкие добровольцы.

В 1938 году, незадолго перед вторжением фашистского вермахта в так называемую Судетскую область, моя связь с Марией прервалась. Я ничего больше не слышал о ней.

В середине 1936 года в каторжной тюрьме Луккау находилось около 1000 заключенных, из них свыше 900 политических. Это благоприятное для нас соотношение постепенно менялось в пользу уголовников. Прибытие политических заключенных полностью прекратилось в течение года. Вследствие ожесточения фашистского режима политическая деятельность против него каралась смертью. Поэтому незначительные поступления политзаключенных не могли сохранить прежнее соотношение между уголовниками и политическими.

Находившиеся в тюрьме политзаключенные на 90% состояли из коммунистов. Остальные были социал-демократы, сторонники Штрассера (фашисты, которые выступали против Гитлера и его клики) и представители других политических группировок.

По этому составу можно было судить, что коммунисты являлись единственной политически организованной активной силой, которая оказывала сопротивление фашизму. С «хорошими временами» по сравнению с Моабитом и Шарлоттенбургом было покончено. Благоприятные возможности для учебы исчезли, поскольку рабочий день увеличили с 7.45 до 17.45. Между 6.30 и 7.45 мы должны были умыться, поесть и убрать камеру.

При правильном планировании работы я мог утром выкроить около тридцати минут и использовать это время, чтобы выписать на шиферную доску из французского или английского словаря несколько слов. В рабочее время я ставил эту таблицу к стене и зубрил слова, одновременно занимаясь плетением корзин для бутылей или другой подобной работой. В конце дня я повторял слова, написанные в предыдущий день на обратной стороне доски.

Я был очень рад, что в нашей камере имелась эта неизвестно каким путем попавшая туда доска, так как разрешения писать и иметь письменные приборы у меня, как и у других заключенных, не было.

Вечером после принятия пищи, с 18 до 20 часов, можно было читать. Летом при длинных днях читал порой до девяти-десяти часов вечера. Вставал, если было достаточно светло, в пять часов и тоже читал.

В Луккауской тюрьме имелась хорошая большая библиотека. Она включала в себя книги из различных областей знаний, в том числе литературу на английском и французском языках. На обоих языках имелись методические указания по их изучению примерно восемью различными методами. Всего романов и научных трудов на английском языке насчитывалось до 120, на французском — 108 экземпляров. Их я проштудировал за долгие годы пребывания в тюрьме.

Эти книги собрали политические заключенные, которые во времена Веймарской республики покупали литературу и дарили ее тюремным библиотекам для политического воспитания заключенных.

Фашисты изъяли и уничтожили из этой библиотеки сотни томов, но, несмотря на это, оставшиеся книги содержали большой объем знаний, который мог принести каждому товарищу большую пользу.

Знание марксизма-ленинизма позволяло мне критически осмысливать книги буржуазных ученых. Нужно сказать, что я часто был недоволен и разочарован содержанием этих книг. Толстые тома в пятьсот и более страниц зачастую содержали весьма ограниченную информацию. Особенно мне вспоминаются отдельные исследования по всемирной истории. Идеалистические взгляды на историю часто затрудняли восприятие имевшихся там фактов. Со страхом вспоминаю я и сейчас «Всемирную историю» Беккера в шести томах. Чтение английских и французских книг, а также каждодневное заучивание по тридцати слов способствовало успешному изучению этих языков, и я за пяти-шестилетний срок пребывания в тюрьме читал на них, как на родном.

Больше всего меня привлекали, естественноисторические, философские, экономические, исторические, географические труды, а также описание путешествий.

И даже после, когда я работал в тюрьме по уборке двора, а также каменщиком, я использовал каждую свободную минуту для учебы. Сейчас, просматривая свои письма из тюрьмы, в которых я перечислял своим родственникам только часть прочитанных мною книг, я удив-

ляюсь той энергии и целеустремленности, той жажде знаний, которые владели мной даже в самые тяжелые периоды заключения. При этом в течение долгих лет я страдал хронической болезнью глаз. Причина заключалась в том, что я стремился как можно больше читать, даже в полутьме.

Заключенным разрешалось просматривать библиотечный каталог и получать желаемые книги. Это давало известную возможность планировать свое самообразование. Библиотекарями обычно работали заключенные из числа буржуазной интеллигенции, чаще всего врачи. Они всегда шли нам навстречу и выполняли наши просьбы по подбору литературы.

Однако благоприятная в этом отношении обстановка вскоре изменилась. В тюрьму был назначен так называемый преподаватель. Примерно за шесть месяцев своей деятельности он основательно испортил нам жизнь. Он подбирал для политических заключенных литературу, нужную ему. Мы получали «Майн кампф» и другую фашистскую макулатуру.

Я однажды получил на целую неделю маленькую брошюру в 20—30 страниц, которую прочитал за один вечер. Всю неделю я был обречен на безделье. Это было для меня невыносимо. Пытался занять свое свободное время тем, что вспоминал и вновь продумывал ранее изученные проблемы.

Когда этот фашист, для которого должность и обязанности «учителя» в тюрьме, очевидно, оказались недостаточно подходящими, ушел, все заключенные облегченно вздохнули. Вновь был восстановлен прежний порядок пользования библиотекой.

В общем, все товарищи читали много, но не каждому удавалось чтением отвлекать себя от голода.

По камерам мы совместно обсуждали прочитанные книги. Каждый давал свою подробную оценку их содержанию, развертывались споры, критиковались фашистские и другие реакционные трактовки той или иной проблемы.

Изучив французский и английский языки, я решил в 1939 году начать заниматься русским, хотя это было строжайшим образом запрещено.

Товарищ Филипп Шеффер, филолог по образованию, изъявил желание помочь мне. Каждую неделю я получал

от него доставлявшиеся скрытно, с большими трудностями письма. В них он пытался дать мне основы русской грамматики и некоторый словарный запас.

Каждое воскресенье в свободное от работы время я зубрил его письма и к концу года уже знал основы грамматики и около тысячи слов. К этому времени Филипп после пятилетнего заключения был отпущен и, к счастью, не попал в концлагерь, что обычно в ту пору делали фашисты с освобожденными из тюрьмы.

После освобождения он вновь включился в нелегальную работу, спустя год был арестован за участие в группе Шульце-Бойзен — Харнак, в 1943 году приговорен к смертной казни и казнен.

Я продолжал изучать русский язык самостоятельно. Через связи, о которых я расскажу ниже, мне удалось достать учебник русского языка.

Хранить его в камере, где нас было восемь человек и почти каждый день производились обыски, я не мог. Но я, как старший команды строителей, имел ключ от помещения, в котором хранились стройматериалы, инструменты и прочие необходимые для работ принадлежности. Конечно, и там было небезопасно. Я должен был найти тайник, доступ к которому был бы не труден, но обнаружить его не представлялось возможным.

Я стал класть учебник русского языка на дно корзины, в которую вставлялась 30-литровая бутылка. Чтобы извлечь бутылку из корзины, нужно было применить немалую силу. Я полагал, что ни один надзиратель не будет этого делать.

Ежедневно я вырывал страничку из учебника, складывал ее в несколько раз и клал с соблюдением всех мер предосторожности в библиотечную книгу. При обысках в камере книги перелистывали, но надзиратели не обращали внимания на «закладку» из бумаги.

Как я уже говорил, нас в камере размещалось восемь человек. Койки располагались в два этажа. Вечером, когда я лежал на своем «ложе», моим соседям казалось, что я читаю библиотечную книгу, а я упорно изучал русский язык. На другое утро изученную страничку уничтожал и к вечеру доставал из тайника следующую. Плохо было то, что я не мог повторить пройденное. Это составляло для меня значительные трудности, так как я кое-что забывал. Вскоре у меня появилась возможность говорить по-рус-

ски с одним чехом, хорошо знавшим русский язык и длительное время работавшим вместе со мною в строительной колонне. Поскольку он не знал немецкого языка, мы объяснялись с ним по-русски. Надзирателю, который ничего не знал о моих занятиях по изучению этого языка, было даже удобно иметь своеобразного переводчика, и наши «служебные» разговоры с чешским товарищем подозрений не вызывали.

После моего заключения в Луккау я взял за правило не думать о предстоящем 120-месячном сроке пребывания в тюрьме. Я видел, как многие товарищи, отсчитывая каждый день, проведенный в тюрьме, страдали от этого еще больше.

Я воспринимал свое положение как само собой разумеющееся. Мое настроение, если не считать отдельных потрясений, было поэтому спокойным.

Если перед арестом мне казалось вообще невероятным существование человека в заключении, да еще в каторжной тюрьме, то теперь я привык к этим необычным условиям жизни и с интересом наблюдал за арестантами, которые просидели 20, а в некоторых случаях даже 38 лет.

Скучать было некогда. Мое время было занято работой и учебой. Это может показаться смешным, но часто мне даже не хватало времени выполнить задуманное.

В первые годы заключения особенно сильно угнетало отсутствие физической нагрузки. Известную замену физическому труду товарищи нашли в ежедневной физзарядке в камере. Даже во время сильного истощения, когда уголовники считали, что каждое движение ослабляет, мы продолжали, правда с меньшей нагрузкой, наши физические упражнения.

В дальнейшем, когда я был выделен для уборки двора, а в последующем работал каменщиком, жаловаться на недостаток тяжелой физической работы не приходилось.

Сравнивать первые семь лет моего заключения с семью годами, проведенными на свободе, было бы несоизмеримо, но тем не менее и в тюрьме я жил напряженной духовной жизнью, поскольку непрерывно учился. Это доставляло мне большую радость и удовлетворение. Крепости моих нервов завидовали многие заключенные. Они немало дивились моему спокойствию и часто называли меня «вечно улыбающийся».

Источником моего спокойствия было сознание, что я

служу правому делу, уверенность в гибели фашизма, которая не покидала меня в период его самых больших военных успехов, и мысль о том, что даже в тяжелых условиях заключения я не терял зря времени.

Все заключенные тяжело страдали от голода. С момента моего пребывания в Луккау, с июня 1936 года по апрель 1937 года, мне почти никогда не удавалось наесться досыта. Я потерял 20 фунтов, но все еще весил 140 фунтов, а к апрелю 1938 года из-за плохого питания стал весить всего 130 фунтов.

Совсем не съедобной была баланда, выдаваемая нам на ужин. Ее называли иронически: «суп из дорожной пыли» или «суп Лорелея». Мне до сих пор не понятно, что это означало.

Несмотря на выдачу заключенным одного и того же рациона, они переносили голод по-разному. Особенно страдали от систематического недоедания высокие люди вроде меня. Сильная потеря в весе так ослабляла организм, что даже легкая простуда приводила к серьезным заболеваниям, которые грозили погасить слабое пламя жизни. С началом войны питание заключенных еще более ухудшилось. Чувство голода было постоянным.

Одному из моих товарищей по процессу удалось всего этого избежать. Рудольф Бергтель был направлен в 1938 году с транспортом других заключенных на торфяные болота. Там были разработки мощностью в 1,5 метра. Эта работа требовала большого физического напряжения. По окончании добычи торфа место выработки должно было быть превращено в пригодную для ведения сельского хозяйства площадь. После основательной подготовки Рудольфу и еще одному товарищу удалось совершить побег. Он был организован и финансирован группой Шульце-Бойзена. Скульптор Курт Шумахер переправил Рудольфа в Швейцарию, где он дождался поражения фашизма.

В каторжной тюрьме Луккау был лазарет. Надзиратель этого учреждения Ничке имел у заключенных кличку «помощник смерти». Он очень гордился своим прошлым, когда служил наемником в иностранном легионе в африканских колониях. На фотографиях, которые он всем показывал, его можно было видеть при казнях и порке африканцев. У этого палача заключенные с серьезными заболеваниями редко имели шанс выжить.

Врач лазарета был примерно таким же... Однажды при падении я повредил ногу. Когда я показал ему свою травму, он даже не удостоил меня взглядом и, не повернувшись, смотрел в окно. Затем заметил: «Нечто подобное было у моей собаки».

Это выражение он повторял многократно и другим больным, приходившим к нему на прием.

Я прокостылял без всякой медицинской помощи в свою камеру. Ступать я мог лишь на правую сторону стопы, но пропускать выходы на работу было нельзя. После нескольких месяцев такого передвижения моя пятка изменила положение и как бы повернулась на 90° внутрь. Это продолжалось девять месяцев, пока мой организм сам не справился с полученной травмой и я опять смог ходить нормально.

В политической жизни коммунисты-заключенные принимали активное участие. С большой тревогой мы следили за возрастающей агрессивностью фашистской Германии, ее активным вмешательством в испанские дела и военной поддержкой банд Франко, аннексией Австрии, оккупацией Чехословакии, нападением на Польшу и войной в Югославии.

Все попытки Советского Союза создать систему коллективной безопасности совместно с западными державами, чтобы воспрепятствовать фашистским агрессорам раздуть мировой пожар, терпели неудачу. Правящие империалистические круги США, Великобритании и Франции надеялись направить удар немецких фашистов против СССР, с тем чтобы они уничтожили Советский Союз и сами вышли из этой борьбы в значительной мере ослабленными. Тогда бы империалистические государства могли диктовать миру свои условия. В такой обстановке Советскому Союзу ничего не оставалось, как заключить с Германией пакт о ненападении. Этот пакт вызвал в каторжной тюрьме Луккау среди коммунистов оживленную дискуссию. Умиравшие с голоду, измученные произволом и жестокостью фашистского режима коммунисты надеялись, что Советскому Союзу удастся создать коалицию с другими государствами, которая будет в состоянии обуздать фашистских преступников. И вдруг эта страна, к которой направлялись все наши помыслы, заключила с фашистами пакт о ненападении.

Часть наших товарищей совершенно отказывалась это

понять. Понадобились многочисленные споры и дискуссии, чтобы доказать им причины такой позиции Советского Союза. После того как все попытки создать коллективную безопасность потерпели неудачу, СССР должен был выиграть время, чтобы мобилизовать собственные силы. Это было в интересах антифашистов всех стран, в том числе и тех, кто был заключен в фашистских тюрьмах.

Весьма ограниченную информацию мы получали из еженедельной местной газеты «Лейхттурм». В 1939 году я получил доступ к складу макулатуры и поручил трем работающим там уголовникам собирать для нас газеты и журналы. Когда мне удавалось несколько часов покопаться в этой макулатуре, прочитать официальную фашистскую прессу и национал-социалистские учебные материалы, я мог соответствующим образом оценить их и с марксистскими комментариями передать товарищам.

До 1936 года нам удавалось получать сведения о решениях нашей партии от вновь прибывающих в тюрьму товарищей. В последующем этот источник информации был почти полностью закрыт.

Коммунист Георг Каутц работал в тюрьме электротехником и подчинялся тому же старшему надзирателю, что и я. В середине 1940 года ему удалось с помощью товарища, который по окончании срока заключения был освобожден, установить связь с партией. До конца 1941 года мы получали материалы, которые содержали анализ политического положения и фактические данные о фашистском терроре.

В так называемой чиновничьей колонии, которая располагалась в черте города Луккау, находился под открытым небом склад материалов для плетения корзин. Наши берлинские товарищи прятали там в кучах хвороста материалы, содержащие интересующую нас информацию. Для этого им было необходимо преодолеть открытое поле и перебраться через забор высотой до трех метров.

При необходимости прутья для плетения корзин привозились со склада в тюрьму. Эта работа постоянно выполнялась старшим в мастерской коммунистом Карлом Форбергом и мною. Помогал нам также Георг Каутц.

Нас всегда сопровождал надзиратель, в присутствии которого мы должны были проверить кучи хвороста, оты-

скать нелегальную литературу, спрятать ее и провезти через контрольные пункты.

Немалая опасность грозила нам по прибытии в тюрьму. При каждом входе или въезде нас обыскивали в так называемых шлюзах.

Ядро нашей партийной группы состояло из Георга Каутца, Карла Форберга и меня. В целях конспирации материал читали только мы трое и распространяли его дальше лишь устно.

У нас имелась тесная связь с Алоизом Бартошкевичем. Он являлся убежденным антифашистом и имел большое политическое влияние на своих коллег в мастерской по изготовлению корзин.

В связи с нападением фашистской Германии на СССР и стремительным продвижением вермахта на восток мы усилили нашу политическую активность, чтобы помочь заключенным ориентироваться в обстановке и поддерживать их морально. Основываясь на нелегальных материалах и официальной прессе, мы пытались дать правильную оценку военной, экономической и политической мощи Советского Союза и антигитлеровской коалиции.

Мы знали, что борьба народов Советского Союза, несмотря на временные успехи фашистов, закончится полной победой. Цель фашистов — уничтожить целые народы и прийти к мировому господству — должна вызвать всенародное сопротивление.

Один из заключенных был ранее полковником генерального штаба. Человек образованный, он владел шестью иностранными языками. Мы часто с ним беседовали. Он не хотел скрывать своей неприязни к новому режиму и был приговорен к шести годам заключения. Тем не менее бывший полковник восторженно приветствовал военные успехи фашизма. Он был для меня полезным информатором, поскольку всегда знал последние новости. Однажды он мне заявил:

— С Югославией теперь тоже покончено. Мы разбили всю югославскую армию тремя дивизиями. Теперь мы в состоянии две дивизии отвести, чтобы использовать их где-либо на другом направлении, а экономический потенциал страны, как и военно-географическое положение, использовать его в своих интересах.

— Ты считаешь, что война в Югославии закончена? Я думаю, она только начинается. По всей вероятности, для

сдерживания партизан потребуется больше дивизий, чем это было нужно для поражения югославской армии.

Он посмотрел на меня с удивлением. Соглашаясь с ним в ряде политических вопросов, я попытался в осторожных словах разъяснить ему положение. Я говорил об экономических, политических, исторических и географических условиях Югославии, не вдаваясь в характер фашистской агрессии, и указал на возможность партизанской войны. Далее я подтвердил свои выводы ссылкой на исторический пример с Наполеоном I, который имел в Испании крупные неприятности с партизанами. Это было ближе его пониманию. И тем не менее он возражал.

Не прошло и четырех месяцев, как он мне заявил:

— Имеются веские данные правильности твоих предположений.

Особенно быстро изменилась его позиция по отношению к коммунистам, с которыми он впервые соприкоснулся в тюрьме. Он был совершенно обескуражен, когда увидел, что коммунисты знают Клаузевица не хуже, чем он.

Полковник обратил внимание на то обстоятельство, что наши товарищи, как правило, рабочие по происхождению и имевшие образование в объеме начальной школы, в противоположность ему правильно оценивали общественные события.

После нападения на Советский Союз фашистские власти предложили полковнику заменить заключение посылкой на фронт с целью искупить свою вину, найдя там «почетную смерть». Таким путем фашисты хотели от него избавиться. Он отклонил это предложение.

— Если вы хотите меня убить, делайте это здесь. Я не хочу облегчать вам работу.

Через несколько недель его увезли. Больше я о нем ничего не слышал.

ВСТРЕЧА С ПОЛИЦЕЙСКИМ

Любопытная встреча произошла у меня в тюрьме, когда я там работал каменщиком. Меня привели в одну камеру для производства ремонта. Находившийся там арестант вдруг спросил меня:

— Ты что, не узнаешь меня?

Я действительно не мог узнать этого человека.

— Я же один из тех, кто арестовал тебя.

Он был осужден за бытовое преступление. Я с удивлением спросил его:

— Как же ты узнал меня спустя семь лет после ареста? Ведь тебе приходилось арестовывать массу людей.

— Очень просто. Ты один из тех, кто нам сильно запомнился. Мы вас, коммунистов, хорошо изучили. Функционеры, которые попадали в наши руки, все были железные и храбрые ребята. Некоторые нуждались в особом внимании с нашей стороны. К таким относился и ты. Помимо этого у меня хорошая память.

Он рассказал мне, что полиция через три месяца после нашего ареста схватила также коммуниста, о котором гестапо было известно лишь то, что он ответственный функционер. Конкретных данных о его действительной работе у них не было. Во время пыток он вел себя стойко.

На третий день после ареста, когда его привели на очередной допрос, он схватил лежащую на столе резиновую дубинку, которой гестаповцы избивали допрашиваемых, и, прежде чем стоявший в стороне охранник разрядил в него пистолет, успел три раза ударить ею следователя-палача по голове.

По словесному портрету и времени ареста погибшего это, очевидно, был Франц — руководитель агитационно-пропагандистской группы берлинского района КПГ.

В 1945 году мне стало известно, что в июле 1935 года Франц был отозван за границу. Когда в результате нашего ареста в августе 1935 года связь Центрального Комитета с берлинским районным руководством была прервана, его послали из Чехословакии в Берлин для ее восстановления. С этого задания он не вернулся.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ

Каково было настроение широких кругов населения в первые дни войны, показывает следующий пример.

Я работал каменщиком вне тюрьмы и мог оттуда наблюдать за рыночной площадью Луккау.

Там был организован сборный пункт новобранцев, которые часами ожидали на этом пятачке отправки в части. Настроение их было далеко не радостным. Особенно проявилась неприязнь будущих солдат к фашистам, когда через площадь мимо прошла группа людей в коричневой форме. Среди новобранцев пронесся ропот.

На следующий день новобранцев и их багаж транспортировали в грузовиках на вокзал. Солдаты были в большинстве случаев бывшие крестьяне. Они, конечно, имели опыт в погрузке, однако работали вяло. Поведение этих людей выражало все что угодно, кроме воодушевления.

Известное изменение в настроении наступило после первых военных успехов. После нападения на Польшу мне пришлось работать недалеко от тюрьмы в здании, которое должны были использовать в качестве казармы. Мне предстояло пробить в нем стену и сделать несколько оконных проемов.

Рядом с моим рабочим местом находилась широкая дверь, через которую туда и сюда сновали солдаты. За ними наблюдал фельдфебель, который считал своим долгом накричать на каждого, кто в какой-то мере, по его мнению, был недостаточно проворен.

Он гонял их многократно через дверь до тех пор, пока они не становились «достаточно молодежаватыми». И это он прodelывал со взрослыми людьми, а они безропотно слушали его. По правде сказать, я был возмущен и удивлен этой муштрой в фашистской армии. Фельдфебель, вероятно, был берлинским рабочим и, мне казалось, мог бы несколько умерить свое служебное рвение, направленное на укрепление фашистской военной политики.

Когда ретивый служака прекратил свою «деятельность», он подошел ко мне и стал смотреть, как я работаю. Вблизи никого не было, так как тюремное руководство считало излишним наряжать нам конвой для работы в казармах. Я разогнулся, посмотрел на него и сказал:

— Мне кажется, ты им даешь перцу.

В первый момент он с удивлением посмотрел на меня, затем ухмыльнулся и доверительно заметил:

— Я же кровельщик. Но с этими штафирками иначе нельзя.

— Ты так думаешь?

Он вопрошающе посмотрел на меня.

— Не забывай, что война еще долго не кончится и на фронте можно получить пулю в спину.

Мне было известно, что мои слова могут быть расценены, как подрывающие обороноспособность, а за это было лишь одно наказание — смерть. Однако я надеялся, что бывший рабочий не станет меня предавать. Мои расчеты оказались правильными.

— Дружище, об этом я как-то не подумал. А ведь ты прав.

Фельдфебель немного помолчал. Казалось, он обдумывал мои слова. Наконец он спросил:

— За что ты попал?

— За политику. Десять лет.

— Не блестяще. Однако по меньшей мере от пули ты здесь гарантирован.

— Может быть, ты и прав. Но мы все здесь медленно подохнем с голоду.

Он внимательно посмотрел на меня, затем молча вышел. Возвратившись через короткий промежуток времени, он принес булку с большим куском колбасы. Убедившись, что вблизи никого нет, он положил их на край моего ящика с известковым раствором.

— Это тебе.

Следующие три дня я ежедневно получал от него такой же рацион.

Небезынтересна была также его оценка Советского Союза. Его часть имела соприкосновение с Красной Армией. На фельдфебеля особенно сильное впечатление произвела ее артиллерия.

— Не хотелось бы нам вступать в военное столкновение с Советским Союзом, — заявил он.

ГРЯЗЕВАЯ ВАННА

Имелось много факторов, которые влияли на положение заключенных: попытки фашистов внутренне сломать их, отобрать у них остатки моральных сил и наконец уничтожить их физически; стремление фашистского режима усилить свои экономические позиции за счет эксплуатации заключенных, при этом фашисты опирались на своих пособников, в том числе и в органах юстиции; стремление государства жестокость в исполнении приговоров скрыть от общественности; наличие в фашистских карательных органах антифашистов или лиц, исполнявших свои обязанности формально и не проявлявших служебного рвения, и, наконец, политическое соотношение сил в Германии в целом и в конкретном тюремном ведомстве в частности.

Заключенные, отбывающие свой срок в камерах, а их было подавляющее большинство, постоянно голодали и

страдали от жестокого обращения надзирателей. Из девяти лет и семи месяцев заключения голод был в течение восьми лет моим постоянным спутником. Полтора года, когда я был относительно сыт, нас кормили примерно так: на завтрак триста граммов черствого хлеба и пол-литра суррогатного кофе. В обед литр жидкого супа из картофеля, капусты или брюквы и в лучшем случае из лапши и гороха. Вечером двести граммов черствого хлеба и три четверти литра водянистого супа или двести граммов хлеба, десять граммов маргарина и тридцать граммов резиновой колбасы, которая изготовлялась из мясных отходов и всевозможных наполнителей. За все время заключения нам не давали никаких продуктов, содержащих витамины.

Голод в тюрьме принимал различные формы: от частичного истощения до полного упадка сил. После начала войны голод особенно свирепствовал среди той части арестантов, которая отбывала наказание в камерах и не привлекалась к работам.

Только незначительная часть заключенных могла улучшить свое питание. Это служители, которые продавали продукты, электрики, кузнецы, сапожники, портные, выполнявшие частные заказы для надзирателей, работавшие вне тюрьмы у крестьян или в имении, принадлежавшем тюремному ведомству.

Некоторые заключенные, доведенные до полной дистрофии, не выносили физической нагрузки и гибли.

Больные заключенные страдали от физического напряжения, поскольку действенной врачебной помощи не было.

Мне особенно запомнился один случай. Пожилой, болезненный арестант жаловался на боли в желудке. Когда он обратился к врачу, доктор Мюллер его выгнал как «симулянта» и «обманщика». Он был вынужден по-прежнему работать на уборке картофеля и день за днем находиться в согнутом положении. Размещались мы тогда по 30 человек в одной большой комнате. Однажды вечером, когда мы возвратились с работы, этот человек зашатался, его начало рвать кровью, и он умер.

Голод вынуждал некоторых при выводе на работу за стены тюрьмы есть траву. Однако она не переваривалась человеческим желудком. Некоторых заключенных голод доводил до того, что они собирали и ели дождевых червей.

С началом войны, в связи с призывом молодых эсэсовцев и штурмовиков в армию, жестокости в тюрьмах ста-

ло меньше. Но от этого положение заключенных не улучшилось, так как голод и тяжелая работа изнуряли людей.

Фашисты поставили перед собой цель физически уничтожить всех инакомыслящих, однако они пытались скрыть это. «Краткосрочники», или заключенные, приговоренные к трем-четырем месяцам ареста, посылались в рабочие команды, где условия были относительно мягче и питание лучше.

Молодежь в окрестных деревнях находилась в большинстве на фронте. Крестьянки, оставшиеся одни со своими престарелыми отцами и свекрами, с трудом справлялись с хозяйством. Они были рады на время урожая получить на 1—2 дня команду заключенных. За редкими исключениями, они хорошо их кормили. Работая на свежем воздухе, эти заключенные выходили из тюрьмы на свободу загорелые и здоровые.

Так создавалась картина гуманной политики наказания и скрывались произвол и жестокость.

Команда для внешних работ выделялась арендатору находящегося в Луккау грязевых ванн, для которых каторжная тюрьма многие годы поставляла физически сильных заключенных. В их задачу входило доставать грязь, погружать ее в вагонетки и с грязевых полей тащить 3—4 километра к ваннам. С начала войны эту тяжелую работу должны были выполнять шесть заключенных. Наряду с доставкой грязи они убирали ванны и выносили отработанную грязь.

В середине 1940 года, когда строительные работы в тюрьме были закончены, меня перевели на несколько недель в команду по обслуживанию грязевых ванн. Не знаю, кому я был обязан этим «счастьем». Очевидно, я должен был благодарить старшего надзирателя Флюгеля, которому подчинялась строительная колонна.

Флюгель, в прошлом гончар, состоял с 1933 года в немецкой национальной партии, являлся противником фашизма и считал необходимым создание единого фронта борьбы с фашизмом. Он высоко ценил наших товарищей за их мужество и сильную волю.

Вначале по отношению друг к другу мы с ним были очень осторожны, и прошло много времени, прежде чем начали открыто говорить о всех политических вопросах. По разным поводам, связанным с ходом войны, в особен-

ности с мобилизацией последних резервов Германии, он приходил в дикую ярость и громко ругал фашистов:

— Негодяи, бандиты, кровопийцы! Они всех нас приведут к гибели. Отправляют в мясорубку даже шестнадцатилетних.

— Старший надзиратель, — обычно одергивал его я, — вы что, хотите на виселицу или на каторгу?

Работа по обслуживанию грязевых ванн была очень тяжелой. Голод терзал нас и здесь, но мы были на свежем воздухе, могли двигаться по полю и пользоваться относительной свободой.

Поскольку в тюрьме не хватало надзирателей, служащий арендатора грязевых ванн исполнял эти обязанности. Он приходил за нами в тюрьму, доводил до болота и оставлял иногда часами одних, уходя на какие-то другие работы. При проверке команды, которая была проведена внезапно инспектором тюрьмы, наше «райское» положение было обнаружено, и нас тотчас же отправили в тюрьму.

Арендатор грязевых ванн, бывший берлинский кельнер, вечером обычно сам отводил нас в тюрьму.

Мы, заключенные, были заинтересованы оставаться на работах по обслуживанию ванн, поскольку арендатор относился к нам хорошо.

Во время работы и в этом заведении я познакомился с нашим помощником надзирателя. Политические называли его «спартаковцем». Он симпатизировал нашей партии и делал все, что мог, чтобы облегчить нашу участь.

Арендатор ванн всегда жаловался, что его дела идут скверно и он должен будет закрыть предприятие. Я заметил на это, что могу рекомендовать ему в качестве надзирателя надежного человека, но ему придется платить не 8, а 12 марок в день, кормить обедом, да и нам, заключенным, должно кое-что перепасть...

Арендатор согласился. Он и ранее к нашему тюремному рациону добавлял от себя кое-какие продукты и был готов улучшить наше питание. Я дал ему адрес надзирателя.

На следующий день наш «спартаковец» маршировал во главе колонны из тюрьмы к грязевому болоту. Старик был весьма рад повышению зарплаты и возможности получать бесплатно обед. Хотя нам надлежало выполнять солидный объем работы, мы радовались, так как были почти сво-

бодны. Как только наша колонна выходила за черту города, я брал у нашего «спартаковца» карабин. Он был слишком тяжел для него.

В первый день его работы в качестве помощника надзирателя, как только мы пришли к болотам, он заявил:

— В окрестностях утверждают, что на этом месте зарыт монастырский клад Луккау.

Мы рассмеялись, так как, насколько можно было окинуть взором, кругом простирались торфяные луга и болота, которые за многие годы так были перерыты, что сейчас на том месте, где мы находились, оставалась нетронутой лишь небольшая поляна.

В нашу команду входило четыре уголовника, один наш товарищ и я. Мы, коммунисты, работали почти всегда вместе, так как у нас часто возникали интересные темы для совместного обсуждения. Однажды, когда мы занимались обычной работой, снимая верхний травянистый слой, под лопатой нашего товарища что-то звякнуло. Когда мы осторожно подняли верхний слой земли, внизу оказался глиняный сосуд длиной 25 и шириной 8 сантиметром. Отбив лопатой горлышко, мы увидели в нем 30 больших и 20 меньшего размера серебряных монет времен Тридцатилетней войны. «Спартаковец» передал их в городской музей. В местных газетах несколько дней спустя появилась заметка о том, что клад монастыря в Луккау найден. Однако, кем он был найден, репортеры сказать не решились.

На территории грязевых ванн находился также парк, за которым нужно было ухаживать, но рабочих рук для этого не хватало. При благоприятных обстоятельствах арендатор заметил администрации, что я являюсь отличным садовником, и после этого меня несколько раз на пару дней отправляли на уборку и расчистку парка.

Работая садовником, я чувствовал себя превосходно. Мне казалось, что я нахожусь в отпуске. В прекрасный солнечный день можно было работать, раздевшись до пояса. Комаров, которые во время нашего пребывания на торфянике делали нашу жизнь невыносимой, здесь почти не было. Кроме того, я установил контакты с некоторыми курортниками, двумя горничными и истопником ванн.

При моем первом назначении на работу в этот санаторий я познакомился с единственным мужчиной, проходившим там лечение. Вскоре мы отлично поняли друг

друга. На его вопрос, чем он мне может помочь, я ответил, что мы нуждаемся в продовольствии.

— Это не так трудно. На грязевых ваннах у многих женщин плохой аппетит. Я буду собирать остатки и передавать их тебе.

Он сдержал свое слово. Ежедневно я получал сверток с остатками продуктов. Когда моряк после двухнедельного лечения уехал, его работу продолжила женщина. Таким образом, для всей нашей команды продовольственный вопрос до некоторой степени был решен.

Поскольку арендатор в течение ряда лет не ремонтировал свое заведение, оно находилось в запущенном состоянии. Ванны часто вынуждены были выключать из-за дефектов канализации. Вследствие этого меня иногда задерживали на несколько дней, чтобы я привел в должный порядок систему труб и печей.

Горничные Ильза и Лотта трогательно заботились обо мне. Ильза ежедневно приносила мне «Фелькишер беобахтер», которая весьма интересовала меня, поскольку позволяла в какой-то мере ориентироваться в обстановке. Обе девушки делали все возможное, чтобы улучшить мое питание.

Между истопником и мною установились в очень короткий срок хорошие отношения. Он с 1933 года состоял в социал-демократической партии, и благодаря урокам, преподанным ему фашистами, между нами не возникало каких-либо противоречий.

Однажды он предложил мне помочь в организации побега.

— Смотри, у тебя еще пять лет высидки. Это немалый срок. Если я тебе достану велосипед и гражданскую одежду, ты будешь на свободе.

Предложение было заманчивым, и желание обрести свободу — неимоверно велико. Причин, которые помешали бы побегу, как в 1938 году, больше не существовало. Часть моих товарищей, приговоренных к длительному заключению, выпускалась из камер на внешние работы или в тюремном участке. Однако разум подсказывал мне, что такой шаг нецелесообразен. Война продлится еще несколько лет, побег за границу казался мне невозможным, а многолетнее пребывание на нелегальном положении в фашистской Германии в военное время — и подавно.

И я отклонил великодушное предложение моего товарища.

Интересный вывод можно было сделать в процессе общения с населением. Во время моей работы в болотной команде, у крестьян, на сборе макулатуры я понял, что отношение фашистов к нам, коммунистам, у значительной части населения не встречало поддержки. На вопрос, почему я в заключении, я всегда отвечал: «По политическим причинам. Я — коммунист».

Часто меня встречали потом с большим уважением. Многие не могли понять, почему мы, коммунисты, «плывем против течения» и ради своей идеи идем на такие жертвы. Враждебного отношения не было. Часто можно было заметить симпатии к коммунистам и солидарность с ними.

ВНОВЬ ПОД СЛЕДСТВИЕМ

В январе 1942 года я был внезапно доставлен в карцер подвального этажа, в так называемый «флигель».

Обдумывая свое положение, я ломал голову над причинами, которые могли привести администрацию к такой мере. Их могло быть две.

Первая заключалась в том, что я в течение некоторого времени, примерно две недели назад, работал в составе команды вне тюрьмы вместе с одним каменщиком, который не являлся заключенным. Мы вели оживленные политические беседы о фашистской разбойничьей войне и политике НСДАП. Однажды мой собеседник заявил: «Если я донесу о том, что ты мне говоришь, ведь тебе не сносить головы». Но я не верил в возможность такого предательства.

Второй причиной было то, что администрации могло стать известно о нашей политической работе внутри тюрьмы, связях с внешним миром и получении нелегальных материалов.

Через 14 дней во время допроса, который проводил пачальник тюрьмы Видеман, мне стали известны действительные причины репрессий против меня. За несколько месяцев до этого после девятилетнего заключения коммунист Карл Форберг вопреки ожиданиям не был переведен в концентрационный лагерь, а выпущен на свободу. Мы с ним разработали код, с помощью которого он мне мог присылать в тюрьму письма с информацией о событи-

ях на воле. Он, однако, пользовался этим кодом так неумело, что привлек внимание тюремных цензоров, и они дешифровали его корреспонденции.

В письмах товарищ Форберг сообщал мне о поражении фашистских войск под Москвой и давал оценку их боеспособности.

На допросе у начальника тюрьмы я заявил, что действительно просил Карла написать мне в письме, могут ли заключенные после отбытия длительного срока получить работу и каковы для них перспективы дальнейшего устройства в жизни. Договоренность с ним по каким-либо политическим вопросам я отрицал.

После допроса меня посадили еще на четыре недели в карцер, а через 14 дней привели из подвала в административное помещение на допрос. Мое настроение было далеко не блестящим. Я страдал от голода, когда сидел в тюремном карцере.

Когда меня ввели в комнату для допросов, там уже было два незнакомых человека. Один из них сидел за пишущей машинкой, другой, очевидно, был следователем.

Я сразу же почувствовал к этим людям неприязнь. Их холерные лица, запах духов вызывали отвращение.

Начался допрос. После идентификации моей личности, выяснения причин первой судимости, принадлежности в прошлом к политическим организациям следователь внезапно заявил:

— А в Союзе красных фронтовиков вы тоже состояли? В ноябре 1932 года за принадлежность к этому союзу, контрабандную доставку оружия и организацию его складов вы подвергались аресту!

Об этом на допросах и на процессе я никаких показаний не давал. Тем не менее соответствующие материалы, по всей вероятности, шли по официальным каналам и были присовокуплены к моему делу.

Я ответил, что, поскольку следствию такая деталь известна, оно должно также знать, что по этому делу обвинение не было поддержано, так как я не имел к нему никакого отношения.

— Нет, мой дорогой! Против вас не выдвигали обвинения, поскольку не могли его доказать! А я уверен, что вы были членом Союза красных фронтовиков!

Когда я пытался возражать, он вновь подтвердил свое обвинение. Тогда мое терпение лопнуло.

— Вы можете утверждать что хотите! — заявил я.

Он вскочил, ударил кулаком по столу и закричал:

— Вы только делаете вид, будто не знаете, о чем я говорю. Речь идет о вашей голове!

Когда я увидел его реакцию, во мне заговорило благоразумие: «Если ты этого человека сделаешь своим личным врагом, то тем самым только ухудшишь свое положение». Поэтому я попытался сменить тон.

— Конечно, мне известно, что речь идет о моей голове! Но я уверен, что вы проявите объективность и не станете инкриминировать мне преступления, в которых я не виновен.

Он смягчился. Я выдержал натиск. Мое заявление не рассердило его. Вспышка гнева следователя оказалась просто театральным жестом.

При дальнейшем допросе и составлении протокола он вел себя в высшей степени корректно и не пытался, как это было с предыдущим следователем Борком, исказить мои показания. В данном случае они записывались так, как я их формулировал.

Мне хочется описать условия, в которых я находился в карцере. Камера была полутемной. В метре от двери от пола до потолка была спущена железная решетка, в которой тоже имелась дверь. Другая решетка была укреплена в одном метре от окна. Расстояние между ними составляло два метра.

В этом помещении 2×1,8 метра находились каменные нары и параша. В оставшемся пространстве можно было сделать два-три маленьких шага. Заключение чувствовал себя как в клетке. Во время моего шестинедельного пребывания в карцере внешняя температура достигала 20° С. В камере она была настолько низкой, что вода в кружке замерзала.

Моя одежда состояла из хлопчатобумажного костюма без подкладки, рубашки, носков и ботинок. На ночь имелось одно одеяло. Многие дни за эти шесть недель я не мог от холода сидеть на нарах и вынужден был часами двигаться между решетками.

Мой дневной рацион: кружка холодной воды, которая служила также для промывания параша, и триста граммов хлеба с картофелем.

Каждый третий день выдавалась горячая пища из общего тюремного котла. После шестинедельной отсидки в

карцере из-за систематического голодания мой вес снизился до 115 фунтов.

Самым скверным во время пребывания в этой клетке было отсутствие какой-либо духовной деятельности.

За месяц перед тем, как меня посадили в карцер, я производил ремонтные работы в подвале и видел сильных, здоровых мужчиц, которые в карцере плакали, как дети. Очевидно, у них сдавали нервы.

Ежедневно мне выдавали для туалета три клочка газетной бумаги. Я прочитывал содержащиеся на этих обрывках строчки по меньшей мере двадцать раз, чтобы хоть чем-нибудь занять время, успокоить свои нервы. Я вспомнил книгу русского революционера, который был посажен в темную камеру Шлиссельбургской крепости. У него имелось 20 булавок. Чтобы не сойти с ума, он разбрасывал их каждое утро в темной камере и затем вновь собирал, убивая таким образом время большей части дня.

В моем же распоряжении ничего, кроме зубной щетки, не было, и я решил сантиметр за сантиметром обследовать свою камеру. На это ушло три дня. Я нашел огрызок карандаша длиной два сантиметра и треугольный кусочек жести. Помимо этого я основательно обследовал все царапины и надписи на стенах, оставленные предыдущими узниками. Карандаш и кусочек жести были бесценной находкой. На краях газетной бумаги можно было делать письменные упражнения в стенографии.

Несколько лет назад в тюрьме я изучал по самоучителю, взятому в библиотеке, этот предмет и теперь вновь решил заняться этим. К сожалению, чистого места на обрезках газет было очень мало, и я его быстро заполнял стенографическими значками.

Что мне было делать с жестью? Я решил отломить ручку зубной щетки и выточить из нее с помощью жестянки, которую я едва мог держать в руках, «меч». Целый день я выцарапывал набросок своего «меча» на стене, следующие 20 дней я вырезал «меч» из ручки зубной щетки. При этом мне нужно было постоянно следить за волчком-шпионом. Если бы надзиратель заметил мою работу, жестянка и будущий «меч» были бы для меня потеряны.

Так мне удалось без заметного нервного потрясения провести свой срок в карцере. Однако суровые условия

заключения вызвали у меня тяжелое заболевание селезенки, от которого я не мог избавиться в течение десяти лет после освобождения.

После шестинедельного пребывания в карцере меня перевели в общую камеру. Там со мной находились два уголовника, осужденных один за сутенерство, другой — за службу в иностранном легионе. Оба были в тюрьме всего лишь год, находились в значительно лучшем физическом состоянии, чем я, и тем не менее ужасно страдали от недостатка питания. Они считали, что пробудут в тюрьме не более трех-четырёх месяцев.

Эти люди настолько обессилели, что весь день лежали на нарах. Это строго запрещалось, но, поскольку в таком состоянии находились многие арестанты, администрация смотрела на такое нарушение правил сквозь пальцы.

Я разъяснял своим сожителям по камере, что необходимо отвлечься, больше двигаться, не думать об оставшемся сроке.

— Ваша уверенность, что вы здесь пробудете не более трех-четырёх месяцев, возбуждает нервы и требует дополнительной траты физических сил.

Но мои соседи по камере не слушали меня.

Я боролся с возрастающей физической слабостью и чувством голода, старался их преодолеть и думал, как мне провести время до процесса. Работы в камере в то время не было никакой.

Перед арестом я начал изучать испанский язык. Имевшиеся в тюремной библиотеке английские и французские книги к этому времени были мною уже прочитаны.

Я задумывался над тем, есть ли смысл в моем положении и с моими перспективами продолжать изучение испанского. Из допроса стало ясным, что Карл был вынужден сознаться в нашей политической деятельности в тюрьме Луккау. Это грозило смертным приговором. После некоторых размышлений я все же решил, что заниматься стоит. Это было целесообразно. Останусь жив — целесообразность очевидна. А если нет, то учеба будет в какой-то мере отвлекать меня от голода и мыслей о будущем.

Наряду с другими книгами я получил из библиотеки и нужный мне учебник, над которым начал упорно работать. В то время как мои товарищи по несчастью сиде-

ли на табуретках без дела, валялись на нарах или прислушивались, не несут ли что-либо поесть, я, стоя на табуретке, облокотившись на нары второго яруса, которые находились у окна, где освещение было лучшим, штудировал свои тексты, заучивал испанские слова.

Несмотря на интенсивную умственную работу и большую потерю в весе, я был физически сильнее моих соседей по камере, которые не расходовали столько энергии. Мне удалось побороть чувство голода и отгонять мысли о моем далеко не радужном будущем.

Однако спустя несколько недель я не выдержал, потерял сознание и свалился с табуретки на пол камеры. Когда я пришел в себя, то увидел склонившихся надо мной товарищей. Они обменялись многозначительными взглядами, которые, несомненно, означали: «Ну, этот готов!» Однако они ошиблись. Вскоре я вновь упорно работал.

Шестью неделями позже меня перевели в одиночную камеру и на прогулку стали выводить одного. Я мог сделать заключение, что меня ожидает смертный приговор.

Кроме меня (Карл Форберг не находился в тюрьме Луккау) в одиночки были переведены Георг Каутц и Алоиз Бартошкевич. Не бросая занятия испанским языком, я начал постепенно готовиться к своему выступлению на предстоящем процессе. Я намеревался, несмотря на безнадежность положения, использовать любую возможность и бороться за свою жизнь.

Есть люди, которые при трудностях теряются, не верят в будущее и предпочитают жизни смерть. Мой личный опыт и многие наблюдения, которые я был вынужден делать, свидетельствуют о том, что человек пожизненное заключение с его мучениями духовными и физическими всегда предпочитает смертной казни, так как надеется на изменение своей судьбы и на возможность получения свободы.

Этот принцип самосохранения и сознание того, что потерянная жизнь не повторится, не исключает самопожертвования в интересах своего класса или общества в целом. Наши товарищи на тысячах примеров доказали, что готовы лучше погибнуть или отдать многие годы жизни за свободу, чем жить на коленях.

Страх смерти подробно описан во многих книгах. Я не верю, что естественное стремление к самосохранению,

желание жить и радоваться жизни усиливают страх перед смертью.

Моя воля к жизни была, несмотря на ожидаемый приговор, чрезвычайно велика. Возможно, это будет звучать странно, но страха перед смертью у меня не было. Я ясно понимал необходимость борьбы с существующим режимом и готов был на все. Один коммунист, с которым я говорил на эту тему, выразил мои чувства в следующих словах: «Я бы с радостью умер, если бы знал, что фашистский режим погибнет вместе со мною».

Ненависть к пособникам фашистского режима была во мне так сильна, что я решил перед смертью забрать с собой на тот свет одного из них.

Обстоятельства казни были мне достаточно хорошо известны. По моим данным, она протекала в следующем порядке.

Приговоренного приводили из камеры смертников к двери помещения, где проводились казни. Руки ему связывали за спиной, раздевали до пояса. Два человека хватили его за руки и вели к представителю юстиции, который зачитывал приговор и передавал заключенного в руки палача, произнося: «Делайте свое дело».

Жертву поворачивали в правый угол и бросали под топор гильотины, который палач приводил в движение нажатием кнопки.

Момент зачтения приговора я хотел использовать. Руки мои будут связаны, но ноги останутся свободными. Я намеревался резким движением тела освободиться из рук палачей и так ударить представителя прокуратуры ногой в низ живота, чтобы для него также наступил последний час.

Весь этот сценарий я до мельчайших подробностей продумал и мысленно многократно повторил.

Вместе с тем я интенсивно готовился на процессе бороться, бороться за свою жизнь. Во время двух предыдущих допросов я не подтвердил ни одного обвинения и не выдал ни одного товарища, ни одной связи. Этой линии поведения я намеревался придерживаться и далее, чтобы ввести суд в заблуждение относительно моих политических убеждений.

Последнее обстоятельство имело особо большое значение, так как фашистская юстиция карала не только за действия, но и за идеи. Поэтому на процессе я решил

показать, что под воздействием военных успехов Германии многое переосмыслил и что мои прежние политические представления изменились. Это «превращение» выразилось в моем стремлении изучить в тюрьме хорошую профессию.

Рассчитывая на положительный отзыв старшего надзирателя Флюгеля, я в то же время мог опереться на мотивировку первого приговора, в котором утверждалось, что я откровенен и честен.

Мое поведение основывалось на выводе, что мертвый коммунист не может быть полезен, и, поскольку мое поведение не вредило партии и нашему делу, нужно было предпринимать все, чтобы сохранить жизнь.

Я согласовал свой план с товарищем по процессу Георгом Каутцем, опытным рабочим функционером. Мы, к счастью, имели возможность коротко обменяться с ним мнениями по этому поводу при совместном следовании к начальнику тюрьмы.

Чтобы убедительно изложить судьям во время процесса свои аргументы, мне требовалось время, в течение которого меня не перебивали бы перекрестными вопросами. Я обдумал, как это сделать. Необходимо было использовать процедурные возможности так называемой палаты народного суда. Разбирательство начиналось с установления личности обвиняемого, затем следовали первые вопросы, относящиеся к обвинению. Я решил после ответа на них использовать процедурные формальности, чтобы в какой-то мере расположить к себе членов суда.

В обвинительном заключении между прочими пунктами было указано следующее: «После вынесения приговора все обвиняемые содержались с 1939 года по 1942 год в каторжной тюрьме Луккау, где, находясь в общей камере, договорились продолжить коммунистическую деятельность путем заслушивания докладов, обсуждения политических проблем и вовлечения других заключенных в коммунистическую группу. Подсудимый Форберг после освобождения из заключения 12.4 1941 года в соответствии с ранее обусловленной договоренностью с Бартошкевичем и Ханке посылал им кодированные письма, в которых в коммунистической интерпретации сообщал сведения о политическом положении в стране и состоянии дел на фронтах, чтобы они, Бартошкевич и Ханке, используя эти сведения, продолжали свою преступную работу по дальнейшему рас-

пространению коммунистической пропаганды среди заключенных тюрьмы. Подсудимые Бартошкевич, Каутц и Ханке после соответствующего обсуждения получаемых от Форберга писем должны были в устной форме распространять их содержание среди отдельных арестантов. Заключение инкриминирует всем подсудимым преступления по подготовке государственной измены в соответствии с параграфом 80, раздел 2, 83 и раздел 2 и 3 № 1 уложения о наказаниях, а подсудимым Бартошкевичу, Ханке и Каутцу также преступления в соответствии с параграфом 83, раздел 3, пункт 3».

Предъявленные мне обвинения содержали три главных пункта: первый — осуществление коммунистической деятельности в тюрьме Луккау; второй — распространение нелегальных материалов; третий — идейное руководство этими действиями.

Достаточно было одного пункта обвинения для вынесения смертного приговора. Общее обвинение можно было опровергнуть лишь в том случае, если бы мне удалось доказать, что в моих действиях не было состава преступления.

Обвинение основывалось на показаниях Карла. Я был потрясен его поведением.

Во время моей нелегальной работы мне приходилось встречать многих мужественных людей. Карл казался мне одним из самых спокойных и хладнокровных товарищей, которых я когда-либо знал. Я всегда удивлялся его выдержке в сложных ситуациях, которые возникали при доставке нелегальных материалов в тюрьму, и теперь не понимал, как я мог так ошибиться в нем. Вскоре я узнал, почему он так поступил, и понял его.

В декабре 1942 года состоялся процесс. По истечении семи с половиной лет я вновь надел свой гражданский костюм, два надзирателя тщательно обыскали меня, чтобы я не пронес с собой чего-либо недозволенного. При этом надзиратель Линдер заметил: «Не понимаю, зачем они тащат вас в Берлин. Могли бы повесить прямо здесь, на плацу». Я пристально посмотрел на него и сказал: «Вы ошибаетесь, я вернусь».

Он опустил глаза, так как хорошо понял двусмысленность моих слов. К этому времени даже эти служаки начали предчувствовать возможный крах фашистского рейха.

Процесс проводился в то время, когда шла Сталинградская битва. В декабре 1942 года уже в полной мере начала вырисовываться будущая катастрофа войск вермахта. 22 февраля 1943 года остатки фашистских войск в Сталинграде вынуждены были капитулировать. Мне было ясно, что это обстоятельство неблагоприятно скажется на нашем приговоре.

На процессе я увидел Карла. Нас должны были из подследственной тюрьмы Моабит перевести в палату так называемого народного суда на улице Белевю. До прибытия тюремной машины мы, подсудимые, были заперты в маленькие, примыкавшие к одной общей задней стене камеры, отделенные друг от друга металлическими стенками, в которых имелись узкие щели. Рядом с моей камерой поместили Карла. Я наклонился к щели и спросил:

— Карл, как ты мог все это сказать?

Он ответил:

— Это не имеет значения. С фашизмом скоро будет покончено.

Я узнал, что он после своего ареста был спровоцирован. Когда во время его допроса речь зашла о поражении фашистской армии под Москвой, о котором Карл мне общался в письме, гестаповец спросил его:

— Ну ты, наверное, считал, что нам крышка?

В своей безудержной ненависти к фашизму и в надежде, что поражение под Москвой является началом стремительного наступления Советской Армии, он закричал:

— Несомненно! Негодяи, с вами покончено!

Его расчеты, что до процесса со смертным приговором пройдет около года (да еще шесть недель с момента приговора до казни), были в основном верными. Но он ошибся в оценке положения на фронтах, и расчеты его не оправдались. Прошел год, и оставалось всего шесть недель.

Я не удержался, чтобы не сказать:

— Карл, что ты натворил! Война будет продолжаться еще минимум полтора года.

В этот момент надзиратель открыл камеры. Поскольку Карл всегда высоко ценил мое мнение, он и сейчас правильно воспринял мои слова. Он потерял последнюю надежду на то, что поражение фашизма произойдет раньше, чем палачи успеют привести над нами приговор в ис-

полнение. Лицо его стало еще бледнее. Когда я проходил мимо него, он схватил мою руку и пожал ее, как бы прося прощения за все...

Организация процесса против нас была типичной для фашистской юстиции того времени. Наше дело разбиралось вторым составом так называемой палаты народного суда. Процесс начался в отсутствие подсудимых. Мы сидели на большом удалении друг от друга в вестибюле судебного здания. Первым был вызван Карл, затем Георг, потом Алоиз, и наконец дошла очередь до меня. Таким образом, никто из последующих обвиняемых не знал, о чем говорил предыдущий.

Когда я был введен в зал заседаний и посажен на свое место, за мною сел человек, который представился официальным защитником. Этот парень, очевидно, был настолько уверен в вынесении мне смертного приговора, что даже не счит нужным встретиться со мной перед процессом. Единственное, что я ему сказал: «Я защищаю себя сам. Сделайте мне любезность и молчите».

Я отвернулся от защитника. Мой взор скользнул от председателя к заседателям и так называемому имперскому прокурору. К моему удивлению, я узнал в нем следователя, который допрашивал меня в Луккау. Сейчас он был имперским прокурором второго судебного сената.

Это свидетельствовало о том, какое значение придавали фашисты следствию. Очевидно, они догадывались, что между тюрьмами, концентрационными лагерями и лагерями военнопленных существует конспиративная связь.

Я действительно в то время, когда работал в командах, посылавшихся за стены тюрьмы, установил связь с французскими военнопленными и так называемыми иностранными рабочими из Польши. Вначале это были случайные контакты, затем они переросли в организованные. К счастью, во время допросов об этом речь не шла. Мое выступление по обвинительному заключению прошло так, как я его планировал еще в тюрьме. Я отвечал на первый вопрос, и, когда председательствующий намеревался задать мне второй, я уже отвечал на него. Таким образом мне удалось, отвечая на вопросы, высказать свою точку зрения относительно обвинения. Когда я замолчал, председательствующий произнес: «Да, это было не совсем так».

Затем последовали вопросы двух высших офицеров СС, которые выступали в качестве заседателей. Они не

знали в деталях моего «преступления». Мне не составило труда отвечать на их вопросы. Затем допрашивали Карла. Председатель обратился к нему со словами:

— Подсудимый, вы дали на предварительном следствии в отношении стоящего перед вами человека показания, которые в свете обвинительного заключения отягчают его преступления.

И тут Карл доказал, что он настоящий человек. Известно, что утопающий хватается за соломинку. Карл же пренебрег последним шансом на спасение и постарался исправить свою ошибку, чтобы выручить меня.

— Действительно, на предварительном следствии я давал такие показания, но я делал все это для того, чтобы облегчить свою судьбу. Мои тогдашние показания не соответствуют действительности.

Георга он выручил таким же путем.

В судебном протоколе после выступления Карла было записано:

«В процессе судебного разбирательства вскрылись иные картины состава преступления, чем было установлено в ходе предварительного расследования, на результатах которого строилось обвинительное заключение. Подсудимый Форберг отказался от ранее данных им показаний, отягчающих вину проходящих по процессу Каутца и Ханке. В ходе судебного разбирательства Форберг заявил, что показания, компрометирующие этих лиц, были им даны на предварительном следствии, чтобы уменьшить свою вину».

Между Алоизом, работавшим в мастерской по изготовлению корзин и проводившим там политическую работу, и мною непосредственной связи не было. Алоиз ни мною, ни Георгом скомпрометирован не был, однако его действия, определенные обвинительным заключением, были подтверждены.

Приговор гласил:

«В отношении подсудимых:

1. Рабочего Карла Форберга, родившегося 24 февраля 1912 года в Хальденслебене;
2. Рабочего Алоиза Бартошкевича, родившегося 6 апреля 1897 года в Берлине;
3. Каменщика Эриха Ганса Вальдемара Ханке, родившегося 13 января 1911 года в Берлине;

4. Электромонтера Георга Августа Вильгельма Каутца, родившегося 7 октября 1891 года в Берлине, — произведено 3 декабря судебное разбирательство по обвинению их в подготовке государственной измены.

Подсудимые Форберг и Бартошкевич находились под арестом в связи с производством следствия, а остальные подсудимые отбывали тюремное заключение за ранее совершенные преступления.

В судебном разбирательстве приняли участие:

судьи:

председатель — вице-президент народной судебной палаты доктор Гроне;

земельный судебный советник доктор Денглер;

бригаденфюрер СС Баусиус;

группенфюрер СС Петри;

старший районный руководитель Бодинус;

представитель верховного прокурора земельный судебный советник Эммерих;

протоколист секретарь Кениц.

Суд определил:

1. Подсудимые Форберг и Бартошкевич вели в тюрьме коммунистические беседы с целью подстрекательства других подсудимых. Бартошкевич, кроме того, писал письма, которые должны были использоваться для усиления коммунистического влияния. Оба они за подготовку государственной измены приговариваются к смертной казни и лишению гражданских прав. Судебные издержки относятся за их счет.

2. Подсудимые Ханке и Каутц вследствие недостатка улик оправданы. Судебные издержки этих подсудимых принять за государственный счет.

Подписал: доктор Гроне».

После объявления приговора нас отвели в общую камеру. Там мы ожидали транспортную машину, которая должна была отвезти нас в подследственную тюрьму Моабит. Я имел возможность без помех поговорить с Карлом. Он мне сказал:

— Я очень рад, что вы, ты и Георг, не пойдете моим путем. Завтра утром меня уже не будет в живых.

— Почему?

— У меня имеется яд, и я его приму.

Я был ошеломлен и после некоторого раздумья сказал:

— Ты не должен этого делать, Карл. Ты знаешь мои политические взгляды. Крах фашизма неминуем. Кроме того, ты, как коммунист, обязан использовать все возможности. Ты должен, для того чтобы отодвинуть сроки казни, даже подать прошение о помиловании. Ты обязан малейшие шансы использовать для спасения. Пожалуйста, обещай мне это. И если ты погибнешь под топором гильотины, то погибнешь как коммунист.

Он обещал мне это. Спустя шесть недель Карл был казнен в тюрьме в Бранденбурге.

В КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ БРАНДЕНБУРГ-ГЕРДЕН

После процесса я был определен в каторжную тюрьму Бранденбург-Герден. Все возрастающая неустойчивость фашистского режима привела к ряду мероприятий по усилению мер безопасности, осуществляемых правящей кликой. К ним относилось и сосредоточение политических заключенных в особых тюрьмах. Так, все политические заключенные, приговоренные к длительным срокам, из Луккау и других каторжных тюрем были переведены в Бранденбургский централ.

Бранденбургская каторжная тюрьма состояла из четырех корпусов. В корпусах 3 и 4 находились так называемые «безопасники». Это были бывшие уголовники, вновь арестованные нацистами без какого-либо повода и без предъявления каких-либо обвинений. Чтобы освободить место политическим заключенным, «безопасников» направляли в различные концентрационные лагеря и уничтожали их там.

Следующим мероприятием было разделение всех заключенных на различные группы. Людей сортировали по данным личных дел, устным характеристикам, беседам администрации с отдельными заключенными. После такой сортировки определенная категория политзаключенных и уголовников, осужденных за бытовые преступления, была передана в лагеря уничтожения.

Со мною беседовал чиновник лет тридцати пяти. Он, очевидно, являлся представителем новой нацистской политики и своим поведением отличался от гестаповцев. Он не наносил личных оскорблений, держался деликатно, но

с ледяной холодностью. Мне казалось, что он способен решить судьбу человека без малейшего волнения, с абсолютным равнодушием.

На его вопросы, относящиеся к моему прошлому и обстоятельствам моего наказания, я отвечал спокойно. Процесс был позади, и теперь чиновники гестапо могли придирааться ко мне, как им было угодно. После беседы я в течение нескольких недель находился в неведении насчет своей судьбы, но потом стало известно, что акции по проверке закончены.

Тюрьма в Бранденбурге была по сравнению с Луккау, где отсутствовали элементарные санитарные условия, более благоустроенной, но и там условия жизни были ужасными. В камере, куда меня поместили, площадью восемь квадратных метров находились еще три человека. В ней были двухэтажные нары, которые на ночь отодвигались к стене, стол, табуретка и туалет.

Ночью, когда стол убирался, образовывалось свободное пространство, которое полностью занимали нары. Что за атмосфера была в помещении, заселенном четырьмя людьми, особенно зимой, можно себе легко представить.

Питание не отличалось от того, что мы получали в Луккау. Основная масса заключенных, за исключением тюремных служителей, которые находились в несколько лучшем положении, медленно умирала с голоду. Я до сегодняшних дней с ужасом вспоминаю то время, когда мы получали на обед восьмую часть литра воды с капустой и четыре картофелины, из которых часто две-три были черными и несъедобными. Здесь я потерял в весе 45 фунтов. Вследствие крайнего истощения и потери сопротивляемости организма даже легкая простуда приводила к заболеваниям, опасным для жизни.

Двое заключенных, в том числе и я, целый день должны были работать в той же камере, где спали. Ежедневно нам забрасывали большой мешок, набитый грязным, разорванным, окровавленным обмундированием, привезенным с фронта. Материал предназначался для переработки, но предварительно мы должны были его рассортировать и распороть. При этой работе поднимались облака пыли, которая заполняла, как туманом, всю камеру. Мне было ясно, что продолжительная работа такого рода в закрытом помещении при голодной норме питания вконец подорвет мое здоровье.

Но случилось чудо. Создавалась строительная команда в восемьдесят человек, которая должна была на территории тюрьмы, но за ее стенами построить цех для завода Арадо. В этом цехе намеревались производить детали для авиационной промышленности.

Командой руководил старший надзиратель Кесслер, специальные познания которого состояли лишь в том, что он более тридцати лет назад изучал профессию каменщика. В качестве помощника он использовал одного из уголовников — Макса.

Кесслер в общем-то был не злым человеком. Он любил беседовать с заключенными, при этом было психологически интересно, что надзиратель в процессе многолетнего общения с уголовниками перенял их образ мышления и привычки. Так, однажды нам удалось в течение нескольких недель из близрасположенного овощехранилища «организовывать» картофель. Мы просто таскали его оттуда. Это было небезопасным делом. Со сторожевых башен, стоявших по углам тюремной стены, по заключенным, предпринимавшим такие попытки, стража открывала прицельный огонь.

Благодаря картошке я смог в удивительно короткие сроки восстановить свои силы. Постепенно мы приобрели большой опыт в варке картофеля. Подобно индейцам, разжигали огонь так, что он не давал дыма. Когда руководитель колонны случайно узнал о нашем «самообслуживании», его разозлило не столько нарушение тюремных правил, сколько то обстоятельство, что он потерял свою долю. Совершенно очевидно, что он усвоил понятия уголовников о «чести».

Строительство цеха завода Арадо являлось, очевидно, важным в военном отношении, и я думал о том, как бы замедлить работы на нем. К этому делу нужно было подходить с большой осторожностью, так как после прошедшего процесса я, несомненно, находился под подозрением.

Небольшое число коммунистов, которые попали в строительную колонну, по роду работы были разобщены. Влияние на ход строительства я мог оказать лишь в том случае, если бы мне удалось отличной работой завоевать авторитет у руководителя колонны.

Уголовники, назвавшиеся каменщиками и плотниками, имели весьма отдаленное представление об этих профессиях. Я продемонстрировал старшему надзирателю высо-

кое качество кладки, показав вместе с тем, что хорошая работа не может выполняться быстро. Руководитель колонны был от моей работы в восторге. Его реакция была просто забавной. Он ходил от одной группы к другой и рекламировал наши достижения.

Старший надзиратель вскоре установил, что я обладаю познаниями в строительном деле, которые когда-то приобрел в вечерней школе. Я стал вместе с Максом следить за правильностью возведения углов, исправлять ошибки, распределять работу, производить измерения и т. д.

Макс, который до этого являлся правой рукой руководителя колонны, вначале боялся, что я его, как говорят уголовники, «выбью из партии». Однако вскоре у меня с ним установились дружеские отношения, поскольку он убедился, что я таких намерений не имею.

Вопросы увеличения нашего тюремного рациона всегда волновали заключенных. Существовала еще одна возможность несколько улучшить наше питание. Неподалеку от строительной площадки находился скотный двор. Иногда удавалось из запасов корма для скота, которые там имелись, стащить турнепс. Если бы заметили, что мы проносим нашу «добычу» в тюрьму, нас могли посадить в карцер или отобрать ее. Добытую брюкву или свеклу терли и добавляли к нашему водянистому супу, который назывался здесь обедом. Терку мы изготовили из пустой консервной банки, в которой гвоздем набили ряды отверстий.

Старший надзиратель Кесслер ознакомился с личным делом Макса. Однажды утром, только начав работу, мы услышали крик руководителя колонны, причем такой громкий, что он разносился по всей строительной площадке:

— Макс! Наконец-то я знаю, что ты собою представляешь! У тебя семнадцать судимостей! Из них пять за тяжелые телесные повреждения!

Стоявший рядом со мною Макс невозмутимо посмотрел на старшего надзирателя.

— Ну и что? Если кто-то лезет на меня с ножом, что я, не могу дать ему в зубы и разбить морду?

В результате таких объяснений Макс выглядел жертвой обстоятельств и невиновным в совершенных им уголовных преступлениях, состоявших в краже, сутенерстве и нанесении телесных повреждений.

Однако старший надзиратель не удовлетворился ответом. Он часто после этого завязывал с ним спор, длившийся часами. Вся команда с интересом прислушивалась к их дискуссии и конечно же не работала.

Но руководителя колонны это не волновало. Он обычно был так увлечен, что ничего вокруг не замечал.

У Кесслера имелась странная привычка. Если Макс рассказывал ему что-либо, он высовывал язык, который свешивался у него в правом или левом углу рта, и внимательно слушал своего помощника.

Провоцируя Макса на спор с начальником, я тем самым снижал темпы работы.

Макс, который не знал моих истинных мотивов, а видел в моей просьбе лишь желание пошутить над начальником, охотно ее выполнял, в результате 80 заключенных целыми часами в течение ряда дней отдыхали.

Темпы строительства я, кроме того, мог тормозить нерациональной организацией работ. К примеру, распределить исполнителей так, чтобы они практически мешали друг другу; стройматериалы разгружать и укладывать в штабеля с расчетом их перекладки; перерасходовать цемент, в особенности при укладке пола на первом этаже цеха. При этом я никогда не отдавал таких указаний сам, а осторожно намекал на их необходимость старшему надзирателю.

В команде находился испанец, и благодаря моим познаниям в его родном языке мы могли с ним общаться. Я был единственным человеком, с которым он мог разговаривать, и, очевидно, поэтому он чувствовал ко мне привязанность.

Это был маленький, темпераментный и бесстрашный парень. У него постоянно возникали стычки с жестокими и безрассудными уголовниками. Я видел однажды, как испанец принудил к бегству угрожавшего ему уголовника, набросившись на него с лопатой.

В Бранденбурге среди уголовников фактически господствовало право сильного. Сильнейший жестоко и беспощадно вел себя в отношении всех остальных, в особенности если это приносило ему какую-то выгоду.

Пепе являлся участником национально-освободительной войны в Испании, боролся на стороне мадридского правительства, попал в 1939 году в плен к франкистам, был осужден на три года тюрьмы, после чего выслан в

Германию на принудительные работы. За попытку купить на черном рынке продовольствие он был приговорен к заключению в каторжную тюрьму в Бранденбурге.

У Пепе был прекрасный голос, и он пел мне много песен, направленных против фашистского режима.

В команду были включены также около 30 арестантов-евреев. Среди них были ученый, артист и капельмейстер. Несколько месяцев спустя после начала строительства они все были переведены в лагеря уничтожения.

Бранденбургская тюрьма была также местом казней. По приговорам суда здесь вешали, обезглавливали, расстреливали. Число казненных росло из года в год и в 1945 году составляло 40—50 человек в неделю. По имеющимся в настоящее время данным, оно достигло при фашистском режиме 2172 человек в год, из них только 135 уголовников.

В тюремной столярной мастерской изготавливали гробы. Для экономии древесины во время войны гробы использовали многократно. Они служили лишь при транспортировке трупов казненных. После многократного использования эти гробы были измазаны запекшейся кровью в такой степени, что арестанты, исполнявшие обязанности могильщиков, вынуждены были мыть и чистить их. Когда мы шли на работу или с работы, то иногда наблюдали, как они скребками отдирали от гробов сгустки крови.

Обычно палачи работали три раза в неделю. Местом казни служил бывший гараж, примыкавший к бетонированному полотну дороги. Когда наша команда вечерами возвращалась с работы, мы видели у гаража на дороге не меньше дюжины гробов с телами казненных. Перед помещением для казни был изготовлен приемник для стока крови. Но зачастую она лилась прямо через широкие ворота гаража на дорогу.

При моем определении в строительную команду я был назначен в группу, которая работала непосредственно у места казней. Нас отделяла от него только стена.

К ужину казни еще не кончались, и мы с промежутками в 3—5 минут слышали удары топора гильотины. Палачам нужен был этот перерыв, чтобы снять с казненного наручники, раздеть, бросить труп в гроб и вытащить его на улицу.

Так фашисты уничтожили в Бранденбург-Гердене многие сотни отважных людей, боровшихся против режима,

лучших представителей германского народа. Среди них находились товарищи, которые были приговорены к смертной казни за то, что они в каторжной тюрьме продолжали распространять идеи коммунистической партии.

Незадолго до окончания работ для фирмы Арадо на строительную площадку привели товарища Эриха Хонеккера, теперешнего Первого секретаря ЦК СЕПГ. Как специалиста-кровельщика его использовали на завершающем этапе работы — при возведении кровли. Мы помогали друг другу как могли. Я, как было сказано выше, имел иногда возможность доставать из близлежащего овощехранилища картофель. Эрих имел в своем распоряжении при кровельных работах железную бочку, в которой разогревал смолу. В ней можно было также отлично варить овощи.

Если мне удавалось достать картофель, я его мыл, насыпал в старое ведро из-под мармелада и заполнял это ведро водой. В благоприятный момент, когда охрана была чем-либо отвлечена, Эрих спускал сверху канат, к которому я привязывал ведро. Он втаскивал его наверх, а через некоторое время спускал вниз мою долю сваренного картофеля.

Однажды я был особенно удивлен. В болтающемся на веревке ведре я нашел вместо картошки в мундире картофельное пюре, изготовленное с луком и солью. Сейчас жареный гусь — мое любимое блюдо — не приносит мне столько наслаждения, сколько тогда это пюре.

Примерно в 200 метрах от строительной площадки находился тюремный огород. Заключение иногда «собирали» с него урожай, рвали лук и прятали его среди компоста. Эриху удалось достать луку и соли и приготовить вкусную еду.

Но это было счастливой случайностью. Дневной рацион — 300 граммов хлеба на картошке — съедали мы обычно утром. При этом чувство голода у нас не исчезало. Особенно ужасно было вечером. «Горячая пища» состояла из трех четвертей литра водянистого супа. В дни, когда мы получали «холодное питание», нам выдавали 10 граммов жира и 30 граммов резиновой колбасы.

Иногда Эрих или я набирались силы воли и часть от порции хлеба, полученного утром, или картофелину из обеденного рациона оставляли на вечер.

Когда я был переведен в рабочую команду в Берлин, наши пути разошлись.

РАБОЧАЯ КОМАНДА В БЕРЛИНЕ

В октябре — ноябре 1943 года усилились англо-американские бомбардировки Берлина и других городов Германии. Соединения бомбардировщиков в 1000 и более единиц налетали почти ежедневно, даже иногда по несколько раз в день, и сбрасывали на гражданское население зажигательные и фугасные бомбы без всякой военной необходимости. Погибали тысячи детей, женщин и стариков, в то время как военные объекты оставались нетронутыми. Их щадили.

Для устранения последствий бомбежек берлинских тюрем и судебных зданий в каторжной тюрьме Бранденбург была сформирована рабочая команда. Поскольку большая часть работ по строительству цеха для фирмы Арадо была закончена, нас переводили в эту команду.

Среди наших товарищей дискутировался вопрос, целесообразно ли идти в эту команду и использовать возникшую к тому возможность. Часть заключенных придерживалась той точки зрения, что в Берлине жизни рабочих этой команды будет грозить большая опасность, так как работать придется под бомбами, без всяких средств защиты. Другая часть, мнение которой разделял и я, рассматривала также эту возможность. Однако мы полагали, что риск пребывания на месте при определенных условиях еще больший. Крах режима неотвратимо приближался, и мы знали, что фашисты не преминут уничтожить всех политических заключенных.

В такой тюрьме, как Бранденбург, заключенные были фактически беззащитны. Относительно небольшая группа фашистов могла их выгнать под пулеметный огонь на тюремный двор, как это позже и делалось.

В рабочей же команде была относительная свобода передвижения и можно было убежать.

Наши товарищи не пришли к единой точке зрения, и мы решили, что каждый поступит так, как хочет.

В связи с окончанием строительных работ для фирмы Арадо внимание ко мне со стороны старшего надзирателя уменьшилось. Мои знания ему больше уже не были нужны, и он, не раздумывая, согласился удовлетворить мою просьбу о переводе в берлинскую рабочую команду.

Нашим первым заданием были ремонтные работы в подследственной тюрьме Моабит. Ежедневно утром 30 за-

ключенных направлялись в грузовой машине из Бранденбурга в Берлин, а к вечеру возвращались обратно. Дело было зимой. Автомашина хотя и имела брезентовый тент, но не защищала от холода. Мы ужасно мерзли, так как наша одежда, несмотря на мороз, не отличалась от той, которую мы носили в тюрьме.

Питание тоже было скверным, хотя несколько лучшим, чем раньше, поскольку мы сами получали его на всех в Бранденбурге.

Наша работа заключалась в ремонте поврежденных стен, остеклении окон, выбитых взрывами бомб. Через восемь недель у администрации, очевидно, иссяк лимит бензина. Нас перестали возить в Бранденбург и расквартировали в Моабите. Мы экономили таким образом моторесурсы на нашу транспортировку, но лишались ночного покоя, так как в Берлине нас за ночь неоднократно будили сигналы воздушной тревоги.

В первую же ночь после нашего расквартирования в тюрьме Моабит был сильный налет. К этому времени англо-американцы начали применять так называемые авиационные торпеды. По тогдашним понятиям, они обладали чудовищной разрушительной силой.

Позже я видел при дневном налете действие таких торпед. При попадании одна торпеда разрушала три больших жилых дома. Создавалось впечатление, что дома поднимались в воздух и над ними образовывался огненный шар. Помимо разрушений при взрыве этих бомб возникали большие пожары. Дюжина стоявших вблизи зданий получала значительные разрушения и полсотни превращались в нежилое состояние. Развалины обычно долго горели.

После первого воздушного налета я пережил много бомбардировок. Мы, очевидно, находились в полосе налетов англо-американских бомбардировщиков. Только они над нами пролетали, как через несколько минут мы слышали вой бомб. Земля содрогалась, колебались здания. Бомбы падали так плотно, что создавалось впечатление, будто сыплют из мешка картошку.

В нашу камеру, имевшую всего две койки, было втиснуто восемь заключенных. На одной из них расположился я. Моя голова упиралась в стеклянную стенку клозета, а ноги — во вторую койку. Остальные заключенные располагались на матрасах вдоль стен.

Район Моабит, который уже до этого сильно повредили бомбежки, в эту ночь был почти полностью разрушен. «Ковровое» бомбометание вызвало огненный ураган, бушевавший над нами.

Лежа на своих нарах, я опасался, что от сильной детонации стеклянная стенка разобьется и порежет мне голову, поэтому я решил забраться под койку, где было безопасней. Едва мне удалось натянуть одну штанину, как вблизи упала авиационная торпеда.

Это было невероятно, но стены и полы нашего фундаментального здания заколебались, как лодка. Одна торпеда взорвалась в 70 метрах от нашей камеры, две другие в 50 и 40. Удар взрывной волны был настолько силен, что железные рамы окон, забитые досками, были вырваны и отброшены до противоположной стены. Тяжелые двери камеры — сорваны. Одновременно две зажигательные бомбы, пробив потолок, упали у нашей двери. Неподалеку от окна пылал бидон с горючим, пламя из которого долго вздымалось вверх.

Нам казалось, что все строение объято огнем. Но, поскольку бетон не является пищей для огня, зажигалки вскоре погасли.

Тюрьма была построена из крепкого кирпича, камеры отделялись друг от друга фундаментальными стенами, скреплявшими строение в единое целое. Взрывная волна от торпед не могла его разрушить. Тем не менее четырехэтажное строение было сдвинуто с первого этажа по горизонтали на 10 сантиметров.

Другой дом, где размещались комнаты следователей и чиновников юстиции, был так сильно поврежден, что его из-за аварийного состояния вынуждены были отгородить от общего комплекса.

На следующий день мне дали задание сложить стену, чтобы выделить эту аварийную часть здания. В процессе многодневной работы, которая производилась мною почти что без охраны, у меня имелась возможность осмотреть комнаты и письменные столы следователей и прокуроров. В трех столах я нашел протоколы допросов, в которых возбуждалось обвинение в подрыве военной мощи рейха, что неминуемо приводило к смертной казни.

Я рискнул уничтожить эти документы. Порвав их на мелкие клочки, я спустил бумажки в один из еще действовавших клозетов. Ящики столов вытащил и бросил на

пол так, чтобы создавалось впечатление, что протоколы пропали во время бомбежки.

Конечно, тем самым опасность смертных приговоров не была предотвращена, но известная часть времени выигрывалась, а это, в предвидении падения фашизма, могло неизвестным товарищам спасти жизнь.

Несколько дней спустя я исследовал помещения, которые не были аварийными, но находились в сильно поврежденном состоянии. Подойдя к дощатой двери, которая держалась лишь на проволочной петле, я открыл ее и увидел совершенно темное помещение.

Хотя я считал, что после таких разрушений электросеть нарушена, все же нащупал выключатель, повернул его, и, к моему удивлению, в комнате стало светло как днем. Окна были заложены кирпичом. Все помещение было уставлено стеллажами и полками. Здесь находились личные дела следователей и прокуроров с описанием их «заслуг» перед фашистским рейхом. Эти сведения, которые мы захватили в майские дни 1945 года, были для нас весьма полезны.

Несколькими неделями позже наша команда должна была проводить большие ремонтные работы кровли домов недалеко от Потсдамской площади. Руководитель команды гауптштурмфюрер СС Серафин осматривал вместе со мною повреждения.

— Как вы думаете, сможем мы с нашими людьми восстановить крышу? — спросил он.

Я мгновенно вспомнил Эриха.

— Несомненно, но нам нужен кровельщик. Когда мы строили цех для фирмы Арадо, там был хороший мастер, его фамилия Хонеккер.

Так Эрих попал в нашу команду и остался в ней.

Он был хорошим товарищем, и нас связывала тесная дружба. В тяжелых условиях, в которых человеческие слабости и величие познаются быстрее, личность Эриха Хонеккера произвела на меня особо большое впечатление.

Это человек выдающихся душевных качеств. Скромность, справедливость, способность принести на благо народу любую личную жертву, мужество, сила воли и энергия сочетались в нем с большой интеллигентностью, всеобъемлющими познаниями, политическим опытом, ясным взглядом на будущее и упорством. В условиях пребывания в фашистской тюрьме, в процессе многочасовых дискуссий

вырисовывался передо мной прекрасный человек и выдающийся коммунист.

Спустя несколько недель после прибытия Эриха в нашу рабочую команду мы были переведены в тюрьму для женщин и малолетних заключенных в Берлин-Лихтенберг, где нас и расквартировали. Вряд ли в этой тюрьме имелись настоящие преступники.

Особенно мне запомнились три девушки. Шестнадцатилетняя полька, которая с 14- или 15-летнего возраста сидела в тюрьме за саботаж. Вторая, лет двадцати от роду, была осуждена за то, что, работая в теперешнем городе Вроцлаве в качестве надзирательницы в женской тюрьме, доставала заключенным дополнительное питание и медикаменты. Третья арестантка попала в тюрьму за нарушение военно-хозяйственных законов. Она купила на черном рынке масло.

Временно исполняющей обязанности начальника тюрьмы в Лихтенберге была женщина, едва достигшая 25 лет. Ее отец являлся директором тюрьмы на Барнимштрассе. Она безмерно терзала юных заключенных, и по ее рекомендации молодая полька по истечении срока заключения была переведена в концлагерь, где чуть не погибла. После 1945 года, как мне говорили, бывшая начальница тюрьмы вновь получила руководящую должность в Шарлоттенбургской тюрьме (Западный Берлин).

Позже мы прочно обосновались в женской тюрьме на Барнимштрассе. Наши дальнейшие объекты работы до конца войны были в судебной палате на Эльсхольцштрассе, в суде Шонеберг, в так называемой академии германского права против рейхсканцелярии и палате народного суда на улице Белевию.

Нас перевозили под конвоем на метро ежедневно от Барнимштрассе до ближайшего места работы. При разрушенном общественном транспорте мы часто десятки километров маршировали пешком.

Когда наша работа в так называемой судебной палате была закончена, я посмотрел на это место, где были вынесены бесчисленные смертные приговоры и отняты у людей сотни тысяч лет свободы. За исключением небольшой части строений, которая служила для совещания членов суда, весь комплекс зданий был разрушен при бомбежках. Лишь только подвалы уцелели. Там хранилась часть дел судебной палаты. Другая часть была пере-

везена в район Потсдама. Нам удалось дела, хранившиеся на Белевюштрассе, после разгрома фашистов захватить. Судьба дел, перевезенных в район Потсдама, нас не беспокоила, так как они находились в советской зоне.

О женской тюрьме на Барнимштрассе у меня сохранились не менее тяжелые воспоминания, чем о каторжной тюрьме в Бранденбурге. В этом заведении содержались также и подсудимые. Среди них было много немок, француженок и представительниц других стран. Особенно много там было немецких и французских коммунистов, которые принимали участие в движении Сопротивления.

Каждая антифашистская акция в то время каралась смертью. Так, например, медсестра, сказавшая: «Как жаль, что покушение 20 июля не удалось!» — была приговорена к смерти и казнена.

В последние военные полтора года на Барнимштрассе постоянно содержалось не менее 80—100 арестантов, приговоренных к смертной казни, и сотни, ожидавших той же участи. Два раза в неделю в Берлин-Плетцензее к месту казни из тюрьмы отправлялся транспорт с осужденными, но количество ожидавших своей участи не уменьшалось. Число казненных за неделю увеличивалось, а осужденных прибывало еще больше.

Положение приговоренных к смерти отягчалось тем, что они должны были день и ночь пребывать в кандалах, которые снимали только на время обеда.

Бомбежки Берлина продолжались непрерывно, но во время налетов все заключенные должны были оставаться в своих камерах.

Неподалеку от женской тюрьмы на Барнимштрассе во Фридрихсхайне находилась зенитная батарея. Когда атакующие самолеты попадали в зону ее огня, они беспорядочно сбрасывали бомбы и быстро набирали высоту. Вследствие этого степень разрушения в этой зоне была необыкновенно высока.

Удивительно, но женская тюрьма, не считая зажигательных бомб и разрушений наружных стен, прямых попаданий до нашего прибытия не имела. Но однажды нам пришлось пережить особо тяжелый налет. Мы ушли, как обычно, в подвал, который, хотя и не был приспособлен под бомбоубежище, все же мог защитить от обломков рушащихся зданий.

В этот день, откровенно говоря, меня охватил такой страх, что я просто не мог его побороть. Кроме того, я был потрясен виденным накануне. Сестра одной из надзирательниц погибла во время налета в бомбоубежище. Мне предстояло расчистить развалины, чтобы можно было идентифицировать погибших. В убежище находилось около 80 трупов. Перекрытия подвала сохранились, но тепловая энергия взрыва была достаточно велика. Когда мы проникли в подвал, то увидели груды обуглившихся тел высотой более метра. Забыть это я никак не мог.

В грохоте многих разрывов я услышал вой бомбы. Один из заключенных со страхом закричал:

— Это наша!

Я полагал, что бомба, вой которой слышен, так же мало опасна, как и просвистевшая пуля. Однако это было ошибкой.

К счастью, вокруг нас находились лишь служебные здания. Как нам позже стало известно, бомба примерно в две тонны весом, пробив наружную стену, взорвалась во втором этаже трехэтажного строения. Находящаяся над нами часть здания рухнула. Перекрытия были разрушены, но подвальное помещение, несмотря на образовавшиеся в нем большие трещины, выдержало удар.

Пыль затрудняла дыхание. Мы расчистили эту часть строения, не трогая развалин.

Женщины, заключенные в камерах, находились не в этом блоке. Если не считать ранений от осколков оконных стекол, они не имели потерь. Многие из них в дикой ярости барабанили по дверям кулаками. После этого начальница тюрьмы решила при налетах выводить арестанток из камер в подвал. Делать это было приказано нам.

Налеты тем временем все усиливались, бомбы постоянно рвались в непосредственной близости от тюрьмы. Из заключенных нашей рабочей команды мы обычно образовывали цепь и выстраивались от камер до подвала, чтобы в панике выбегавшие женщины не свалились с лестницы.

Участившиеся бомбардировки ставили перед нами, политическими, серьезную проблему. Мы думали: допустить, чтобы тюрьма сгорела или нет? Взвесив все, решили, что нет.

Во-первых, при пожаре тюрьмы заключенные женщины попали бы в еще более бесчеловечные условия, чем здесь. Во-вторых, для нашей команды это означало бы

возвращение в каторжную тюрьму в Бранденбург, потерю возможности свободно передвигаться и организовать побег, время для которого мы должны были при определенных условиях установить.

С учетом всего этого мы, трое политзаключенных — Эрих Хонеккер, Герт (его фамилия не сохранилась в памяти) и я, — взялись за обезвреживание зажигательных бомб.

С начала 1944 года дело это стало весьма опасным, так как американцы и англичане, для того чтобы воспрепятствовать выбрасыванию зажигалок с чердаков и из окон, стали снабжать их детонаторами, которые взрывались в различное время после падения.

Приближение к такой зажигалке было весьма опасным. Мы решили этот риск уменьшить за счет быстроты удаления бомбы и взялись за это дело.

Начальник тюрьмы, которому не были известны истинные причины нашего смелого решения, намеревался использовать его в своих целях. Он распорядился, чтобы я находился в бомбоубежище вместе с охраной. Себе в помощь я мог взять из рабочей команды еще двух заключенных. Очевидно, начальник рассчитывал на то, что три опытных и смелых человека смогут с большим успехом обеспечить его безопасность и помочь выйти из засыпанного подвала.

Я выбрал Эриха Хонеккера и одного уголовника, который так же, как и я, работал в команде каменщиков. Герт, наш третий коммунист, тем временем в связи с предстоящим освобождением по отбытии им срока заключения был возвращен в Бранденбург.

Заместительница начальника тюрьмы относилась к заключенным лучше, чем ее шеф и его помощники. Она была очень осторожна, но сочувствовала нам и лично мне оказывала много послаблений.

Ее квартира находилась внутри тюремного комплекса на Барнимштрассе и прилегала к Вайнштрассе. У нее имелась очень большая библиотека, где была литература на английском и французском языках. При наличии времени я мог из числа имеющихся там книг сам выбирать нужные мне. Кроме того, она часто покупала выходящую в Берлине официально газету на французском языке, и я, таким образом, имел возможность совершенствовать свои познания во французском и английском языках.

Следующий случай характеризует заместительницу начальника тюрьмы. Однажды во время мощного дневного налета окрестности тюрьмы были сильно разбиты. Дома, особенно на Вайнштрассе, пылали. Пламя так бушевало, что горящие хлопья перелетали через улицу и попадали на административный корпус тюрьмы и частные квартиры ее служащих. Чтобы воспрепятствовать распространению огня, нашей команде было приказано стоять на страже в качестве пожарных. Я был выделен охранять квартиру заместительницы начальника тюрьмы. Мы с нею стояли в соседних комнатах, отделенных лишь открытой дверью, и пытались не пропустить ни одной искры.

Противостоящие дома постепенно, этаж за этажом, выгорали. Жильцы до самой последней минуты пытались спасти что-либо из своего имущества. Строения горели уже давно и, по моему мнению, скоро должны были рухнуть. Люди, очевидно, это знали и перестали предпринимать попытки спасти из нижних этажей мебель и другой скарб. Дым поднимался клубами. Внезапно я с ужасом увидел, как пожилая женщина и вслед за нею две молодые девушки кинулись в подъезд, вероятно, с целью что-то спасти из квартиры на первом этаже. Я с беспокойством ожидал их возвращения. Спустя десять минут я спросил заместительницу начальника:

— Вы видели, как старуха и девчонки вбежали в дом?

— Да.

— Они там погибли! В любой момент может обвалиться крыша! Разрешите мне пойти и вытащить их!

— Нет.

— Но вы же видите, они сгорают. Очевидно, они потеряли сознание. Для них нет спасения!

— Понятно, но вы погибнете тоже.

Вскоре потолок рухнул. Спустя несколько дней я узнал, что при пожаре погибло три человека.

Как-то мне повезло, и я нашел в развалинах учебник русского языка. Он был издан фашистами для общения с рабочими, вывезенными из СССР. Условия для изучения, несмотря на бомбежку, были на Барнимштрассе более благоприятные, чем в Луккау. В своей камере я мог заниматься, и мне никто не мешал.

В тюрьме на Барнимштрассе имелись также две надзирательницы, которые нам симпатизировали. Одна была берлинка, это можно было заметить по ее выговору. Как

только заканчивалась работа в камерах смертников, если позволяли условия, она звала меня.

В рабочей команде у нас было два француза. Имелись строгие указания не допускать их в камеры, где сидели французенки. Поскольку я мог объясняться по-французски, она часто говорила:

— Эрих, найди-ка сюда.

Мне помнится, что около 300 французов, приговоренных к смертной казни, являлись коммунистами, борющимися в движении Сопротивления. Они были храбрые, стойкие люди. Ни один человек в самом отчаянном положении не теряет надежды. И каждый раз, когда я заходил к ним в камеру, мне задавали один и тот же вопрос: «Скоро ли конец фашизму?»

Конец фашизма был уже виден, но для этих осужденных все еще в далекой перспективе. Кроме того, после шести недель их передавали в руки палачей. Для многих до этого момента оставались считанные недели. У меня сердце обливало кровью, но я не мог сказать им ничего обнадеживающего. Обычно транспорты с Барнимштрассе к месту казней Берлин-Плетцензее отправлялись после обеда. Однажды я видел на тюремном дворе, куда я вышел под предлогом размешать известковый раствор, как выводили 12 женщин. Их вели под конвоем через ворота тюремного корпуса во двор. Был чудесный летний день. Солнце ярко светило, небо было синим, и в нем плыли лишь отдельные белые облачка.

Осужденные должны были поодиночке спускаться по лестнице в десять ступенек и затем идти около шести метров к автомашине. Реакция у всех была примерно одна и та же, в наручниках они медленно спускались вниз.

Их взгляд поднимался к солнцу, останавливался на облаках. Они жадно вдыхали свежий воздух и в последний раз любовались природой. Затем их взор скользил вдоль здания и переходил на унылый тюремный двор.

На нижней ступеньке они замечали меня. Легкая усмешка скользила по лицам некоторых. Другие кивали мне или говорили:

— Прощай.

Ни одну из них не покидало мужество, и все они проходили этот путь молча. Мое сердце сжималось. Мне хотелось кричать, и я должен был мобилизовывать все свое самообладание, чтобы не выдавать своих чувств.

Много ужасного я видел за годы, проведенные в тюрьмах. Но эта картина потрясла меня. Моя ненависть к фашистским убийцам, уничтожившим лучших людей своего и других народов, вспыхнула во мне с еще большей силой.

Позднее, чтобы не привлекать внимание, отправка транспортов была перенесена на четыре часа утра.

Однажды я проснулся в это время. Сквозь закрытые окна камеры я услышал зов: «Фридочка! Фридочка!» Никто не ответил, тогда зов повторился. Он раздавался из этажа, расположенного под нами, где находились камеры смертников. Наконец Фрида откликнулась. Звавшая Фриду крикнула: «Прощай! Только что мне объявили! Через несколько минут меня увезут!»

К смерти приговаривались и девочки, почти дети, и глубокие старухи. Я разговаривал с 15-летней девочкой, которой предстояло идти на эшафот, и семидесятилетней женщиной, которую ожидала та же участь. Старая женщина и ее муж укрывали от гестапо в своей квартире борца движения Сопротивления. Впоследствии, в 1943 году, по соображениям безопасности он укрывался в семье ее сына и замужней дочери. Фашистский шпик заметил в доме коммуниста, и старуха с мужем были арестованы. Коммунисту удалось бежать. Под пытками в гестапо старики сознались, что коммунист жил также и у их детей. Еще две семьи были схвачены.

Когда мне удалось впервые поговорить с этой старой женщиной, она мне сообщила, что судить мужчин и женщин будут отдельно. Судя по всему, можно было предположить, что женщин смертный приговор не ожидает.

После процесса я вышел на тюремный двор и через слегка приоткрытое окно камеры спросил одну из женщин:

— Какой приговор?

— Всем нам смертная казнь. — И после короткой паузы промолвила: — Так лучше. Сегодня стало известно, что наши мужья первым заседанием суда были приговорены к смертной казни и уже казнены. А мы полагали до сих пор, что суд над ними еще не закончился. Мы только в конце первого дня процесса имели возможность поговорить с ними, и они ничего не сказали нам о смертном приговоре для них всех. Они не хотели делать наше положение еще более тяжелым.

Чем ближе был конец фашизма, тем сильнее бесчинствовали убийцы. Они ежедневно убивали тысячи людей, чтобы отодвинуть хотя бы на несколько дней свою гибель.

НЕУДАВШИЙСЯ ПОБЕГ

Для Эриха Хонеккера и меня, хотя мы и продолжали оставаться во внешней команде, опасность возрастала. Эрих и я неоднократно обсуждали создавшееся положение. В то время мы могли относительно легко бежать из команды. Трудности возникали лишь с продовольствием и подысканием убежища, тем более что частые бомбежки весьма обострили жилищную проблему.

Особенно угрожающим было то обстоятельство, что Берлин все более и более становился похож на крепость или военный лагерь, в котором свирепствовали военные и полицейские власти, вылавливавшие дезертиров.

Город был разделен на оборонительные секторы. На улицах воздвигнуты баррикады, противотанковые препятствия, доты, дома превращены в крепости. Военнослужащие и гражданское население обязаны были вести подготовку к уличным боям и «обороне каждого дома». Бои также планировались под землей с использованием метро, канализации и кабельных туннелей. Фашистский план обороны предусматривал использование каждого квартала, каждой улицы, каждой площади и практически каждого дома и моста. Танки, которые нельзя было использовать по прямому назначению, зарывали в землю на перекрестках и у мостов.

Поэтому наш план состоял в том, чтобы оставаться в рабочей команде до тех пор, пока возможно, поскольку это обеспечивало нам существование, но ни в коем случае не ожидать, пока нас уничтожат.

Мы основательно готовились к побегу. Поскольку в бранденбургской тюрьме нам выдали одежду и ботинки, нам удалось с помощью товарищей добыть рабочие куртки без желтых полос на рукавах и шапки. Я достал иглки, нитки, булавки и собрал запас сигарет, которые нам иногда давали гражданские лица. Эти сигареты мы намеревались использовать для обмена на продукты, их у нас набралось около 200 штук. Я их хранил у себя в камере под матрацем. К сожалению, они были обнаружены руко-

водителем команды гауптштурмфюрером СС Серафином при очередном обыске.

Это был для нас тяжелый удар. При нашем побеге проблема питания являлась решающей, поскольку берлинское население голодало и на черном рынке буханка хлеба стоила 200, а сигарета 5 марок. Мы с Эрихом были единого мнения о том, что в этих условиях мы не смогли бы продержаться более чем 8 недель. Выбор времени побега для нас поэтому являлся жизненно важным.

В начале февраля 1945 года войска Красной Армии достигли Одера и образовали на западном его берегу у Кюстрина плацдарм. Мы рассчитывали, что Советской Армии потребуется 4—6 недель, чтобы разбить находившиеся на западе от Одера фашистские армии и предпринять наступление на Берлин, которое должно было принести нам освобождение. По нашему мнению, ей потребовалось бы еще четыре недели для форсирования Одера и взятия Берлина.

Хотя Берлинская операция длилась не многим более 16 дней и осуществлялась стремительнее, чем мы предполагали, все же, с учетом наших ограниченных возможностей, сроки взятия Берлина были рассчитаны нами правильно.

После форсирования Одера Советской Армией наше нервное напряжение достигло кульминации. Мы ежедневно советовались, не наступило ли время побега из рабочей команды, и с напряжением следили за гауптштурмфюрером СС, не готовит ли он нашу отправку. Чем ближе к концу февраля, тем серьезнее было наше намерение бежать.

Заместительница начальника женской тюрьмы на Барнимштрассе к этому времени сообщила мне, что из генеральной прокуратуры, которой подчинялась наша команда, пришел запрос о нашей политической благонадежности. Серафин отказался дать нам положительную характеристику. Когда я сказал об этом Эриху, тот заявил: «Теперь дискуссии излишни. Нужно бежать».

Еще до этого нам было ясно, что в предвидении предстоящего военного поражения вермахта гауптштурмфюрер сделает все, чтобы нас как можно быстрее убрать: он знал, что мы за бесчеловечное отношение к другим заключенным привлечем его к ответственности. Однако возмож-

ность побега из команды в это время была неблагоприятной.

Когда же мы получили от заместительницы начальника тюрьмы информацию, положение полностью изменилось. С работы нас, пешком или на метро, отправляли обычно в женскую тюрьму на Барнимштрассе под охраной.

В пути условия для побега из команды были весьма неблагоприятными. В тюрьме они были не лучше. Свободно передвигаться без объяснения этого какой-либо работой было там невозможно.

Мы лихорадочно искали выход из создавшегося положения. Мне вспомнилось, что примерно девять месяцев тому назад, когда наша команда работала непосредственно в тюрьме, я должен был из подвала, служившего бомбоубежищем, пробить наружу дверь и сделать лестницу, которая вела в прилегающий сад. В сделанный проем была вставлена дубовая, обитая железом тюремная дверь. Когда я в ту пору заделывал над ней железную балку, то уложил ее несколько выше, и там образовалось свободное пространство. Я посмотрел тогда на свою работу, и мне пришла в голову мысль: «Для заключенного, намеревающегося бежать, здесь была бы хорошая возможность».

То, что это может пригодиться мне, я тогда не думал. Наша команда часто меняла место работы, и трудно было предугадать, что в тот момент, когда мы решим бежать, нас будут еще держать в женской тюрьме.

Удивительное совпадение, но помимо всего прочего побег облегчался тем, что я в тот день работал в подвале.

Другая часть команды, в которую входил Эрих, находилась в это время на крыше, выполняя ремонтные работы после последнего воздушного налета.

В обед я встретился с Эрихом и сообщил ему о своих соображениях — снять в подвале дверь и бежать. Он тотчас же согласился, и мы решили осуществить наш план на следующий день до обеда, часов в 11. Могли возникнуть трудности. Если петли двери хотя бы на миллиметр окажутся больше оставшегося сверху проема, дверь открыть будет невозможно. Я пытался его измерить, но не смог, и угроза неудачи по этой причине была вполне реальна. Кроме того, в подвал в момент, когда там появится Эрих, может зайти руководитель колонны, и, на-

конец, Эриху какие-либо обстоятельства могут помешать спуститься ко мне.

Но нужно было действовать. Во время моего пребывания в тюрьмах я был знаком со многими уголовниками и беседовал с ними на разные темы. Это было не только праздное любопытство и стремление скоротать тюремное житье-бытье, но и возможность изучать психологию людей, ставших по различным социальным причинам сутенерами, мошенниками, квартирными ворами.

Некоторые категории этих преступников, в особенности квартирные воры и медвежатники, располагают по своей «профессии» большим объемом познаний. Они меня научили, например, как открывать двери домов.

Теперь я должен был применить полученные знания на практике. Вечером мы с Эрихом тщательно обсудили все детали побега.

Предстоящую ночь нужно было спать, чтобы успокоить нервы перед напряженным днем. Но заснуть я не мог. Мне был слышен бой часов на колокольне ближайшей церкви. Пробило 22 и 23 удара.

Мысленно я перенесся на девять лет и семь месяцев назад. У церкви, расположенной в 70 метрах от женской тюрьмы на Вагнерплац, откуда сейчас доносились удары часов, я был арестован гестапо.

Это был бы любопытный случай, если бы я на том же самом месте, на котором меня арестовали, вновь стал свободным.

Успех нашего предприятия я оценивал в 50 процентов. Как могут сложиться обстоятельства после побега, трудно было предвидеть. Однако все должно было удалиться, ведь ставкой была наша жизнь.

Полночный бой часов я уже не слышал, так как крепко заснул и спал без сновидений. На следующее утро я чувствовал себя свежим и отдохнувшим.

В семь часов в тюрьме началась работа. С нетерпением я ожидал 11 ударов церковных часов. Едва они пробили, как на подвальной лестнице появился Эрих. Он, как было условлено, ждал у входа.

Я взял инструмент: длинное зубило и молоток. Зубило поддел под дверь, а молоток использовал в качестве опоры. Образовался рычаг, которым я хотел снять дверь с петель. Другая сторона двери держалась на замке. Нужно было надавить на плечо рычага с такой силой, чтобы

тяжелая, окованная железом дубовая дверь вместе с железной рамой вывернулась, как сигарная коробка без дна и крышки. Мой нажим на рычаг подействовал, и дверь начала миллиметр за миллиметром подниматься.

Я перевел дух. Сомнения в том, что мои усилия окажутся недостаточными, отпали. С каждым новым нажимом на зубило дверь подавалась. Наконец осталось два или три сантиметра. Когда дверь уже почти была снята, что-то вдруг заело.

Мне стало страшно. Неужели оставшийся отрезок штыря не пустит петлю и все сорвется?

Вновь я напряг все свои силы, чтобы поднять дверь еще выше. Она подалась, и я заметил, что мне удалось ее снять с петли. Схватив ее правой рукой за ручку, левой я прижимал ее к петлям. Мне удалось освободить дверь от замка. В целях безопасности я хотел вновь навесить дверь, выяснить обстановку, а затем исчезнуть вместе с Эрихом.

Эта операция была не проще предыдущей, петли от нажима несколько перекошились, да и дверь весила почти центнер.

Я полностью полагался на Эриха, который стоял на страже. Мое дело — открыть дверь.

Хотя в период работы в команде нас кормили более или менее сносно и я был в полной силе, тем не менее оказалось очень тяжело удерживать массивную дверь в узкой щели и весьма сложно навесить ее вновь на петли.

Неоднократно она у меня выскальзывала из рук, но я продолжал работать. Наконец через некоторое время, показавшееся мне вечностью, петли скользнули на штыри. Я закрыл дверь и повернулся к Эриху.

С первого этажа в подвал вела лестница с промежуточной площадкой. Из подвала до площадки было сравнительно немного ступенек, а от площадки до первого этажа их было значительно больше. Если кто-либо спускался вниз, то его в подвале не было видно до тех пор, пока он не доходил до площадки. Это было для нас весьма неудобно. Но изменить что-либо мы не могли.

Когда я вновь повесил дверь на петли, а Эрих уже собирался спуститься ко мне, из-за угла неожиданно вышел старший надзиратель женской тюрьмы. Он прошел мимо Эриха и спросил меня:

— Что вы, собственно, здесь делаете?

В то время во всех женских тюрьмах обязанности надзирателей уже исполняли женщины, только старшими надзирателями оставались мужчины. И вот один из таких старых служаек стоял передо мною. Между Серафином и старшим надзирателем Зоннабендом, насколько мне было известно, личных симпатий не было. Наша команда непосредственно управлялась ведомством генерального прокурора, и с администрацией тюрьмы мы ничего общего не имели. Тем не менее Зоннабенд знал нас в течение многих месяцев. Ему было известно, что мы иногда пользовались относительной свободой и при желании могли без труда бежать.

На его вопрос я без запинки ответил:

— Вы же видите, прилаживаю дверь.

Он с изумлением посмотрел на меня, и, очевидно, ему в голову не пришло, что мы хотели бежать.

— А если девушки зайдут в подвал и увидят отпертую дверь? Они же смеются!

Непосредственно над нами находилась тюремная кухня, а в другой части подвала хранился картофель и другие овощи. Поэтому заключенные периодически вынуждены были спускаться в подвал.

Я ответил:

— Пока мы здесь, господин старший надзиратель, никто не уйдет.

— Но эту дверь вчера я лично запираю на замок! — произнес он.

— Это так, но вы закрыли замок мимо гнезда. Посмотрите, он закрыт, но не попал на свое место.

— Действительно, я повернул ключ, открыл дверь, затем вновь ее закрыл, — промолвил старший надзиратель.

Очевидно, у него даже не возникло подозрений, что мы готовили побег, и создавшаяся ситуация беспокоила его лишь постольку, поскольку она могла быть использована девушками.

Я посмотрел на Эриха. Он круто повернулся и пошел на свое рабочее место. Старший надзиратель тоже ушел, бормоча себе что-то под нос.

СПУСТЯ 24 ЧАСА

Я вновь остался один в подвале. С одной стороны, я был доволен, что все обошлось так благополучно. При-

ди старший надзиратель немного раньше, события имели бы для нас серьезные последствия.

С другой стороны, мы остались сидеть в тюрьме и не имели возможности выбраться из нее.

Немного успокоившись, я начал исследовать подвал, отыскивая другие возможности побега, и нашел одну из них. В подвале, куда я имел доступ, имелось окно. Оно выходило на улицу и было забрано железными полосами и штангами, закрывающимися на четыре замка. С помощью имевшихся у меня инструментов я мог открыть замки, отогнуть пластины и вылезти на улицу. Однако это было весьма опасное мероприятие, поскольку подвальное окно находилось в непосредственной близости от главного входа под служебными помещениями. От тротуара до подоконников этих помещений было около полутора метров. Вследствие этого нам предстояло, после того как мы вылезем из подвала, дальше продвигаться ползком. Кроме того, в момент нашего побега кто-либо из персонала тюрьмы мог появиться у главного входа.

Я взвесил все «за» и «против». Бежать через окно было значительно рискованнее. Но поскольку другой возможности не было, я решил воспользоваться этим способом.

В обед мы побеседовали с Эрихом. Я рассказал ему о новом варианте со всеми его отрицательными и положительными сторонами. Он сказал: «Мне кажется, имеется лучший путь. Мы можем исчезнуть через крышу».

Его предложение показалось мне достаточно реальным, но практическое осуществление его тоже грозило опасностями, хотя и меньшими, чем в моем варианте. Во всяком случае, нужно было действовать. Терять нам было нечего.

После работы мы еще раз обсудили наш план. Причем беседовать приходилось очень осторожно, поскольку все 30 человек рабочей команды ночью находились в общей камере.

Неудача предыдущей попытки не обескуражила нас с Эрихом, и мне удалось в эту ночь крепко заснуть.

На следующее утро с началом работы мое напряжение росло с каждой минутой. Я ждал 11 ударов церковных часов.

В тот день, это было 6 марта 1945 года, гауптштурм-фюрер СС прикрепил ко мне в качестве подручного за-

ключенного-голландца. Я должен был ему объяснить мое отсутствие и обеспечить, таким образом, максимальный отрезок времени, когда бы меня не искали. Когда пробило 11 часов, я сказал:

— Иоганнес, если придет старик (так мы называли Серафина) и будет меня спрашивать, скажи ему, что я на минутку отлучился.

Таким образом, мой подручный должен был подумать, что мне нужно встретиться с кем-то из заключенных.

Затем я поднялся по лестнице на чердак. Подходящее объяснение моего появления в этой части тюрьмы на случай встречи там гауптштурмфюрера СС было заблаговременно продумано. Выйдя на чердак, я окинул взором все помещение. Серафина там не было. Заключенные, которые должны были разбирать на чердаке разбитую черепицу, грелись у огня, горевшего в большой бочке. Был чудесный солнечный, но прохладный день.

Несмотря на то что мои мысли были сконцентрированы на предстоящем побеге, мне вспомнился хороший друг, который вот в такой же ясный день 6 марта 1930 года был во время демонстрации убит выстрелом полицейского в спину.

Забравшись вверх по стропилам крыши, с которой при бомбежке была сброшена вся черепица, я побежал по коньку к крыше примыкающего к тюрьме частного жилого здания.

Женская тюрьма находилась между Магдаленен и Альфредштрассе и выходила фронтоном на улицу. В направлении на Франкфуртераллее она граничила с трехэтажными жилыми домами. Административное здание, по коньку которого я бежал, было двухэтажным. С крыши этого здания вдоль стены жилого дома поднимался громоотвод.

У меня с собой было ведро, в котором находились длинное зубило, молоток, веревка и дневной рацион хлеба.

Дойдя до громоотвода, я привязал один конец веревки к поясу, а другой прикрепил к дужке ведра и полез по громоотводу вверх на крышу жилого дома. Взобравшись на нее, я подтянул к себе ведро с инструментом. Оно должно было служить на улице маскировочным средством, свидетельствующим, что мы идем куда-то на работу. Кроме того, инструмент и веревка могли пригодиться при непредвиденных обстоятельствах.

Эрих тоже не мешкал. Едва я поднял ведро, как он уже карабкался ко мне на крышу по громоотводу.

Риск нашего предприятия был весьма велик. Начальник команды мог появиться в любую минуту. 27 заключенных безмолвно, с удивлением смотрели на наши действия. Для них это было полной неожиданностью, на что мы и рассчитывали. Кроме того, наши «упражнения в лазании» могли заметить с улицы, с тюремного двора, из любого окна, выходявшего в нашу сторону.

Я не дожидаясь, пока Эрих поднимется, отыскал слуховое окно, открыл его и спрыгнул на чердак. Эрих последовал за мной. Я думал, что окно будет заперто, и намеревался сбить замок молотком, но это не понадобилось.

Мы быстро спустились по лестнице на площадку верхнего этажа и внезапно увидели перед собою девочку лет пятнадцати. Она заметила, что мы хотим пройти в соседний разбитый бомбой дом на Альфредштрассе, и сказала:

— Здесь вы не пройдете.

— Это уж наше дело, — ответил Эрих.

Когда мы вышли на Альфредштрассе, я предложил пойти в направлении Франкфуртераллее. Наш маршрут перед этим мы детально обсудили. Я вырос в Берлин-Лихтенберге и знал не только каждую улицу, но почти каждый дом в этом районе. Однако мы сомневались, идти ли нам через Франкфуртераллее — главную улицу, на которой было сильное движение, или через Вагнерплац.

Большинство надзирательниц тюрьмы проживало в прилегающих улицах, и поэтому Эрих согласился с моим предложением уходить от тюрьмы по Франкфуртераллее. Мы рассчитывали на то, что никто не примет нас за беглецов, так как вряд ли кто решится в тюремной одежде использовать для побега оживленную улицу.

Тюрьма находилась примерно в середине между Франкфуртераллее и Вагнерплац. Едва мы прошли 30 шагов, как Эрих внезапно произнес:

— За нами идет надзиратель.

Между тюрьмой и церковью находилось здание Лихтенбергского суда, и надзиратель, очевидно, входил в состав юридического персонала. Он должен был заметить, что мы идем без конвоя. Его, вероятно, ввело в заблуждение ведро с инструментом, которое мы несли, и он решил, что мы где-то поблизости ведем работы.

Мы с Эрихом перешли, как договорились, одновременно наискось через улицу и вошли в вестибюль жилого дома. Слева и справа на лестнице, которая вела на первый этаж, стояли толстые колонны, за которыми можно было спрятаться. Я вынул зубило из ведра и подготовился встретить надзирателя. На другой стороне его ждал Эрих.

Я решил оглушить полицейского сильным ударом и завладеть его оружием. Понятно, что Эрих был готов прийти мне на помощь. В сильном волнении я ожидал появления надзирателя в вестибюле.

Проходили минуты. По моим расчетам, он уже давно должен был быть здесь. Очевидно, того же мнения был и Эрих, потому что он осторожно начал продвигаться к двери. Я же застыл на месте. Эрих выглянул за угол и сказал:

— Улица свободна. Вероятно, мы не вызвали подозрения.

Мы вышли к Франкфуртераллее. Увидев ее, мы испугались.

За день до этого значительная часть улицы была превращена бомбежкой в развалины, и сейчас вдоль нее на удалении пяти метров друг от друга сотни полицейских и солдат расчищали развалины.

Я не мог себе простить, что, зная ранее об этом, предложил маршрут через эту улицу.

Мы, конечно, не могли стоять, не вызывая подозрения, и поэтому двинулись по прогулочной дорожке в направлении станции метро Лихтенберг-Фридрихсфельде.

Нам хотелось броситься бежать, так как, по нашим расчетам, за нами уже должна была быть направлена погоня, поскольку побег, очевидно, обнаружили.

Полицейские и солдаты смотрели на нас. Мы пытались держать себя непринужденно, ухмылялись. Полицейские и солдаты тоже улыбались и пропускали нас, не задерживая. Каторжная одежда, испачканная строительным раствором, ведро с инструментами и наше спокойное поведение не вызывали у них никакого подозрения.

Первоначально мы хотели на некотором удалении от тюрьмы спрятаться в развалинах. В связи с возникшей обстановкой это стало невозможным. Там, где были развалины, работали команды по их расчистке. В неповрежденных домах мы вряд ли могли найти убежище. Нам

ничего не оставалось, как подняться по Франкфуртер-аллее.

Достигнув Зигфридштрассе, мы повернули налево. Она была почти безлюдной. Мы ускорили шаг. Недалеко находился дом моей тети, и я хотел вместе с Эрихом зайти к ней.

Мы прошли около 100 метров и увидели молодую женщину, которая шла нам навстречу. Я посмотрел на нее и подумал: «Я ее знаю». Она тоже с удивлением посмотрела на меня. Я уже прошел несколько шагов мимо, как вдруг вспомнил.

— Элла!

— Эрих!

Это была моя школьная подруга, коммунистка. Я ее последний раз встречал незадолго до своего ареста. Она тогда находилась на нелегальной партийной работе.

Я сразу подумал, что теперь помощь нам обеспечена. Однако чтобы убедиться в этом, я задал ей несколько вопросов и узнал, что ее муж погиб под Сталинградом, квартиру разбомбило и она с детьми проживает у родителей мужа. В связи с этим обстановка для нас у нее явно неблагоприятна.

Поскольку нам нельзя было терять времени, я распрошлся с ней, и в этот момент к нам подошла какая-то женщина, посмотрела на нас с изумлением и спросила:

— Что это у вас за форма?

Этот вопрос часто задавали нам, когда мы в переполненном вагоне метро ездил под конвоем на работу или возвращались вечером обратно.

Многие не имели понятия об одежде для заключенных каторжных тюрем. Черная тиковая роба с широкими желтыми лампасами и желтыми полосами на правом плече мало кому была известна. Однажды, когда я только что получил новую «экипировку», меня конвоировал надзиратель. На вокзале Зоо какой-то очумелый нацист принял меня, очевидно, за генерала. Он выкинул на фашистский манер руку и прорычал:

— Хайль Гитлер!

На вопрос женщины Эрих ответил:

— Мы из цирка.

Несмотря на серьезность положения, в котором мы находились, мы от души смеялись, продолжая свой путь.

Я еще раз оглянулся и увидел, что Элла все еще стоит

как вкопанная на том же месте. За время нашей короткой беседы у нее даже не было времени подумать. И теперь, как говорят, у нее начало проясняться в голове.

10 лет спустя я вновь случайно встретил ее на Александерплац, и она спросила:

— Скажи, на тебе тогда была не одежда ли каторжанина?

До квартиры моих тети и дяди было около 800 метров. Она находилась на Вотанштрассе, 8, у Фреяплац. Я не надеялся получить у них серьезную помощь, хорошо зная, что мой дядя, хотя и не был нацистом, пойти на какой-либо риск не сможет. Но я надеялся по крайней мере добыть у него гражданскую одежду. Помимо того было необходимо исчезнуть с улицы.

Сейчас важно одно — цел ли дом моих родственников и живы ли они сами.

Мы почти пересекли Фреяплац, как я заметил их дом. Он не был поврежден.

Мне стало не по себе, когда я из указателя имен жильцов, так хорошо в прошлом мне известных, узнал, что мои дядя и тетя еще живут там.

Я позвонил. Дверь открыла девочка лет четырнадцати. Она смотрела с изумлением и даже испугом. В нашем одеянии мы действительно не могли вызвать доверия. Эту девочку, как я узнал позже, дочь моей двоюродной сестры, я видел последний раз, когда ей едва минул годик. Чтобы ее успокоить, я быстро спросил:

— Дома дядя Лео и тетушка Мария?

— Нет.

Пройти в квартиру было, таким образом, невозможно. Я был доволен уже тем, что девочка не начала кричать, и сказал ей:

— Передай им привет от Эриха.

Я не был уверен, что мне не понадобится еще раз посетить моих родственников, и хотел их предупредить о моем возможном визите.

ОДИССЕЯ

Мы спустились по лестнице вниз и вновь вышли на улицу, которая казалась безлюдной, но меня не покидало чувство, будто мы стоим на подносе и на нас смотрит весь мир. Эрих чувствовал себя примерно так же.

— Ну что дальше? — спросил он.

Вероятно, чтобы успокоить самого себя, я ответил:

— Важно, что мы вырвались.

Поскольку результата посещения моих дяди и тети я не мог предугадать, мне пока не удалось продумать мои дальнейшие шаги. Чтобы вообще что-нибудь предпринять, мы двинулись с Эрихом направо по улице. Примерно через 50 метров заметили в закрытом блоке домов разбитое бомбежкой строение. Обрадовавшись, мы полезли по развалинам и проникли в разрушенное бомбоубежище.

Три стены подвала были целы, а вместо четвертой возвышалась гора мусора высотой в двухэтажный дом. В помещении сохранился клозет и единственный стул.

Мы рассчитывали, что наше проникновение в подвал осталось незамеченным. Эрих сказал:

— Если мы кем-либо замечены и о нас донесут в полицию, то мы окажемся здесь как в мышеловке. В этом случае будем действовать в соответствии с обстановкой.

Несмотря на риск, здесь мы чувствовали себя в относительной безопасности. Нам нужно было прежде всего изменить нашу одежду, чтобы она не бросалась всем в глаза. Мы начали ликвидировать на одежде желтые полосы. У нас возникло даже своеобразное разделение труда. Эрих был более опытен в пошивке, а я удалял полосы и вдергивал нитки в иголку.

По моим расчетам, на пошивку у нас пошло около двух часов. Все это оказалось гораздо труднее, чем мы себе представляли. Полосы были слишком широки, и после их удаления ушитые штаны стали нам узки. Трудности усугублялись тем, что нитки были плохого качества. Они часто рвались, особенно там, где швы были толстые, и мы были вынуждены прошивать все заново.

С куртками дело обстояло лучше. У Эрика она представляла собой обычный пиджак на подкладке, поэтому он просто вывернул его и желтые нарукавные полосы исчезли.

Мою рабочую куртку без желтых полос, полученную мною за месяц до побега, я носил под арестантским пиджаком. Оставалось только поменять их местами, и желтые полосы стали не видны. Моя незадолго до этого «организованная» кепка была на три номера больше, я ее вывернул и надел на голову.

Мы со всех сторон осмотрели друг друга и пришли к выводу, что очень похожи на так называемых иностранных рабочих. Это показалось нам для легендирования весьма удобным.

На некотором удалении от сегодняшней Иозеф-Орлопштрассе раньше жила одна из моих двоюродных сестер. Мы решили пойти туда.

Нервное напряжение у нас спало. Мы радовались тому, что, превратив каторжную одежду в гражданскую, обеспечили тем самым себе свободное передвижение. Эрих чувствовал себя прекрасно. Он сказал:

— Я считаю, что те короткие мгновения свободы, которыми мы воспользовались, окупили затраченные на организацию побега усилия.

Дом, в котором я рассчитывал найти двоюродную сестру, был цел. Мы завернули в большой вестибюль и остановились как вкопанные: в 10 метрах мы увидели солдата, который стоял с винтовкой на ремне и с удивлением смотрел на нас.

Это здание раньше являлось фабричным корпусом, затем в 1930 году, во время кризиса, было перестроено в жилой комплекс, позже вновь использовалось для фабричных целей. Сейчас в нем располагалось какое-то воинское подразделение.

Положение было не из приятных. Против этого вооруженного карабином солдата мы были полностью бессильны. Однако он никаких враждебных действий не предпринимал, и мы, повернувшись, медленно вышли из вестибюля.

Через теперешнюю Иозеф-Орлопштрассе мы направились на Меллендорфштрассе и оттуда вновь к Франкфуртераллее. Это значило, что мы с момента побега двигались в радиусе 1000 метров от тюрьмы. В соответствии с нашими планами другого выхода не было. На Франкфуртераллее, угол Меллендорфштрассе, нам опять встретился полицейский.

Я заметил, как наши шаги невольпо замедлились. Опасность, что полицейский нас остановит и потребует предъявить документы, была вполне реальной. Эрих сказал:

— Мы встретим еще много полицейских, и, чем увереннее и независимее будем проходить мимо них, тем меньше будет риск.

Мы пересекли Франкфуртераллее и пошли дальше по Гюртельштрассе, на которой жила мать моего друга, расстрелянного в 1930 году. Она всегда принимала меня, как родного сына, и была для меня второй матерью. В любое время, когда я, находясь на нелегальном положении, испытывал трудности с квартирой, я мог у нее укрыться по меньшей мере на 1—2 ночи. Использование этой квартиры на больший срок было рискованно, так как второй сын этой женщины являлся активным функционером международного рабочего движения и был фашистами лишен гражданства.

Сейчас я надеялся на ее помощь. В этом рабочем квартале она, несомненно, могла найти возможность укрыть нас и обеспечить минимумом продуктов.

Однако дом, в котором она жила, оказался полностью разбитым, а времени на выяснение ее возможного местопребывания мы не имели. Как удалось узнать позже, эта женщина умерла вскоре после падения «тысячелетней империи».

Мы решили пойти к моей другой двоюродной сестре — в Альт-Штралау на Маркграфендамм, но и ее дом оказался разрушенным.

Оттуда мы двинулись в район Нойкельн. Эрих знал там два адреса. Но и здесь мы потерпели неудачу. По одному адресу дом был уничтожен, а по другому нам не удалось найти нужных людей. Мы вновь двинулись в дорогу.

Начало смеркаться. Около 19 часов, спустя 8 часов после нашего побега, мы вышли на Белле-Альянсплац. Вокруг все было разрушено.

Мы завернули в разбитое строение, от которого осталась лишь коробка стен. Потолок подвала сохранился, и на том месте, где была лестница, чернела дыра. Эрих полез в эту дыру. Через некоторое время я увидел, как он машет мне оттуда рукой, и направился к нему.

Подвал полностью выгорел. На земле лежал слой пепла, достигавший щиколотки. Очевидно, всего несколько дней тому назад в дом попали зажигательные бомбы. Стены подвала были еще теплыми. Нам в этом теплом подвале показалось хорошо и уютно, и мы решили заночевать здесь. Пепел, который еще в большей мере загрязнил нашу одежду, нам не мешал, так как в таком виде мы выглядели в полном соответствии с нашей легендой.

После сильного нервного напряжения, связанного с побегом и восьмичасовым блужданием в поисках убежища, мы нуждались в отдыхе. Весь день мы ничего не ели и сейчас почувствовали острый голод. Съев по куску тюремного хлеба, полученного по дневному рациону, мы погрузились в глубокий, крепкий сон.

На следующее утро, оставив ведро с инструментами, успевшее мне порядком надоесть, в подвале, мы опять двинулись в путь.

На Фридрихштрассе у нас было три адреса. Но все дома по этим адресам так же, как и предыдущие, были разрушены. Непрерывная угроза облав, которые проводились наряду с постоянным полицейским контролем в городе, заставила нас вновь перебраться в Нойкельн.

К счастью, в этом районе нам повезло. Мы постучали в один из знакомых домов, и нам открыла коммунистка, которую Эрих знал раньше. Она была слегка удивлена, увидев нас в таком неприглядном виде. Мы обрисовали ей наше положение и просили помочь. Я заметил, как в ее глазах появился страх. Ей была хорошо известна опасность, которой она подвергалась за оказание нам помощи. Несмотря на это, она согласилась сделать все возможное и связать нас с товарищами. Из своих мизерных запасов продуктов, которые она получала по карточкам, сварила нам суп. Весь день и вечер она пыталась организовать нам помощь.

В целях безопасности мы должны были расстаться с Эрихом. В отличие от меня он находился в незнакомом городе, и поэтому мне хотелось вначале устроить в безопасное место его, а затем уже позаботиться и о себе.

Вечером начался сильнейший воздушный налет, один из тех, по которым в ту пору можно было сверять часы. Нам с Эрихом идти в бомбоубежище было нельзя, так как местные жители сразу бы заметили чужих, и мы вынуждены были все время налета сидеть на кухне у угольного ящика.

Нойкельн до сих пор не подвергался сильным бомбежкам, и в этот вечер налет не был продолжительным, на территорию района бомбы почти не попали. По возвращении из убежища хозяйка рассказала нам о своих попытках найти для Эриха убежище и продовольственные карточки. Перспективы были неплохими и вселяли в нас надежду.

На следующее утро мы решили попытаться использовать другую возможность. Наша рабочая команда после налета устраняла несколько недель назад повреждения, причиненные судебному зданию в Шенеберге. Эрих работал там в доме надзирателя. Хозяин был давно на фронте. Его жена, умная, решительная женщина, настроенная против фашистов, сказала как-то Эриху:

— Долго вы еще будете торчать в этой команде? Вы же отлично знаете, что вас всех перебьют.

Эрих осторожно ответил:

— А как этому воспрепятствовать?

— Могу сказать. Я готова укрыть в этой квартире двух человек. Никто не подумает, что вы скрываетесь в здании суда. Кроме того, постройка здесь прочная. Она в известной мере гарантирует от бомбежки. А о продовольствии я позабочусь.

Вспомнив это, мы решили на следующее утро в 6 часов отправиться пешком из Нойкельна в Шенеберг, поскольку поездки на городском транспорте из-за постоянного контроля были опасными.

Коммунистка, у которой мы ночевали, жила в квартире, расположенной в глубине двора. Едва мы вышли из дома, как нам повстречался мужчина. Начальственным тоном он спросил:

— Куда вы идете?

Я ответил ему на вопрос вопросом:

— А откуда идешь ты?

Последовал вопрос еще более серьезным тоном:

— Ответите вы наконец, кто вы такие?

— Скажешь ли наконец ты, кто ты такой?

— Я — старший по бомбоубежищу.

Одного взгляда на этого типа было достаточно, чтобы понять, что от него можно ожидать всего. Он буквально упивался своей властью. Этот человек был для нас особенно опасен, и поэтому в крайнем случае мы должны были решиться на чрезвычайные меры. На Эриха я, безусловно, мог положиться, а сам был готов испытать на нем свои познания в дзю-до.

Я попытался напугать его и на берлинском жаргоне сказал:

— Ты, дубина! Если и дальше будешь болтать пьяный здор, то схлопочешь по морде!

Очевидно, бдительный страж отлично понимал берлинский жаргон. От страха у него опустилась нижняя челюсть. Он онемел.

Не удостаивая его даже взглядом, мы медленно пересекли двор, прошли ворота и вышли на улицу. Нас никто не преследовал.

Почти трехчасовой марш до здания суда в Шенеберге прошел без происшествий. Квартира находилась в глубине первого этажа. Перед окнами был разбит палисадник шириной примерно в два метра, огороженный низким забором. Мы пытались бросать в окошко мелкие камешки в надежде, что оно откроется и в нем покажется хозяйка.

Однако все наши попытки были безуспешны. Не оставалось ничего иного, как пройти через главный вход внутрь судебного корпуса и затем к квартире.

Я сказал Эриху:

— По всей вероятности, тебе нужно первому пойти к твоей знакомой.

Эрих согласился и, глубоко вздохнув, пошел к главному входу. Я остался в конце здания на углу прилегающей улицы. Оттуда мне были видны главный вход и дверь квартиры надзирателя.

Эрих зашел в здание. Я ожидал, что дверь в квартиру откроется и тогда я смогу исчезнуть с улицы.

Однако время шло. Оно казалось мне вечностью. Я стоял как на горящих углях. Наконец Эрих появился. По его виду я сразу понял, что что-то не в порядке. Он прошел быстрым шагом вдоль улицы мимо меня и вернулся в один из соседних переулков. Я некоторое время оставался наблюдать за зданием, особенно за его главным входом. Убедившись, что за Эрихом никто не следит, я последовал за ним и стал его расспрашивать. Он рассказал, что, поднявшись вверх по лестнице, столкнулся с портье, который обычно сидел в своей каморке и знал в лицо всех заключенных рабочей команды.

— Вы куда? — спросил он.

Эрих не мог вступать с ним в разговор, поскольку тот сразу бы узнал его, поэтому, не отвечая, прошел мимо. Портье побежал за ним. Попытки оторваться от него не увенчались успехом, и Эрих с трудом выскочил через главный вход. Дойти до квартиры ему не удалось.

Таким образом, мы потеряли еще одну возможность, причем самую многообещающую.

Недалеко от суда находилась Баварская площадь. Там у нас тоже был адрес. Несколько месяцев назад я познакомился в женской тюрьме на Барнимштрассе с одной из арестанток — милой девушкой, работавшей на кухне. Она курила, что было в тюрьме запрещено, и я пытался снабжать ее сигаретами. За это она мне доставала продукты. Когда я получал на кухне дневную порцию продуктов на всю команду, мне иногда удавалось обменяться с ней несколькими фразами. Она знала, что меня в сентябре 1945 года должны освободить, но не знала, что после истечения срока, определенного приговором, фашисты направят меня в концлагерь. Ее срок заключения истекал в январе 1945 года. Поскольку я ей, очевидно, нравился, она как-то сказала:

— Обещай, что после освобождения ты зайдешь ко мне.

Я, конечно, обещал ей, поскольку собирал адреса на случай предстоящего побега. Она дала мне два адреса. Из них я запомнил только тот, что на Баварской площади. Ее сельский адрес меня не интересовал. Мне было ясно, что поездка туда слишком рискованна. В ту пору не только городские, но и междугородные средства транспорта подвергались строгому контролю.

Эрих и я направились к Баварской площади. Наше волнение возрастало. В некотором удалении мы увидели строение. Однако когда мы подошли ближе, то убедились, что оно полностью разбито и непригодно для жилья.

Эрих имел еще один адрес на теперешней Люксембургплац. До нашей новой цели было три-четыре часа ходу. Чтобы избежать столь длительного путешествия, мы решили, несмотря на большой риск, поехать по городской железной дороге с вокзала Цоо до Александерплац.

Поездка прошла без происшествий, но в квартире по имевшемуся адресу мы никого не нашли. Мы ждали несколько часов. Окрестности Александерплац и теперешней Люксембургплац, включая Линиенштрассе, подвергались постоянной проверке военными патрулями и, понятно, кишели полицейскими, переодетыми в гражданское. Заметив патруль, мы прятались в развалинах. Сколько раз нам приходилось это делать, я не считал. Наконец мы нашли адрес, где достали для Эриха гражданскую экипировку, и его знакомая обещала подготовить нам убежище. Однако сейчас же она нас укрыть не могла.

За несколько месяцев до нашего побега я случайно встретил своего дядю. Я шагал по проезжей части улицы в колонне рабочей команды к станции метро на Александерплац. Прохожий, идущий по тротуару в том же направлении, оказался моим дядей. Конвоировавший нас надзиратель не стал нам мешать, и мы смогли обменяться несколькими фразами. Дядя сообщил мне свой новый адрес.

Он жил на Одербергерштрассе. Сейчас этот адрес мог нам пригодиться. На действительную помощь я не рассчитывал, поскольку моя тетья не пожелала бы рисковать, а дядя хотя и был хорошим человеком, но любил выпить и мог спьяну проболтаться. Однако нам было просто необходимо по меньшей мере одну ночь где-нибудь спокойно переночевать и поесть, так как помимо тарелки жидкого супа, съеденного ранним утром в Нойкельне, у нас не было во рту ни крошки.

Мы застали дядю и тетю дома. Они были весьма удивлены нашим появлением, и я вынужден был сказать, что нас досрочно освободили.

По своей политической неосведомленности они мне поверили. Дядя даже был рад.

— Это чудесно, Эрих! Ты каменщик, я маляр. В Берлине после таких бомбежек для нас будет уйма работы.

Я про себя смеялся, поскольку наше положение выглядело далеко не в розовом свете.

Утром Эрих поехал в Нойкельн. Мы рассчитывали, что его знакомая уже подготовила нам убежище и удовольствие. На один из ближайших дней с ней была назначена встреча, но из-за воздушной тревоги она не состоялась, и наша связь оборвалась.

Примерно через две недели Эрих опять попал в руки фашистской юстиции. Но, к счастью, он выжил. Его посадили в тюрьму Бранденбург-Герден. С захватом частями Советской Армии Бранденбурга для него пробил час освобождения.

Когда Эрих, как было сказано выше, отправился с Одербергерштрассе в Нойкельн, я тоже решил начать поиски квартиры. У меня был еще один, последний, адрес.

За несколько недель до побега мы работали в так называемой академии немецкого права, которая находилась против имперской канцелярии. Я восстанавливал с улицы стену, поврежденную бомбой. Внезапно я увидел Вилли

Фогта, который плелся по улице мне навстречу. Он, очевидно, заметил меня еще раньше. Не разгибаясь и не сходя со своего рабочего места, я спросил его:

— Где ты теперь живешь?

Проходя мимо, он ответил мне:

— Грейфенхагенерштрассе, тридцать пять.

После нашей совместной нелегальной работы до 1935 года мы вновь встретились через два года в Луккау. Вилли, поскольку гестапо, к счастью, не знало о его прошлой деятельности, был за принадлежность к компартии приговорен лишь к трем годам, и по отбытии срока заключения его не посадили в концлагерь, а в числе немногих выпустили на свободу.

Теперь из многочисленных адресов остался не проверенным лишь его адрес. С Одербергерштрассе я пошел к нему. Квартира Вилли находилась примерно в полутора километрах от дома моего дяди. Невеселыми были мои мысли. Не разрушен ли дом? Встречу ли я кого-нибудь?

Внешних следов повреждения его дом не имел. Я позвонил в дверь квартиры. Она открылась, и на пороге появилась женщина. Я ее видел однажды 11 лет тому назад. Тогда она была мне представлена в качестве невесты Вилли. Женщина с удивлением смотрела на меня.

— Ганс! Ты ли это? Ну входи!

— Где Вилли?

— Вилли придет через час обедать. Он работает неподалеку на стройке.

Лотта, так звали жену Вилли, ввела меня в комнату. Я сел в кресло, стоявшее у теплой печки. Квартира была не так бедна, как у коммунистки в Нойкельне и у моего дяди, и казалась мне раем. Я полностью отдался желанию расслабиться и отдохнуть и не мог двинуть ни одним мускулом. Повышенное нервное напряжение последнего месяца и особенно последних дней давало о себе знать. Я погрузился в полудремотное состояние и наслаждался чувством покоя и безопасности. Жена Вилли ни о чем не спрашивала меня и хлопотала на кухне.

Спустя некоторое время раздался звонок. Лотта открыла. Я слышал, как Вилли с нею поздоровался и она ему ответила. После небольшой паузы она промолвила:

— У тебя гость.

Она, очевидно, хотела удивить его. Когда он открыл

дверь комнаты и увидел меня, то заметно смутился и выпалил:

— Дружище Ганс! Откуда ты?

Спустя столько лет, прошедших с нашей последней встречи, я, конечно, не знал, остался ли Вилли прежним бесстрашным, мужественным коммунистом, и поэтому повторил ему легенду о моем досрочном освобождении, рассказанную дяде.

Я подумал, что Вилли достаточно умен и все поймет. Если он захочет помочь, то сам об этом скажет. Если же он пожелает отказать мне в помощи, то ему нужно будет только прикинуться дураком, так как он знал, что, если бы меня отпустили, я мог бы жить легально. Кроме того, я не хотел волновать его жену.

Вилли взглянул на меня и ухмыльнулся:

— Это ерунда! Тебя же не отпустили, а ты бежал.

Когда я это подтвердил, он спросил:

— Что же нам делать? Мою квартиру разбомбили. А в этой тебе нельзя оставаться. Она принадлежит моей свояченице, а на противоположной стороне лестничной клетки проживает нацист, который несколько недель тому назад уже доносил на меня.

Я спросил его о старых знакомых. Связи с ними он не имел. Аресты, война и бомбежки все нарушили. Ему, однако, удалось пристроить меня на три дня у одной старой коммунистки. Ее квартира находилась на Мюленштрассе, на которой мы раньше выпускали «Ди вархайт». Более продолжительное время взрослая дочь этой коммунистки и ее муж были не в состоянии меня укрывать. Другие попытки найти пристанище были также безуспешны.

Таким образом, мне пришлось вопреки нашим намерениям оставаться в квартире Вилли. Добывать продукты не составляло большого труда, поскольку сестра Лотты под Берлином имела свою пекарню.

Первые двое суток во время дневных и ночных воздушных налетов я оставался в квартире. На третий день Вилли мне решительно заявил:

— Ты должен непременно спускаться в бомбоубежище. А то еще случится что-либо. Наш район, безусловно, будет подвергнут сильным бомбардировкам, так как он до настоящего времени относительно мало был разрушен.

Я не хотел появлением в домашнем бомбоубежище увеличивать опасность для Вилли и его жены.

— Лучше я буду выбегать на улицу и искать убежища в какой-либо воронке от бомбы, — пообещал я им.

Так я и делал. Нашел воронку на Висбиерштрассе, которая была не особенно далеко от дома Вилли, и провел в ней несколько воздушных тревог. Днем это было особенно опасно. Мужчина, который не идет в бомбоубежище, а прячется в воронках, сразу мог вызвать подозрение. Чтобы не быть замеченным из домов, расположенных в окрестности, я с началом тревоги ходил по улице вблизи намеченной воронки до тех пор, пока не начинали падать бомбы и жильцы ближайших домов не убегали в убежища.

Конечно, надежного укрытия моя воронка не обеспечивала, поскольку она находилась во дворе большого разбитого блока домов. Рядом с воронкой еще стояли две стены, которые еле держались. Я всегда боялся, что, если бомба взорвется близко, от сотрясения стены рухнут и похоронят меня в моем «убежище».

Вилли и его жена, которые беспокоились обо мне больше, чем я сам, пытались меня убедить, что было бы лучше ходить с ними в бомбоубежище на станцию метро Александерплац. Мне это казалось опасным, поскольку я боялся проверок, которые часто проводились на лестнице станции. Я предпочитал лучше погибнуть при налете, чем вновь попасть в руки гестапо.

Наконец я все же согласился с доводами Вилли, поскольку он убедился, что за последнее время проверки на станции метро не бывает.

При первом же посещении бомбоубежища я почувствовал себя в относительной безопасности. Многие тысячи людей устремились в туннели метро. На платформах и на рельсах, плотно забитых людьми, вряд ли был возможен действенный контроль. От агентов гестапо и полицейских в гражданском я пытался спастись тем, что выбирал место в окружении таких людей, которые, по моему мнению, не вызывали подозрения. К началу налета народу набивалось так много, что никто не мог двинуться с места. Так я поступал восемь дней. Вилли с женой укрывались в подвале своего дома.

Риск на пути к убежищу и обратно казался мне меньшим, чем пребывание в воронке. Наибольшая опасность грозила при возможных проверках на лестницах и особенно при выходе из метро после отбоя.

В убежищах станций метро всегда было шумно от многоязычного говора. Иностранцев, вывезенных фашистами в Берлин из оккупированных стран, было очень много. При каждом налете я видел рядом с собой четырех так называемых восточных рабочих.

В убежищах метро большинство людей, укрывавшихся там от налетов авиации, имели постоянные места. Я обычно садился на токонесущий рельс, который был в это время отключен от сети. Отсюда я наблюдал за восточными рабочими и пытался понять, о чем они говорят. Однажды я услышал, как они обменивались новостями о положении на фронтах и радовались успехам Красной Армии. Они тихо говорили по-русски.

Я не удержался и вмешался в их разговор.

Этот случайный контакт спас мне, вероятно, жизнь. На следующий вечер после отбоя тесная толпа людей двинулась к выходу. Едва я поднялся на половину лестницы, как заметил, что мои знакомые, успевшие уйти вперед, ищут меня глазами. Когда наши взоры встретились, один из них крикнул:

— Полицейский контроль!

Вероятно, они догадывались, кто я, потому что все взрослые мужчины в то время были на фронте.

Мое положение было весьма сложным. Сжатый толпой, я выталкивался ею наверх. К счастью, я находился еще на середине лестницы с левой стороны, примерно в двух с половиной метрах от перил. Необычайным напряжением сил мне удалось постепенно протиснуться к ним. Это передвижение нужно было делать возможно незаметнее. Пробравшись к перилам, я изо всех сил схватился за них, чтобы пропустить мимо себя массу людей. Наконец напор уменьшился. Я двинулся вниз по лестнице, говоря тем, кто еще поднимался:

— Какая незадача, забыл вещички!

Многие смеялись:

— И ты считаешь их сейчас найти?

Едва достигнув платформы, я спрыгнул на рельсы и попытался исчезнуть, пробравшись в туннель. Я побежал в направлении станции Клостерштрассе. Примерно в 100 метрах от станции Александерплац я сел в нишу и начал обдумывать свое положение. Ничего страшного не произошло. Примерно через два часа тем же путем я воз-

вратился назад и поднялся по лестнице, чтобы выйти на улицу.

Перед каждым входом и выходом станций метро имелись большие железные решетки, которыми они закрывались. Однако незадолго до случившегося в выход со станции Александерплац ударила бомба, и часть решетки была разрушена. Она была заменена досками, через которые пройти было невозможно. Чтобы выйти, мне нужно было оторвать хотя бы одну из них. Я схватил доску и рванул. Затем попытался этой доской вырвать гвозди. Раздался сильный треск, эхом отозвавшийся в пустом туннеле. Испугавшись, я на время прекратил работу, но выхода не было, и я, собрав все свои силы, сорвал доску с гвоздей и выполз наружу сквозь образовавшееся отверстие.

Путь через Александерплац, Шёнхаузераллее до Висбиерштрассе был чрезвычайно опасен. Десятки баррикад преграждали улицы, поскольку этот район, как и весь Берлин, был подготовлен к обороне. Оставались лишь проходы в несколько метров шириной, которые можно было легко контролировать и охранять. Единственной защитой для меня была полная темнота. К счастью, мне удалось без происшествий добраться до дома Вилли. Там меня ожидали с большим беспокойством. Вилли и его жена уже думали, что со мной что-то случилось.

На другой день перед обедом вновь начался один из многочисленных налетов. Чтобы не попадаться на глаза жильцам, я ушел из дома еще при первом предупреждении о тревоге. Мне не хотелось прятаться в воронке или идти в бомбоубежище на Александерплац, и я направился по Висбиерштрассе, Остзеенштрассе и затем по Грайфсвальдерштрассе в направлении теперешней Димитровштрассе. Здесь я вспомнил, что нахожусь совсем недалеко от Растенбургерштрассе, на которой до 18 декабря 1934 года проживал нелегально. Удивительно, что при всех попытках вспомнить перед побегом адреса, где можно было бы найти убежище и друзей, могущих его предоставить для нас, я не подумал об Анне и Альфреде Эльснер.

Когда свернул на Растенбургерштрассе, я увидел, что здание, где они жили, не разрушено. К этому моменту был дан отбой воздушной тревоги. Я вошел в дом, поднялся по лестнице, надеясь, что Альфред и Анна еще живут в старой квартире. На третьем этаже была табличка с их именами. Я позвонил, и передо мною появилась

Анна. Более десяти лет мы не виделись. Она смотрела на меня с удивлением и смогла только промолвить:

— Альберт? Входи! — Она вспомнила мою партийную кличку.

В беседе с ними я подробно рассказал о своем положении. Анна и ее муж ничего не знали о моем аресте. Когда она увидела меня, то подумала, что я сброшен с парашютом. Укрыться в их квартире было нельзя, так как у них проживали родственники. Один из сыновей находился на фронте, и его семья осталась без крова, поскольку их дом незадолго перед этим сгорел.

Альфред работал на старом месте. Анна мучительно раздумывала, куда бы меня пристроить. Самым благоприятным было бы поселить меня в какой-либо семье, проживающей в отдельном домике неподалеку от Берлина. Там бы мне можно было остаться на длительное время и не было бы необходимости покидать квартиру при воздушной тревоге.

— Это кажется мне осуществимым, — заметила Анна. — У нас есть две знакомые женщины. Одна — коммунистка, проживает в Тегеле, другая симпатизирует нам, живет в Лихтерфельде. Обе владеют отдельными домиками. Симпатизирующая нам имеет в Лихтерфельде корову и маленький садик, который сейчас запущен.

— Я думаю, это было бы самое лучшее. Надеюсь, у нее хватит мужества принять меня.

— Я думаю, — сказала Анна.

Когда Альфред вернулся с работы, он был весьма рад и сердечно меня приветствовал. Мы договорились с ним на следующий день встретиться в 16.30 на Ангальтском вокзале. Альфред должен был проводить меня к его знакомой в Лихтерфельде и договориться, чтобы она меня укрыла у себя. У Вилли, не подвергая его опасности, я не мог больше оставаться, а другой возможности не было.

В отличном настроении отправился я на квартиру к Вилли. Я уже дошел до Висбиерштрассе. Это красивая широкая улица, в середине ее проходят трамвайные пути, по обе стороны которых тянутся тротуары и велосипедные дорожки. Я пошел по тротуару, который находился почти посередине улицы, так как оттуда при неожиданных ситуациях мне было легче скрыться от преследования.

Внезапно в ста шагах от квартиры Вилли я заметил патруль полевой полиции на велосипедах — их называли

цепными псами. Они ехали прямо на меня. Во главе катил фельдфебель. Через несколько секунд они должны были поравняться со мной. Фельдфебель начал тормозить. Положение казалось мне безвыходным. От трех полицейских на велосипедах я уйти не мог. Кроме того, у них были карабины, и они просто могли меня застрелить. Мои нервы были напряжены до предела, но внешне я казался спокойным и равнодушно посмотрел фельдфебелю в глаза.

Это спасло меня. Он вновь надавил на педали, и тройца проследовала дальше.

С Вилли мы решили, что он должен подстраховать мой путь от Ангальтского вокзала до Лихтерфельда, так как полагали, что вокзалы могут находиться под контролем.

Вилли имел задачу проехать до Ангальтского вокзала до станции Лихтерфельд и вернуться обратно. В том случае, если в пути не было контроля и облав, он должен был в 16.35 на Ангальтском вокзале, не заговаривая со мной, пройти мимо, держа правую руку в кармане.

На следующее утро я отправился к Альфреду, чтобы узнать от Анны, сохраняется ли в силе наша договоренность. Она ответила утвердительно.

Я уже хотел попроцаться, как объявили воздушную тревогу, которая длилась два часа. Эту возможность я учел, и у меня до встречи с Альфредом оставалось еще немного времени.

После отбоя я двинулся в путь. Свернув с Растенбургерштрассе на Грайфсвальдерштрассе, я увидел на перекрестке полицейский патруль, который проверял документы у прохожих. Я вернулся на Растенбургерштрассе и решил добираться до Ангальтского вокзала по переулкам и окраинным улицам.

По пути я пришел к выводу, что в этот день, очевидно, проводилась крупная облава. На каждом перекрестке и больших автобусных и трамвайных остановках проверяли документы.

Возможности действенного контроля в городе, нацистском СС, полицией, частями вермахта, фольксштурма, были достаточно большими. Фашисты располагали еще силами для проведения таких облав, которые длились часто два-три и даже четыре дня.

Разведка параллельных улиц, необходимые обходы по-

требовали немало времени. Я боялся, что опоздаю на встречу.

Наконец я подошел к Гетрауденбрюке, который не был занят полицией. Однако на Шпиттельмаркт стояли полицейские контрольные посты у входа в метро и у трамвайной остановки.

Через эту площадь я должен был перейти обязательно. Поскольку время поджимало, я решил последний отрезок пути проехать на трамвае. Поставив все на карту, я медленно пошел через мост.

От Вальштрассе по Лейпцигерштрассе к Потсдамерплац шел трамвай. Он останавливался на Шпиттельмаркт. Я как раз был неподалеку от поста, который на остановке проверял документы. Как только трамвай тронулся, я пробежал мимо поста и вскочил на подножку. Произошло невероятное. Меня никто не задержал, и я благополучно прибыл на Ангальтский вокзал.

Там уже стояли Вилли и Альфред. Они не были знакомы и не знали друг друга. Вилли подал мне обусловленный сигнал. На вокзале не было постов и облав. У меня свалился камень с сердца. На такое счастливое стечение обстоятельств я не рассчитывал. Если бы на вокзалах Ангальтском и Лихтерфельдском были проверки, мне нужно было бы возвращаться через весь город, и при этом я, конечно, не смог бы избежать ареста.

На Ангальтском вокзале я купил билет, сел в поезд. Альфред и Вилли расположились в том же вагоне на некотором удалении.

В Лихтерфельде мы сошли. Я степенно прошел вдоль перрона и посмотрел на расписание. Тем временем Вилли пробежал по лестнице вперед, чтобы убедиться, что путь свободен. Он наклонился и принялся завязывать шнурок ботинка — сигнал, что все в порядке. Альфред следовал за мной. За вокзалом он обогнал меня, и я последовал за ним на некотором удалении.

Вилли возвратился. Он не знал, где я буду скрываться.

УБЕЖИЩЕ

Через двадцать минут мы добрались до цели. Мария, знакомая Эльснера в Лихтерфельде, была мужественной, чрезвычайно решительной женщиной. Узнав о моем поло-

жении, она, не задумываясь, согласилась предоставить мне убежище. С этого времени для меня наступила пора относительного покоя и безопасности. Наконец-то я мог снова наесться досыта.

Мария имела в качестве прислуги молодую русскую девушку. Она относилась к ней, как к дочери. Во время налетов, когда обе женщины уходили в бомбоубежище, я оставался дома. Вероятность попадания бомб в разбросанные по большому пространству маленькие домики была весьма невелика.

Опасность быть раскрытым под конец также казалась мне небольшой, так как я из дома никуда не выходил. В хорошую погоду у меня даже была возможность отдыхать на балконе, скрытом от посторонних взоров.

Мария и ее «дочь» понемногу работали в садике. Он был постоянно закрыт. Мы проводили время в чтении, беседах, слушали радиопередачи из-за рубежа, интересуясь преимущественно сводками о положении на фронтах.

В связи с предстоящими боями за Берлин возникала новая опасность. У Марии могли расквартировать эсэсовцев или эвакуировать ее вместе с другими жителями на оборонительные работы.

Последняя опасность была особенной реальной, поскольку недалеко от нашего дома находилась какая-то часть СС, предназначенная к обороне создаваемых укреплений.

В этом случае опасность грозила не только мне, но и обоим женщинам.

Чтобы избежать опасности при расквартировании в доме фашистских солдат, я должен был найти какое-либо укрытие. При обследовании строения мы обнаружили, что в мансарде, где находилась моя комната, между стеною и стропилами имеется свободное пространство, в котором можно было стоять согнувшись и довольно удобно лежать. Я хотел устроить себе здесь тайник. Мария согласилась. Я вытащил плиту из стены, которая примыкала к крыше. К отверстию поставил гардероб, заднюю стенку которого я сделал подвижной.

При опасности я забирался в гардероб, заднюю стенку отодвигал в сторону, выходил в пространство между крышей и стеной, задвигал стенку шкафа обратно и закрывал отверстие в стене отставлявшейся в сторону плитой.

Мария не имела намерения эвакуироваться даже в том случае, если боевые действия проходили бы через ее участок. На этот случай я подготовил следующий вариант убежища. Пол сарая, прилегавшего к коровнику, был устлан жердями, уложенными на бетонных балках. Между двумя балками я вырезал отверстие в настиле примерно в метр длиной. Это отверстие должно было служить лазом. Затем под полом я выкопал небольшую яму. Глинистый грунт был настолько прочен, что стены не обсыпались. Глину я выносил по ночам и ссыпал на кучи навоза, закрывал ее сверху соломой. Чтобы обезопасить убежище от осколков, я сверху наложил железных прутьев, досок, листов железа. В образовавшийся таким образом бункер мы снесли наиболее ценные вещи: белье, украшения и прочее. К счастью, при последовавших событиях нам не понадобились ни тайник, ни убежище.

Фронт все приближался. Эсэсовцы выгоняли гражданское население из бомбоубежища, которое находилось примерно в 500 метрах от дома. Мария и русская девушка во время налетов должны были оставаться на месте.

24 апреля 1945 года советские части начали наступление на Лихтерфельд. Угнанные на принудительные работы иностранцы и наша молодая подруга воспользовались этим и бежали. Затем фронт временно стабилизировался, и фашисты стали строить новую оборонительную линию.

В следующие дни боевые действия развертывались в непосредственной близости от усадьбы Марии. Я опасался, что соединения СС займут усадьбы и дома, в том числе дом, в котором мы находились, и развернут на этой территории боевые действия. Однако их силы иссякли. Борьба развертывалась главным образом вдоль дорог.

Мы в течение четырех дней находились практически на ничейной земле. Каждое мгновение я ожидал, что эсэсовцы войдут в дом. Мария ежедневно уходила, чтобы узнать о продвижении фронта. Она рассказывала мне о падении боевого духа фашистских солдат. Из этого мы делали вывод, что до нашего освобождения остались считанные дни. Канонада продолжалась день и ночь. Отчетливо слышались выстрелы противотанковых и зенитных орудий, которые вели прямой наводкой огонь по вражеским целям.

Мне кажется, это было 28 апреля, когда внезапно, как по команде, стрельба прекратилась. Мария и я удивленно

переглянулись. Тишина была для нас неожиданной. Мы стали выглядывать в окно и увидели трех человек в военной форме. Они пытались пройти на веранду, но она была закрыта. Я не мог распознать, кто это: солдаты вермахта или красноармейцы? Из дома выйти незамеченным мне было уже нельзя.

Мария пошла к задней двери, чтобы встретить «гостей». Я через щель в двери наблюдал за развитием событий. Это были советские солдаты. Я видел, как они поздоровались с ней и затем зашли в помещение. Они впросительном постремили на меня. Я приветствовал их по-русски:

— Добро пожаловать, товарищи.

Когда они от нас уходили, мы были уже друзьями.

С освобождением немецкого народа от фашизма пробила также час моего освобождения.

На следующее утро я отправился в Лихтерфельд. Я видел воинов Красной Армии. Они заставляли перепуганных булочников, мясников и других торговцев открывать магазины и продавать женщинам, детям и старикам продовольствие.

Я разговорился с группой советских солдат. Мне хотелось узнать, закончились ли боевые действия во всем городе и могу ли я пробраться в центр. Они отвечали, что в городе идут бои. Тут один из немцев попросил меня:

— Скажи, что я тоже являюсь коммунистом.

Я посмотрел на него. Передо мной стоял Карл Тайсен. Он тоже просидел несколько лет в каторжной тюрьме Луккау. Я спросил его:

— Знаешь ли ты еще кого-либо из оставшихся в живых коммунистов?

Он назвал несколько фамилий.

Это была случайная встреча, и мы начали устанавливать связи с нашими товарищами. В сотрудничестве с советским комендантом мы выявляли активных нацистов, совершивших тяжкие преступления. Санкцию на создание парторганизации мы тогда еще не получили. Комендант рекомендовал нашим коммунистам и демократически настроенным гражданам сосредоточить усилия на создании нормальных условий для жизни населения.

3 мая 1945 года я решил с согласия лихтерфельдских коммунистов направиться в центр города. Один товарищ написал мне на русском языке своего рода пропуск, кото-

рый я храню до сих пор. Там было указано: «Товарищ Эрих Ханке направляется по заданию коммунистической партии. Просим оказывать ему содействие и помощь. Коммунистическая партия».

С этой написанной от руки бумажкой мне удалось пройти десятки советских контрольных пунктов и достигнуть цели.

Я забрал велосипед фашистского военного преступника и поехал к центру города, при этом мне пришлось перебираться по взорванному мосту через Тельтов-канал.

Поздно пополудни я добрался до района Пренцлауэрберг. В нем находился бывший подрайон Нордринг, в котором я когда-то работал в качестве политического руководителя. В магазине на Штольпишентрассе коммунисты организовали свой опорный пункт. Когда я туда пришел, там уже были два наших товарища, которые меня сердечно приветствовали. Один из них сказал:

— Полчаса тому назад это здание покинул Георг Каутц.

Я был счастлив почувствовать силу нашей партии, которая была жива в наших мужественных, готовых к борьбе товарищах. Нам предстояла борьба за новую, лучшую Германию...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Первые испытания	5
Новые задачи	14
Фабрика Гарбатти	22
«Лицо» в окне	25
Вилли и портной	28
Западня не сработала	30
В подокруге Нордринг	34
Друг или враг?	36
Операция «скандирование»	40
18 декабря 1934 года	46
Условия жизни подпольщика	47
Технический руководитель берлинского окружного комитет а	53
Густав ускользает от гестапо	65
Лотти	66
Ротаторная на Эльзасерштрассе	71
В лапах гестапо	76
Моабит	86
Упущенная возможность	95
Процесс	99
Городская тюрьма Берлин-Шарлоттенбург	103
В Луккау	106
Встреча с полицейским	120
Фельдфебель	121
Грязевая ванна	123
Вновь под следствием	129
В каторжной тюрьме Бранденбург-Герден	142
Рабочая команда в Берлине	149
Неудавшийся побег	160
Спустя 24 часа	165
Одиссея	171
Убежище	187

Эрих Ханке

ВОСПОМИНАНИЯ ПОДПОЛЬЩИКА

Редактор *В. А. Никольский*
 Литературный редактор *В. В. Хромченко*
 Художник *Н. Я. Сиконотикова*
 Художественный редактор *И. Г. Сальникова*
 Технический редактор *Н. А. Миронова*
 Корректор *Л. В. Дерюгина*

Сдано в набор 4.3.76 г. Подписано в печать 24.5.76 г.
 Формат 84×108₃₂. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 10,08
 Уч.-изд. л. 10,505. Типографская бумага № 2
 Тираж 65000 Цена 70 коп.
 Изд. № 10/2196 Зак 91

Воениздат
 103160, Москва, К-160
 1-я типография Воениздата
 103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

70 К

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ

ӘРІК ХАНКЕ